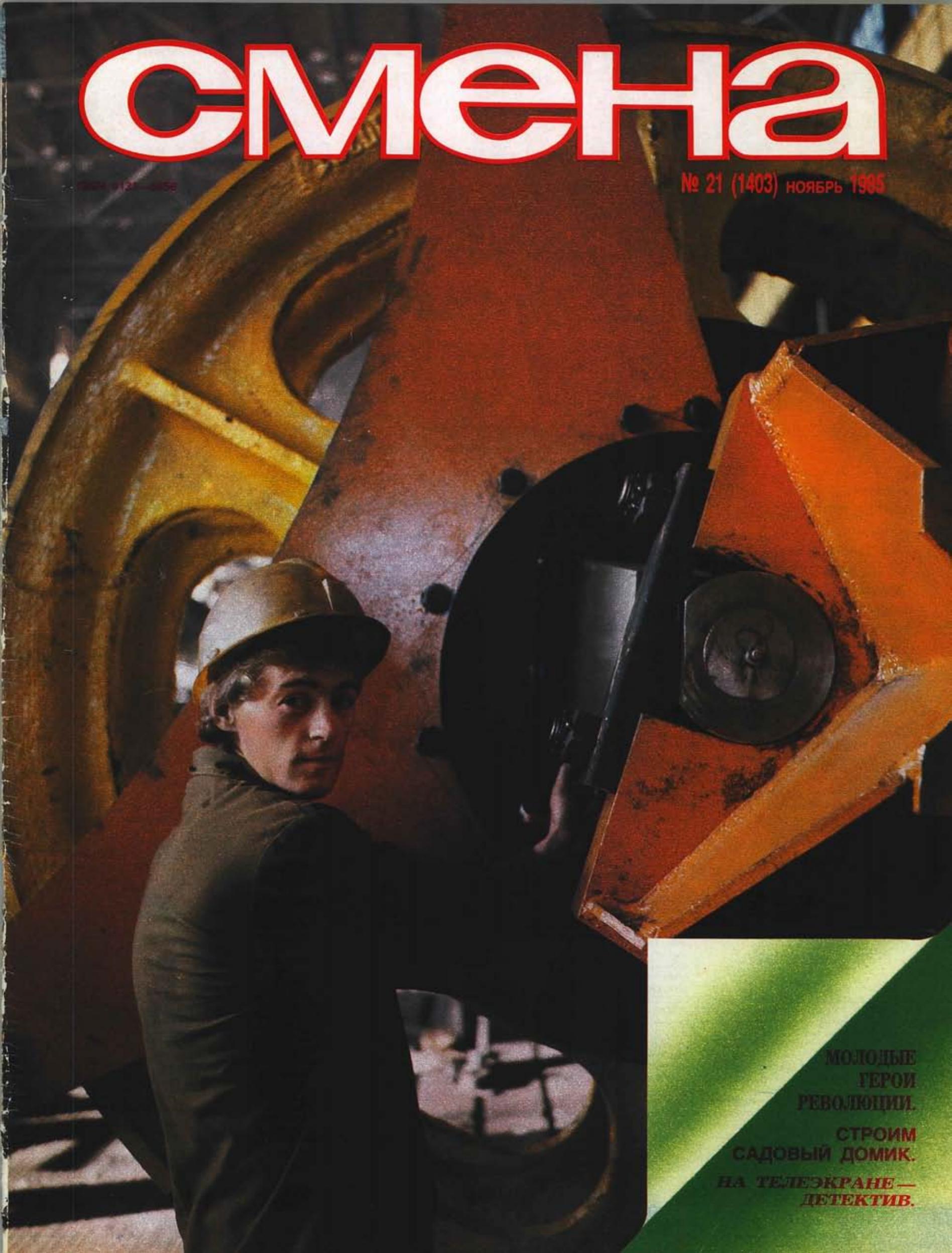

смена

№ 21 (1403) ноябрь 1985

МОЛОДЫЕ
ГЕРОИ
РЕВОЛЮЦИИ.

СТРОИМ
САДОВЫЙ ДОМИК.
НА ТЕЛЕЭКРАНЕ —
ДЕТЕКТИВ.

СПРОСЬ СЕБЯ

На повестке
дня—
бережливость

Как поднять
инициативу
каждого
работника,
чтобы быстрее
добиться
повышения
производительности
труда?
Как воспитывать
у молодых рабочих
чувство хозяина,
бережливость,
ответственность?
Об этом шел
разговор
в комсомольско-
молодежной
бригаде
фрезеровщиков
Коломенского
завода
тяжелого
станкостроения.

Вячеслав БЕЗШАПОШНИКОВ, бригадир, лауреат Государственной премии СССР. Кто сегодня не согласен с тем, что надо повышать темпы, надо работать лучше, чем вчера? Таких, пожалуй, и не найдешь. Все мы понимаем важность и нужность этих задач, но в то же время многие продолжают работать по старинке. Получается — поговорили, поддержали, и... все. Откуда тут взяться ускорению? А хотелось бы, чтобы каждый после смены задумался — я лично сделал ли за сегодняшний день такое, что могу сказать теперь: благодаря моим усилиям выросла производительность труда? Самое страшное, когда говорим порой об одном, делаем

по-другому. Дать слово — еще не главное. Сдержи его — вот тогда совесть будет чистой. Если говорить начистоту, никто не станет оспаривать, что силы у нас есть, возможности работать лучше, умнее — тоже. Достижения передовиков — лучшее тому доказательство. Но погоду все-таки делают не передовики. Если за ними не тянется большинство, передовики не вывезут. Вот почему сегодня нужно обратить особое внимание на тех, кто просто выполняет план.

С планом можно справиться по-разному. Можно выполнить, а можно и перевыполнить. Но и тут есть нюансы — как работать. Можно — бережно используя материал, инструмент, экономия электроэнергии; можно — не по-хозяйски, любыми средствами, думая не о расходах производства, а о своих личных доходах.

У кого больше резервов — у передовиков или у середняков? Конечно, у середняков. Используй середняк свои возможности полнее, достигнет передового уровня. Ясно, что рывок без активного участия тех, кто сегодня в середняках, нам не сделать.

Чего скрывать, позиция тихого середняка удобная — сиди в тени, не высывайся, ни нареканий тебе, ни хлопот особых. Правда, лишний раз не похвалят, в пример не поставят, но не всех это волнует. Благодарность действует, когда от души работаешь. А когда с прохладцей, равнодушно, то и похвала не порадует. Минимум ответственности, минимум качества, минимум усилий. В итоге — план, зарплата и полное спокойствие на душе. Почему говорю: минимум усилий? Потому что считаю: план — это в принципе лишь точка отсчета, необходимый и доступный для всех минимум. Доказательства? Перевыполнение плана не только отдельными рабочими, а многими коллектиками.

Хочу сразу определить свое личное отношение к середнякам. Считаю, что работать, выполняя норму, — это не плохо, но, как ни крути, это все же топтание на месте. С такими темпами далеко не уедешь. Правило должно быть таким: как бы ни был высок план, справился с ним сегодня, завтра должен сделать больше, лучше, с меньшими затратами. Не забывай, что движение вперед возможно лишь при перекрывании норм. Это закон прогресса. Остановиться — значит отстать.

Сергей СТОРОЖУК, фрезеровщик, комсорг цеха. Конечно, если ты молодой, неопытный работник, тогда и выполнение нормы для тебя заслуга. Важно, чтоб понятие «норма» не стало выражением твоей жизненной позиции: только «от и до». Ведь средний работник, он, как правило, во всем средний. Можно слукавить с нормировщиком, но своего брата, рабочего, не обманешь, сразу заметит: на совесть ли стараешься, или так, показательные выступления устраиваешь. Тут немало зависит от коллектива: он во многом определяет твое отношение к труду.

Иван ЛАПТЕВ, фрезеровщик. Нам ведь просто друг перед другом неудобно — работать «от и до». Придет время зарплату получать, а тут тебе: «Вань, ты что-то стоял много в прошлую неделю, тебе и КТУ поменьше!» У нас такого не бывает. Делаешь — так на совесть.

Но вот почему-то у некоторых совесть спит. Правда, спать она может по разным причинам. Бывает, ее успокаивает то, что дело не по душе. Отбывает человек время на работе и сам себя утешает: чего мне рваться, профессию свою не очень люблю, менять ее поздновато, план выполняю — и ладно. Скучно такому человеку.

Скучно ему, может быть, и потому, что работать он еще как следует не умеет. Постиг лишь азы, а всех возможностей ремесла не знает, вот оно ему и в тягость. Но ведь настояще удовольствие от работы можно получить только тогда, когда ты специалист классный. Учить надо не только мастерству, но и упорству в работе, желанию совершенствоваться. А то ведь иной молодой рабочий придет на производство, за пару лет освоит необходимые азы, получит зарплату достаточно высокую, а за нее и блага соответствующие, ему уж к большему и стремиться нехотя. Вот и смеяется, как бы ему, не сильно переутомляясь и не выходя в мастера, побольше удовольствий от жизни получить. Нельзя его тут в покое оставлять, а то сядет он крепко в середняках. Тут важно коллективу не просмотреть, не пропустить момент, подтолкнуть его вперед.

Александр ФОМИН, фрезеровщик. У нас, правда, сама работа подгоняет. До двухсот наименований деталей в месяц проходит через наши руки, только

успевай разворачиваться! При таком разнообразии и специалистом станешь быстрее. Потому, наверное, у нас и в конкурсах профессионального мастерства, как правило, все члены бригады участвуют. И почти всегда — в победителях. До областных конкурсов доходили. Сторожук даже на международном побывал. Интересно он там выступал. Несет деталь сдавать на комиссию, а переводчица спрашивает его с сочувствием. «Вы, что, — говорит, — брак сделали, да?..» А он отвечает ей: «Да нет, мол, просто закончил работу». Дело в том, что в тот момент остальные участники конкурса еще только половину задания одолели...

Вячеслав БЕЗШАПОШНИКОВ. Что касается середняков, то мы сами бываем в их положении. Есть немало моментов, от нас не зависящих, но очень мешающих работе. Скажем, несвоевременная поставка заготовок. Тут и асом домино станешь в два счета.

В цехе, к примеру, не хватает металла нужного профиля. Первый и седьмой цехи, бывает, вовремя не снабжают нас заготовками, опять же из-за нехватки металла на заводе. Вот и получается: рад бы сделать больше, да нет условий.

Михаил ДЫРИН, фрезеровщик. Недавно мы двести штук деталей обрабатывали горяченькими. Они пришли прямо из литейки, поэтому вовремя мы их и не получили. Надевали рукавицы, чтобы не обжечься, и на станок...

Мы за повышение качества, стремимся к этому, но нелегко повышать его, когда порой в третьей декаде надо сделать половину того, что запланировано на месяц.

А бывает и такое: бригадир за мастером бегает, а тот прячется — нет у него для нас работы. Вроде и мастер не совсем виноват, не он поставщик деталей, но мы-то в итоге без дела сидим. А потом будут просить остаться сверхурочно...

Пока не избавимся мы тут от расхлябанности, пока обязательства поставщиков будут расходиться с делом, не добиться ни постоянного хорошего ритма, ни повышения качества.

Александр ЛОБЫШЕВ, фрезеровщик. Еще и инструмента подходящего не хватает. Старыми фрезами, которые бережно хранятся у нас в тумбочках, еще можно работать, а новыми... Часто они нас не устраивают. Не справляется инструментальный цех.

Нельзя не сказать и об оборудовании в целом. Есть станки у нас — буквально ровесники века. Не сильно-то на них разгонишься. Так сказать, сегодня работаем вчерашним днем. Тяжеленные детали приходится на себе таскать. И получается: престиж программиста ЭВМ и фрезеровщика — на разном уровне. Именно потому, что один работает с самой современной техникой, а второй — по старинке.

Вот, к примеру, в профтехучилище в нашей группе было двадцать пять человек. Только пятеро работают сейчас по специальности, остальные — кто где. Стали искать, где полегче — чисто физически.

Случается, новичкам рассказывают об одном, золотые горы обещают, станки с числовым программным управлением, все самое современное, а придут ребята на завод — этого и в помине нет. Потому и в училищах недобор фрезеровщиков. Кто-то уже «обрабатывающие центры» освоил, а кто-то — станки давно минувших дней... Если человек решил стать рабочим, так ведь ему хочется **современным рабочим быть — с современным оборудованием** дело иметь.

Сергей СТОРОЖУК. Вот на московском станкостроительном производственном объединении «Красный пролетарий» заменили морально устаревшие станки на новые; оборудования стало меньше в два раза, а производство изделий выросло в полтора раза... Производственных площадей не хватает — на это многие жалуются, так ведь и используются эти уже имеющиеся площади не всегда рационально.

Сергей СЕМИН, заместитель секретаря заводского комитета ВЛКСМ. Проблемы внедрения новой техники — это сейчас проблемы первостепенной важности.

Среди конструкторов, инженеров, технологов тоже, конечно, есть свои лидеры и середняки. Я вот, к примеру, работаю в одной группе с технологами. Мы, нормировщики, постоянно бываем в цехах, а технологии в цехах, редкие гости, особенно молодые. Словно их привлекли к стульям. А как можно заниматься внедрением нового, сидя в кабинете?

Работает, к примеру, у нас девушка-технолог. С высшим образованием. Ей показали, где в цехе архив, она туда ходит иногда: внесет какие-то изменения, и снова в кабинет. А ведь обязанность ее — следить за внедрением новой технологии, заниматься снижением трудоемкости...

Валерий ДАНИЛОВ, секретарь заводского комитета ВЛКСМ. Это и конструкторов касается. А ведь нужны-то прежде всего инициативные,двигающие дело люди!

Хотя есть и объективные причины, мешающие молодым конструкторам развернуться. Их, как правило, после институтов слишком долго держат на второстепенной работе — на деталировке, например.

Первый год сидишь на деталировке, принимая это как должное, — вроде все через это проходят. Но потом надоедает. Помню, я, например, заранее расчертывал форматки, а потом только успевай, черти детали. Приносил начальнику бюро чертежей примерно в три раза больше, чем остальные. Старался, как мог. Неделю, месяц, второй... Начальник мое рвение заметил. «С тобой, — говорит, — приятно работать. Ты хороший деталировщик». Я как услышал это «хороший деталировщик», так сразу и снизил темп... А то ведь так и оставят тебя навечно хорошим деталировщиком. Не об этом мечтал, когда учился.

Сергей СЕМИН. Другой пример. Чтобы просверлить отверстие, скажем, на пятьдесят, по технологии надо сначала просверлить на двадцать пять, а потом расширить на пятьдесят. Я же знаю из практики: можно только начать сверлом на пятнадцать, а потом сразу и до конца — на пятьдесят. Времени тратится меньше. Говорю технологам: измените технологию. А они: «Да ну! Уже сто лет так работают, и ничего!»

Тут как-то предложили технологам: пусть, кто хочет, сам и нормирует. Таким прибавим зарплату. Но не захотели: с нормировщиками-то больший спрос. Зачем на себя вешать лишние заботы, брать дополнительную ответственность?..

Валерий ДАНИЛОВ. Мешает и то, что конструкторам, технологам приходится много писать. По-хорошему должно быть так: в отделе АСУ, на дисплее нашел нужный вариант, внес изменения,

и писать ничего не надо. Быстро, удобно. Но такого у нас пока нет... А вырваться из вороха бумаг — мечта. Ведь специальную литературу полистать некогда, не то что уж самому что-то придумать.

И, конечно, молодым специалистам с первых дней надо давать настоящее дело. Конструкторам — свой узел. В самостоятельном деле быстро раскроются все профессиональные и человеческие качества. Узлов на всех не хватит? Хватит! Станки меняются постоянно.

На соседнем предприятии ребята организовали комсомольско-молодежный коллектив конструкторов, работающий на единый наряд. Дело, по-видимому, стоящее. Надо и нам пробовать.

На мой взгляд, идеальная форма работы — объединенный коллектив ИТР и рабочих. Заинтересованность каждого в конечном результате — серьезный стимул. Уверен, тогда и конструкторы будут выдавать больше идей, а технологии будут спешить внедрять любую новинку. В такой творческой обстановке будет меньше «писарей», больше новаторов.

Вячеслав БЕЗШАПОШНИКОВ. Ребята справедливо говорили о преимуществах коллектива — хоть конструкторской бригады, хоть рабочей. В бригаде ты перед товарищами отчитываешься. Дисциплина у нас не пустые слова. Это и культура производства, жесткая технологическая дисциплина, от которой напрямую зависят качество и экономия материалов, электроэнергии. Всему этому учит коллектив. Кто-то, а мы в бригаде можем спросить друга по всей строгости. О том, что в нетрезвом состоянии появиться на рабочем месте, об этом и разговора нет. Для нас дисциплина — это добросовестная работа.

Иван ЛАПТЕВ. Бригадный подряд сплачивает. Бывают дни — не идет работа, деталь из рук валится. Нервничашь, злишься. Был бы один — так и остался бы с собой наедине и много, конечно бы, не наработал. В коллективе же другой разговор. Подошел товарищ по бригаде: «Давай, ты мое делай, я — твое». Глядишь, переключился, успокоился, и пошло.

В бригаде различные инициативы рождаются чаще. Взаимозаменяемость и взаимовыручка помогают. Вот научились, к примеру, на фрезерном станке... шлифовать!

Лев ТОЛСТОЙ, начальник цеха. Единый наряд да при хорошем бригадире — великая сила. Есть у нас, например, бригада Доценко. Создав коллектив, бригадир прежде всего выяснил для себя способности каждого рабочего. И исходя из этого распределяет работу. Поручи тому же середняку именно ту операцию, что у него лучше всего выходит, он и передовиком станет.

Резервы есть, их только уметь искать надо. Доценко не уравнивает всех, он знает, кто что может. И если видит: мало сделал, меньше того, на что способен, не постыднется и после работы оставить — дотягивай, сам виноват. Такие у него методы работы с середняками.

Помню такой случай. Приходит ко мне как-то парень из его бригады. Я, говорят, на сегодня свое задание сделал, отпустите домой. Я отпустил. А тут приходит сам бригадир и возмущается: «Что ж ты, — говорит, — отпустил его? Свое сделал — молодец, но ведь он в коллективе работает, пусть теперь другим помогает!» Вот так. Слово бригадира порой может быть сильнее слова начальника цеха... Организация работы — дело не только администрации, но и самих рабочих, бригадира. Там, где не ждут, когда их организуют, а многое добиваются сами, там и успехи.

Вячеслав БЕЗШАПОШНИКОВ. Сейчас и оценивать себя надо, мне кажется, с таких позиций: что я мог сделать, но не сделал пока?

Записал Юрий РАГОЗИН.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 21 (1403) НОЯБРЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
комсомолец
Леонид Ефимов
работает
на «Уралмаше».

Фото
Сергея ВЕТРОВА.

**1 НАВСТРЕЧУ ХХVII СЪЕЗДУ КПСС.
«СПРОС — С СЕБЯ».**

**2 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
Игорь ИЛЬИНСКИЙ. «ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВ».**

**4 «ЧТО ИМ СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ?»
Фоторепортаж Петра Новикова.**

6 Наталья ДАРЬЯЛОВА. «ПРЯМАЯ ЗАВИСИМОСТЬ».

**8 Рассказ Владимира ГРИШУНИНА
«И БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ».**

**11 НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС.
«КОМПАС В МОРЕ ИНФОРМАЦИИ».
Фotoочерк Леонида ПЛЕШАКОВА и Юрия УСТИНОВА.**

**14 НАДО ОБСУДИТЬ.
Игорь СЕРКОВ. «НЕСКОРЫЙ СУД».**

**16 «КНИЖНЫЙ ДАР».
Фоторепортаж Валерия ВИНОКУРОВА и Сергея ВЕТРОВА.**

**18 Белла АХМАДУЛИНА.
«СТИХИ ИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ТЕТРАДИ».**

**20 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
Крис КЕЛЬМИ. «РАЗНЫЕ РОЛИ «РОК-АТЕЛЬЕ».**

**21 БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ.
«МУЖЧИНАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ».**

22 Петр СМИРНОВ. «ДЕТЕКТИВ ПО-ТЕЛЕВИЗИОННОМУ».

**24 СИЛУЭТЫ.
Владимир ЛАЗАРЕВ. «БУНИН».**

**28 Повесть Сергея УСТИНОВА
«МОЖЕТЕ НА МЕНЯ ПОЛОЖИТЬСЯ».**

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантуров. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

Имя Василия Алексеева навсегда вошло в биографию Ленинского комсомола. Он был одним из организаторов и руководителей первых подпольных кружков рабочей молодежи Путиловского завода, Петроградского союза социалистической рабочей молодежи. Именно с этой стороны Алексеев прежде всего и известен. Между тем работа с молодежью — лишь одна из сторон его богатой событиями жизни. Алексеев был большевиком, депутатом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, председателем первого народно-революционного суда Нарвско-Петергофского района, заместителем начальника особого отдела 7-й армии, председателем ревкома. Он был чекистом и красногвардейцем, а если сказать одним словом — он был бойцом. Бойцом партии. Любое дело, которое ему доверяли, он выполнял с полной беззаветностью, с полной самоотверженностью. Потому и ушел из жизни так рано...

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

И вот он наступил — последний, решительный!.. На долю Алексеева в этом огромном и смертельно опасном деле выпала немалая работа: ему было поручено координировать действия молодежного союза со штабом Красной гвардии. В ту октябряскую ночь, когда начиналась социалистическая революция, Алексеев отправлял красногвардейские отряды в Петропавловскую крепость за оружием, на штурм вокзалов, Центральной телефонной станции и телеграфа, на охрану Смольного.

К девяти вечера Алексеев был у арки Главного штаба, где сосредоточились красногвардейцы Нарвского, Выборгского и Петроградского районов, солдаты Петроградского полка, броневики. Наткнулся на Григория Самодеда, командира одного из отрядов путинцев. Тот взвужденно улыбался во всю юбку:

— Все! Скоро пойдем — и амба...

Зимний дворец был оцеплен революционными солдатами, красногвардейцами. Перебежками, ползком они занимали исходные рубежи для последнего броска. Колыцо скималось... Ожидание великого мгновения, напряжение тысяч людей передались, кажется, даже камням мостовых и гранитным стенам.

Юнкера караулили каждое движение наступавших и на каждое отвечали выстрелом. В Малахитовом зале Зимнего сорились, заклинили друг друга посивевшими губами министры Временного правительства.

А в маленькой комнате Смольного известий о штурме нетерпеливо ждал Ленин. Вот-вот начнет работу Второй Всероссийский съезд Советов, нужно было во что бы то ни стало взять Зимний...

Волновались и солдаты-красногвардейцы.

— Чего ждем? Сбегут министры!

— Спокойно, идут переговоры...

— Не нужно крови.

— Они лили, а мы — нет? Нечего разводить мутоту...

Странное чувство испытывал Алексеев. События летели с бешеною скоростью, а ему казалось, что время остановилось. Нервы натянулись как струна. Надо быть в комитете Союза молодежи — там сейчас трезвонят телефоны, его ждут, разыскивают люди. Надо быть в Смольном, на съезде Советов. И надо, просто нельзя не быть здесь, у Зимнего, в атакующих цепях.

Красногвардейцы крутили цигарки, тихо переговаривались.

— Ох, братцы, — сказал один, — а ведь все еще может всяко повернуться. Вон, говорят, Керенский с войсками идет. Вот как явится сейчас да как вдадит с тылу, а спереди юнкера пулеметами. О-ох и будет...

У Алексеева аж дух зашелся: здесь, среди отборных красногвардейцев, и сомневающиеся?! Он подошел к коренастому пожилому мужчине с короткой шеей.

— Большевик или беспартийный?

— Ну, большевик. А что?

— Да какой ты к черту большевик, если панику вatakе разводишь? Гнать тебя отсюда.

— А ты поаккуратней, парень. Молод еще учить-то. Я в партии с десятого года...

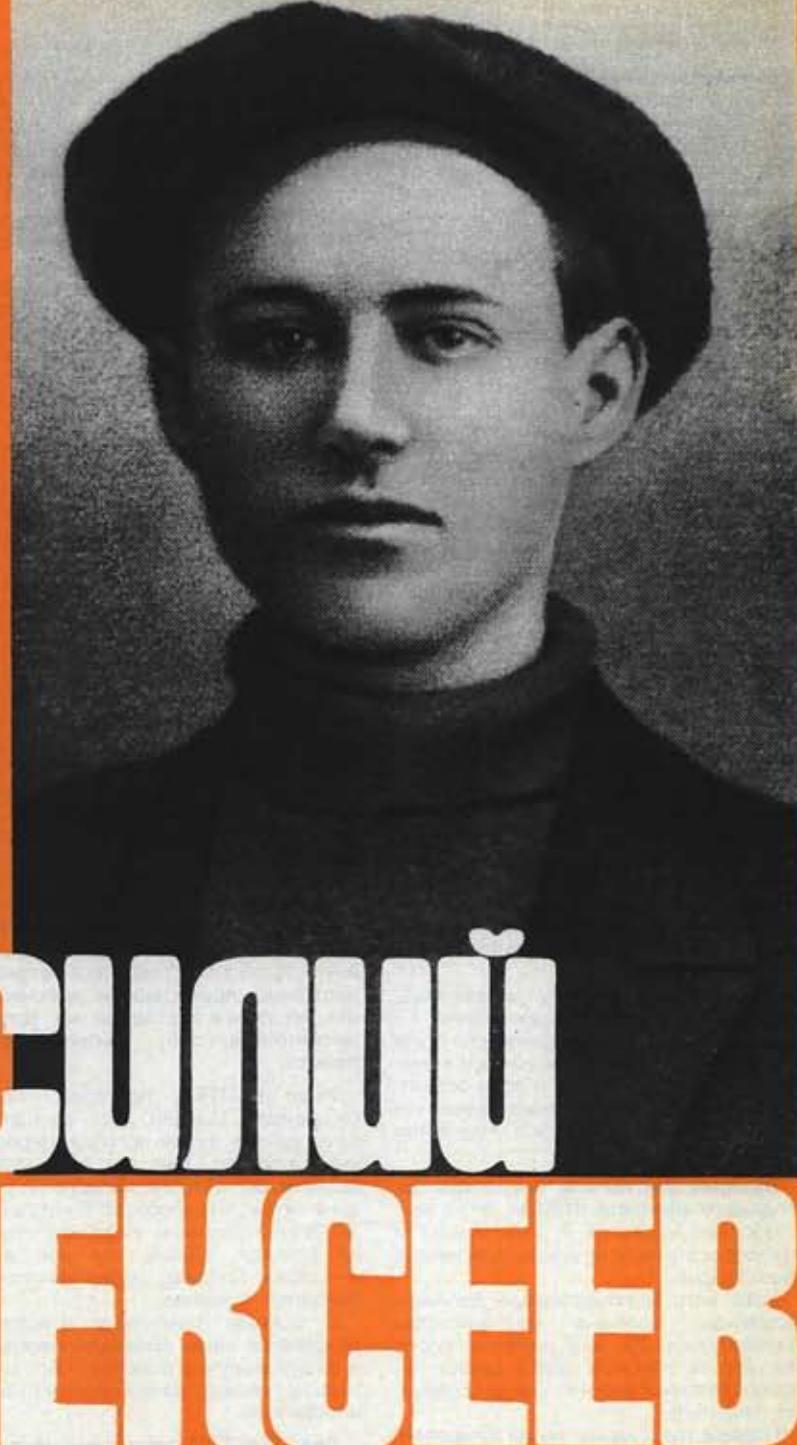
В это время закричали:

— Алексеев, к Самодеду!

Самодед обнял его за плечи, кинул в сторону Зимнего.

— Видишь, замерли, даже огни потухли... Скоро пойдем. Возьми пятерку под команду и слушай задачу. Когда ворвемся во дворец, смотри, чтобы не было грабежа. Там много всего, ценностей и прочего.

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Василий АЛЕКСЕЕВ

Это первое. А пока вот что... Надо тыл наш осмотреть. Есть скверные слухи. Вдруг кто ударит по нас, а? Вот каша будет!.. Пройдись-ка да повнимательней осмотрим все. Особо — Летний сад, Инженерный замок...

Вдруг раздались гулкие выстрелы.

— «Авора» заговорила, — сказал Самодед. — Значит, штурм. Отставить обход.

Со стороны Зимнего застрекотали пулеметы, открылась частая стрельба из винтовок...

Алексеев вытащил «луковицу» — девять часов сорок минут. Гробовая тишина. И вдруг грохот, обвал: «Ура-а!»

Штурм начался.

Все было, как одно мгновение. Черным потоком хлынули к Зимнему солдаты, красногвардейцы, матросы...

Алексеев остановился перевести дыхание. Как быть? Не увлекся ли? Ведь он не просто красногвардеец, у него есть поручение. И, кроме того, надо быть в Смольном, на съезде Советов...

Алексеев влетел в Колонный зал Смольного, когда съезд, на котором из 650 делегатов 400 были большевиками, начал работу. Василия избрали делегатом от Нарвской заставы. Он изо всех сил тянул вверх руку, когда первым по списку от большевиков в состав президиума съезда был назван Ленин. Алексеев вместе с сотнями других делегатов бил до боли в ладони и кричал: «Да здравствует Ленин!» — хотя Ленина в тот день на съезде не было: он руководил восстанием.

Алексеев сидел как на иголках: надо было мчаться по другим делам, в бой. Но и тут, на съезде, было жарко, здесь тоже шла драка, и нельзя было выйти из нее раньше времени. Эсеры, меньшевики и бундовцы настаивали на том, чтобы в первую очередь съезд рассмотрел вопрос о прекращении восстания в Петрограде... И получили дружный отпор. Озлобленные, они кучкой пребрались к выходу — покидали съезд в

знак протesta, а зал содрогался от свиста, смеха и улюлюканья: «Позор!», «Дезертиры!», «Предатели!»...

Съезд продолжал работу, а Василий уже выскочил на улицу, туда, где набирало силу восстание.

Сияя счастливой улыбкой, возбужденный, горячий, он уносился в ночную тьму, исполненный сознанием важности своей исторической миссии. Словно электрические токи, летели в разные концы города его приказы по телефону из комитета Союза молодежи, из Петроградского комитета РСДРП(б), из Нарвско-Петергофского райкома — отовсюду, где он находился хоть минуту и где был установлен телефонный аппарат. Восторг — вот слово, отражающее то настроение, которое владело им в те часы. Восторг и неукротимое желание делать что-то для революции еще и еще, сию минуту...

...Василий заснул, когда в окнах уже брезжил рассвет. Заснул прямо на столе, за которым заседал комитет Союза молодежи. И когда утром пришли товарищи, то это никого не удивило: дело обычное. Попытались разбудить Алексеева: брызгали в лицо водой, усаживали на столе, шлепали ладошками по щекам, терли уши, а он протестующе мычал, не открывая глаз.

А когда проснулся — разом, будто от удара током, соскочил со стола на пол, растер лицо ладонями. Увидел записку: «С победой, Вася! Ура!» — а на ней две варенные картофелины, кусок хлеба и луковица.

Вечером снова Смольный, съезд Советов и Ленин, совсем непривычный — без бороды, усов, с крутым, энергичным подбородком. Он стоял на трибуне, ухватившись за ее края, щурясь, обводя взглядом зал, и словно не слышал овации... А она ширилась, нарастала, и казалось, вот-вот рев сотен глоток сорвёт крышу, рухнут стены.

Потом Владимир Ильин сказал, будто не начал, а заканчивал речь:

— Теперь пора приступить к строительству социалистического порядка!

Через несколько дней на Петроград шли Керенский и Краснов, а навстречу им двигалась Армия Революции. Громыхая походными кухнями, гремя котлами и саперными лопатками, тяжело ступая по скользкой дороге, падая, один за другим шли на передовую солдатские полки.

С ревом и гарью от выхлопных труб обгоняли их грузовики. Это ехали на фронт рабочие с заводов и фабрик. У каждого винтовка, десяток патронов — и все. Ни еды, ни санпакетов. Где будет ночлег? Где будет бой? Об этом не думалось. Сказано: «Страйся! Разобрали винтовки, сели в грузовики — и вперед! Победить или умереть.

Ехали и стар, и млад, но везде и всюду заводилими, агитаторами были горластые и уверенные в себе «сокомольцы». Питер уже знал и любил их. Им улыбались, их приветствовали, и они, сознавая свое историческое значение и особую роль, тянули вверх подбородки, бодрились и подбадривали других, звонко и отчаянно пели революционные песни.

За Алексеевым в те дни оставалась все та же обязанность: связь комитета Союза молодежи с Красной гвардией. Опять не переставая гремел телефон, опять стояла толпа людей в кабинете и в коридоре, и надо было решать сотни вопросов. Где собираться? Откуда взять винтовки, патроны? Где достать грузовики?..

А как хотелось бросить всю эту телефонную суету и кинуться туда, где бой, где схватка, чтобы глаза в глаза, штык в штык с этой контвой, этими золотогонниками.

И вдруг 29 октября — удар с тыла, в спину... Задержан юнкер с приказом о том, чтобы все юнкерские училища Петрограда находились в боевой готовности и в точности выполнили задачи, которые будут возложены на них. Белогвардейский связной шел на совещание в Инженерный замок, где уже собирались заговорщики — Полковников, Пуришевич, Филоненко, Савинков и другие главари созданного в эти дни меньшевиками и правыми зерами контрреволюционного «Комитета спасения родины и революции».

Еще шел допрос задержанного, а контрреволюционный мятеж юнкеров уже начался. Захвачены почтамт и телеграф. Занята телефонная станция, Царскосельский вокзал. В руках мятежников банк, гостиница «Астория». Юнкера и офицеры овладели броневиками...

Все точки мятежа уже были направлены красногвардейцы, когда Алексеев обратился к подошедшему Подвойскому:

— Я к Владимирскому училищу, там пущивцы. Можно?

— Валяй! — махнул рукой Подвойский.

Василий на ходу вскочил в грузовик. Его подхватили крепкие, молодые руки.

У Владимирского училища шел бой. Со всех сторон юнкеров окружили солдаты огнеметно-химического батальона, резервного гренадерского полка, красногвардейцы.

— Где пущивцы? — спросил Алексеев у лежавшего за газетной тумбой рабочего.

— Где-то там, — махнул тот рукой вправо.

Неожиданно из слухового окна двухэтажного дома раздался крик:

— Алексеев, давай к нам! Это я, Шульман!.. Только сяди или сбоку заходи, иначе подстрелят!..

Василий вместе с прибывшей группой молодежи забрался на чердак, где было человек десять.

— Сколько же вы тут сидите? — спросил Алексеев у Зиновия Шульмана, с которым с 1915 года вместе токарничали в пушечной мастерской.

— Да уж часа четыре. Ходили в атаку — без толку. Наших много погибло.

В это время вбежал запыхавшийся Максим Мухтар-Ландарский.

— О, Алексеев! Здорово! Я тут командую пущивской братвой. Вот что... Мы сейчас пойдем в атаку, а вы прикройте.

С криками «ура» со всех сторон к училищу бросились несколько сотен солдат и красногвардейцев. Лежа, сидя, стоя плечом к плечу, все, кто был на чердаке вместе с Алексеевым, стреляли из своего укрытия по окнам училища. Но грохот пулеметов с той стороны перекрывал винтовочные залпы и крики. Один за другим падали наступавшие, потом залегли, поползли кто вперед, кто в стороны и, наконец, не выдержав, побежали обратно. А пулеметы били им в спину...

Все стихло, только слышно было, как хрюкали на площади умирающие и стонали раненые.

Но что это? Из окон училища показались белые полотнища. Одно, второе, третье...

— Ура! — обрадовались солдаты и красногвардейцы. — Сдаются!

Алексеев кричал «ура» и вместе со всеми двинулся к училищу через площадь, где санитарки уже возвелись с ранеными.

Вдруг снова ударили пулеметы. Это было так неожиданно, что поначалу многие не поверили. Люди

вались как подкошенные. К тем, кто уже лежал на площади, добавились новые.

— Где Мухтар-Ландарский? — взбесенно орал Алексеев, кусая от злости и бессилия губы.

Максим Алексеев увидел в соседнем переулке. Вместе с прибывшим комиссаром Военно-революционного комитета Павлуновским тот обсуждал план дальнейших действий. Решили повторить штурм под прикрытием прибывшего с Павлуновским легкого броневика.

Броневик выкатился и, тихо двигаясь вперед, начал быть из пулемета. Сотня, а может, больше солдат Гренадерского полка, а с ними Алексеев, Мухтар-Ландарский и группа красногвардейцев бросились к училищу, но они едва добежали до броневика, как тот остановился, а через несколько секунд захлебнулся и пулемет. Из окон училища пулеметы строчили без передышки, и Алексеев с Мухтар-Ландарским, лежа позади броневика, слышали, как там, внутри него, раздавались стоны.

— Павлуновский, что произошло? — закричал Максим.

— Убили пулеметчика и шоферя, — глухо раздались в ответ. — Бронебойными бьют, сволочи. Сейчас я сдам назад, вы там не высывайтесь.

Разрыв гранаты, второй, третий... Гранаты не долетали до броневика, осколки с визгом отлетали от брони, никого не поражая, но взрывная волна, проходя на излете под днищем машины, ударяла по лицу.

— Без пушки нам их не взять, — мрачно сказал Павлуновский, глядя, как из броневика вытаскивают убитых солдат. — Ждите, я сейчас вернусь.

Сел в броневик и уехал.

Установилась томительная пауза. Наконец откуда-то слева раздался пушечный выстрел, и тут же в стене училища между окнами третьего этажа появилась большая дыра. Внутри раздался грохот, вопли.

— Сдавайтесь, или разнесем в клочья! — донесся возглас пушкарей. Но ответа не последовало.

Грохнул второй выстрел, еще и еще один... Здание училища окуталось дымом и кирпичной пылью. Пулеметы на время умолкли, и тут, не сговариваясь, без команды со всех сторон к нему бросились осаждавшие. Добежали до стен, стали карабкаться в окна. Вдруг послышались крики: «Сдаются!»

Но теперь, наученные горьким опытом, наступавшие были осторожней. Группами ворвались в главный вестибюль училища и увидели: вдоль стены, подняв руки, стояли несколько десятков офицеров и юнкеров, а в стороне лежало в кучу их оружие...

Но бой на этом не закончился. На веревках и пристыках с верхних этажей спускались юнкера, офицеры, некоторые, пытаясь вырваться из окружения, просто выпрыгивали из окон.

— За мной! — крикнул Алексеев и кинулся вверх по лестнице.

На третьем этаже посреди одной из комнат на полу сидела молодая девушка, сестра милосердия, и, словно сумасшедшая, повторяла одно и то же:

— Где полковник? Где полковник?..

На нее никто не обращал внимания.

— Какой полковник? — спросил Алексеев.

— Полковник Карташов, начальник училища, — ответила она. — Это он во всем виноват, он заставлял стрелять...

Собрав человек пять солдат, Василий добрался до кабинета Карташова. Дверь была заперта. Но как только ее попытались взломать, изнутри загремели выстрелы. Один из солдат тут же упал, раненный в живот.

— Давай гранату! — крикнул Алексеев.

Грянул взрыв — дверь разлетелась в щепки.

В проломе появился полковник Карташов. Он был ранен в левое плечо, стоял, привалившись спиной к косяку. Все лицо его было сплошь из боли и ненависти.

— Ну, где вы, мерзавцы, мразь! — хрюкало цедил он. — Ну, входите же, я всажу пулю хоть в одну большевистскую рожу...

— Огоны! — скомандовал Алексеев.

...Петроград кишел переодетыми офицерами и иностранными разведчиками, наполнялся все новыми тайными организациями, готовящими заговоры, диверсии, убийства. Меньшевистские, эсеровские, детские и монархические газеты мутли сознание обывателя сообщениями о беспорядках на заводах и фабриках, на транспорте.

Буржуазия пустила в ход локауты, которые сильно ударили по десяткам тысяч рабочих. Саботаж государственных служащих парализовал нормальную жизнь города. У дверей сотен закрытых магазинов образовались неимоверно длинные очереди за хлебом. Нарушилось снабжение столицы топливом. Вместе с холода пришел голод, в городе начался тиф. Распоясались хулиганы и мародеры...

Город жил беспокойной, контрастной жизнью. Невский был полон расфранченной публики — торговцы, их жены и супруги, автомобили, духи, кружево, пышные наряды, зализистый смех. Слишком много смеха для столь тревожного времени...

Это злило солдат и рабочих: у них нет хлеба, мыла,

керосина, соли и гвоздей, а тут... Словно не было и нет миллионов калек и убитых, осиротевших и овдовевших.

Революция должна была защищать себя. Обеспечение в Петрограде революционного порядка стало одной из основных задач. Напряжение в городе достигло предела, когда в ночь с 23 на 24 ноября были разгромлены винные подвалы Зимнего дворца. Пьяные погромы перекинулись в другие районы города.

Сначала думали, что это дело рук хулиганов. Но вскоре к большевикам попали документы, из которых явствовало, что на контрреволюционную агитацию и пьяные погромы недобитая буржуазия выделила немалые средства. Создана специальная враждебная организация, и целая сеть провокаторов подбивает рабочих на разгром винных погребов, складов и магазинов по заранее разработанному плану.

Алексеев своими глазами видел мертвых людей, плававших в вине, и пьяную озверелую толпу, грабившую промтоварный магазин на Гороховой. Наверно, это было самое ужасное из того, что когда-либо ему приходилось видеть.

За Нарвской заставой появилась шайка под водительством некоего Вовы Прицкера. Рядился Вовик, как его называли сообщники, под «идейного»: именовал себя анархистом-социалистом, при случае мог речь о светлом будущем закатить, а на самом деле был обыкновенным бандитом — грабил, убивал.

Василий Алексеев мог бы не ходить в патруле ночами по улицам Петрограда, мог бы не нарываться на револьверы и финики, когда брали «малины», мог бы... В городе было около шестидесяти тысяч красногвардейцев, а у него, Василия, дел и обязанностей хоть отбавляй — никто его не осудил бы. Но у него в кармане лежало красногвардейское удостоверение, а главное — ему казалось, что без него не может обойтись ни одно горячее дело. Но и об этом он никому и никогда не говорил — ему все до ужаса интересно: рисковать, чувствовать холодок между лопаток, когда «накрываешь» контру или слышишь пулю над головой...

Сегодняшняя ночь была свободна от всяких дежурств. Вчера вышел первый номер журнала «Юный пролетарий» — его детище и гордость. Доклад на предстоящую вторую городскую конференцию Союза молодежи в общем готов. Нечем заняться. Быть такого не может! А вот поди ж...

Алексеев уже собрался поехать домой, к матери, наконец-то отмыться, постираться, выснуться, но тут позвонил Иван Скоринко: «Вова Прицкер сегодня ночью будет в «Квисасане». Откуда известно?.. От Зернова».

...В ресторане стоял гвалт, визжали женщины, орали песни пьяные кавалеры. Клубами висел синий табачный дым.

Подошел Зернов, тронул Василия за плечо, вызвал всех на улицу. Густые темные брови Зернова взлетели от возбуждения, черные глаза горели бешеным блеском.

— Значит, так, — начал он. — Шляпу и галоши я сдал на вешалку, потому что будет буча... В общем, здесь Вова, в коричневом зале. У дверей охламон на стреме. В зале семеро. Нас пятеро, но ничего... Я подхожу к дверям и кладу охламона, врываемся: «Руки вверх!»

Зернов ослепительно улыбнулся и отчаянно тряжал смолью своих кудрей.

Все вроде просто и правильно. Коричневый зал в полуподвале, выйти оттуда, кроме как через дверь, нельзя. Значит, Вовочка сам себя запер в мышеловку.

Но едва Зернов подошел к «охламону», охранявшему вход, как тот выстрелил ему в живот. И сам тут же получил пулю. Красногвардейцы ворвались в зал, ранив двух бандитов, остальных вместе с Вовой Прицкером связали. Защищался Вовочка с друзьями до последнего.

Вызвали грузовик, положили в него мертвого Зернова, а рядом связанных бандитов. Скрипел зубами Скоринко, зажимая ладонью правое плечо, которое ему полоснули ножом. У Алексеева все плыло перед глазами, а отчего — непонятно.

Когда уладили все дела в комендатуре и решили, как быть с телом Зернова, у которого не было никакой родни, ехать домой, в Емельяновку, уже не имело смысла. Василий побрел в горком — тот был рядом. Хотелось хоть малость освежиться, пройти по улице...

Он отошел совсем немного, всего несколько сот метров, как неожиданно резануло в правом боку, да так сильно, что он вскрикнул. Потом еще... Алексеев почувствовал, как теряет сознание.

Видно, пролежал он порядком, потому что, когда пришел в себя, то уже начинал брезжить серый рассвет.

Боль не исчезла, но стала тупой, ноющей, и он кое-как побрел на Фонтанку.

Город просыпался. Прямо на глазах слева и справа тусклым светом дружно вспыхивали окна домов. «На работу все встают в одно время», — подумал Василий и удивился, как этого он не замечал раньше.

Начинался новый день.

ЧТО ИМ СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ?

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

ожилой мужчина в туристском облачении, едва притиснувшись в двери электрички, с трудом толкал перед собой по проходу доверху нагруженную тележку — на стопке аккуратно уложенных фанерных листов громоздились коробки и свертки. Левой рукой вошедший придерживал связку деревянных реек, а за спиной его горбатился битком набитый большой — «абалаковский» — рюкзак.

Мужчина пробирался по проходу, не замечая удивленных взглядов. Поклажа его действительно годилась скорее для небольшого грузовика, чем для вагона электрички.

Единственное свободное сиденье оказалось как раз напротив меня. Здесь и устроился, кряхтя, пассажир с тележкой.

— Садовод? — понимающе спросил я.

— Садово-од... — вздохнул старик. — Сколько возни с этим участком, сколько мороки! Ладно бы с землей, земля — в радость, а то... Домик, видите ли, затеял построить, а это, я вам скажу, одно расстройство... — Он безнадежно махнул рукой.

Сошел мой попутчик километрах в семидесяти от Москвы, суховато кивнув на прощание, и больше мы никогда не виделись.

А вспомнил я ту случайную встречу совсем недавно, когда в поисках героя материала о любительском садоводстве обзванивал различные предприятия. Как ни странно, простая эта задача оказалась довольно сложной.

Радостные голоса профсоюзных работников, обещавших любую помощь в сборе информации о труде и успехах садоводов, увидавши, стоило произнести фразу: «Меня интересует строительство садовых домиков».

— Не найдете вы человека, который согласился бы откровенно рассказать вам об этом, — доверительно намекнули мне в одном из профкомов.

— Но почему?

— Да как вам сказать... Отсутствие сервиса, дефицит стройматериалов, транспорта вынуждают людей идти обходным путем. Надеюсь, вы меня понимаете?

Интересующего меня человека я нашел на заводе «Серп и молот». Электромонтажник Анатолий Болдырев участок получил недавно, дом он строит сам, и, следовательно, все проблемы, с этим связанные, знает не понаслышке.

Лет двадцать пять назад — старшее поколение садоводов помнит — любителей выращивать фрукт-овощ на своей грядке заранее подозревали в нечестных намерениях и не разрешали (на

TRANSAGENCETSTVO
TERJET KLIENTOV.

всякий случай) возводить на участке крышу над головой. С тех пор многое изменилось, и в последней своей редакции типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих разрешает строить на участке не только домик, но и сарай, погреб и даже туалет.

«Юбилейный» — будущий поселок садоводов «Серпа и молота» — от Москвы не близкий свет: от Казанского вокзала до станции Курковской чуть не два часа на электричке. И земля неласковая — пока это десять гектаров мохового болота. Без плотной грунтовой подушки не выстроишь на нем дом, не посадишь огород.

В одну из суббот отправился я в «Юбилейный» вместе с Болдыревым. И

пока Анатолий вместе с сыном пятиклассником Димой готовили инструмент и фронт работ, я прошелся по улице, которая еще только будет.

— Шпалы можешь привезти, — спросили у меня за спиной. Обернувшись, увидел мужчину в рабочей одежде. Он смотрел на меня с надеждой.

Я покачал головой.

— Возили же ребята, — добавил он, все еще, видимо, надеясь.

СВОЯ НОША...

— Нет, не могу...

— Эх... — огорченно вздохнул садовод.

«Ребят» — прилично одетых молодых людей — я встретил тут же. Они обходили участки, предлагая свои услуги и помочь. Разумеется, не бескорыстно. Болдыреву, например, в то утро предложили бригаду строителей домик собрать, обещали и кирпич, песок привезти.

Нужно ли объяснять, что и расторопные плотники, и шустрые шоферы — «леваки», шабашники, которые оказывают свои услуги в свободное от основной работы время, а бывает, и во время ее.

Масса интересов, оказывается, сталкивается на этих, расчерченных белыми шнурами, похожих на риги, квадратах земли в шесть соток. Причем еще до того, как раскроется на грядке первый клубничный цвет, стукнется о землю первое созревшее яблоко. И не только здесь, в «Юбилейном», но и везде, где только создаются садоводческие товарищества. Суть этих интересов сводится к одному: снять с участка садовода денежный урожай.

— Фундамент положить — гони не одну сотню, — рассказывали мне в «Юбилейном». — Затем песок. Везут издалека. Значит, опять плати. Дальше. Хорошо тем, кто умеет сам плотничать. А кто нет? Левая бригада берет за сборку дома полторы — две тысячи. А то и две с половиной.

Болдырев предпочтет обходиться собственными силами, но это трудно.

— Кручусь как белка в колесе. Приезжаю в Ногинск, там хороший хозяйственный, вижу — брус, кстати, дефицит, есть, но купить нельзя. Не продают его москвичам. А вот доски — пожалуйста! Но где найти машину для перевозки? В Кубинке, в магазине «Ваш дом» для доставки покупки можно заказать грузовик. Но там нет бруса. Нашел его в хозяйственном на станции Овражки. Все прекрасно — москвичам продают, но как доставить?

САДОВОД АНАТОЛИЙ БОЛДЫРЕВ:
ПЕРВАЯ ГРЯДКА ГОРОЖАНИНА.

РАЗМАХНИСЬ, РУКА!!

А еще надо успеть встать в очередь на кирпич. Его в области вообще не купишь свободно, требуется разрешение местного Совета. А он из своих кирпичных фондов сначала, конечно, промышленность накормит, потом местных жителей, кому надо. А потом уж, если что останется,— нам...

Существует и еще одна очередь, которую не миновать садоводам,— на собственно домики. Начальник отдела колхозного садоводства управления кооперативного хозяйства Мосгорисполкома А. А. Фатеев сообщил, что лишь в прошлом году садоводам по линии Мосхозторга было продано четыре с половиной тысячи домиков. Но типовые домики покупают далеко не все садоводы. Почему? На то есть причины. Я видел на участках срубы, привезенные из деревни, видел дома, которые лепятся, как говорится, на свой вкус и цвет. Но,

уверен, что большинство садоводов отказалось бы от строительных хлопот, имей они возможность в обмен на заявление о приеме в товарищество и выплату необходимых сумм получить ключ от готового домика. Но в том-то и дело, что готовый домик сразу не купишь. В «Юбилейном», например, из ста тридцати желающих получили их за год лишь сорок. Думаете, с покупкой домика хлопоты заканчиваются? Если бы так. Ведь Мосхозторг продаёт не готовые дома, а набор деталей, своего рода строительный конструктор. На руках этот комплект не унесешь, значит, нужен транспорт: грузовая машина, кран. Увы, торговля их не предоставляет.

Нужны? Будут! Услуги предложит за-ботливый «левак».

КИРПИЧ ЕСТЬ. РАСТВОРА — НЕТ.

— Прикиньте,— говорит Фатеев,— за последние десять лет в Подмосковье садоводческие товарищества построили для себя 10 тысяч километров так называемых внутренних дорог. Что самое удивительное, никто не назовет организацию, которая выполнила этот объем работ. Ее просто нет. А километр такой дороги стоит 23—25 тысяч рублей. Недешево обходятся садоводам и водопровод, электрификация территории. Представляете, сколько денег минали государственную кассу?

— Я с радостью отдал бы деньги государству,— говорит садовод Болдырев,— но с одним условием. Договариваясь с соответствующими организациями, я должен быть на сто процентов уверен в точности исполнения заказа.

Многие нынешние мытарства садоводов происходят оттого, что оказались они со своими заботами как бы между двух огней. Горожанин Болдырев, приезжая на свой участок, становится землемельцем. Но сельские власти и торговые организации этого словно не замечают. Для них он горожанин. А горожанам пусть город помогает, рассуждают они.

Роскооплестстройторг, в чьих руках находится вся торговля строительными материалами вне городов, обслуживает лишь сельских жителей. Москвичи же имеют доступ только в магазины Мосхозторга. Таким образом, тот же Болдырев, строя домик под носом у целой сети магазинов кооперативной торговли, стройматериалы покупать вынужден в Москве, в 40-м магазине хостоваров,

единственном на всю столицу, где эти самые материалы продаются.

Бедным садоводам остается надеяться либо на неожиданные щедроты Мособлтари, на чьих базах тоже можно кое-что купить, либо на случай, когда кооперативная торговля затоваривается, и тогда документы у покупателей просто «забывают» просить...

Председатель правления садоводческого товарищества завода «Серп и молот» Никита Никитович Жук полагает, что селу пора бы уже заметить садоводов-горожан.

Сказали «а»— дали землю, скажите и «б»— помогите обжиться на ней,— говорит он.— Не бесплатно, разумеется. Неужели те деньги, что люди отдают шабашникам, были бы лишними в сельском хозяйстве? Да и сами мы не без рук, способны, например, на покосе помочь. Часть урожая могли бы передавать в колхозные детсады.

Только единица фирма, которая взяла бы на себя заботы о садоводах, включая не только транспортно-строительные, но и ремонтные, агрономические, юридические, считает председатель, решит все вопросы.

Вот показывали по телевизору сюжет об опыте Ульяновска. Как там все хорошо организовали,— завидует Никита Никитович.— Служба быта принимает заказ на домик и сдает его садоводу под ключ. Но что-то я не слышал, чтобы подобным сервисом могли похвастаться другие города.

Прав председатель. Нужна единая фирма. Чтобы и трактор для вспашки могла в аренду дать. И транспорт для перевозок. И семена, и саженцы, и перегной выделить. И излишки продукции, выращенной в саду, забрать. И дом построить.

Вопросов у садоводов-любителей много, но без скорого и кардинального их решения не спрямить нам русло денежной реки, уходящей отнюдь не в государственный карман.

КОГДА ТРУДНОСТИ ПОЗАДИ...

Двадцать миллионов жителей нашей страны с удовольствием трудятся и отдыхают сегодня в своем небольшом саду. И принято решение ежегодно выделять желающим миллион— миллион двести тысяч участков. Можно ли при таких масштабах помочь садоводу отдавать без боя на откуп шабашнику?

...До обеда привезли с Анатолием две тачки земли из ближнего леса. Пришло вспомнить и репинских бурлаков, и их амуницию. Тяжело дается борьба с болотом.

— Ничего,— приговаривал Анатолий,— харь и тяжела землица-матушка, да своя ноша не тянет. Это нам зарядка на всю неделю, правда, Димка? Только бы поменьше бегать по магазинам— вот что настроение портит.

Пятиклассник Дмитрий в наши проблемные разговоры не встремал, но слушал внимательно. Помалкивал и в меру сил орудовал лопатой, помогая отцу...

Кто не согласится: быть во многом формирует моральный климат общества. И общества не только сегодняшнего. Какой подход к жизни изберет для себя нынешний пятиклассник через три, пять лет? Пока Дмитрий молчит. Смотрит и слушает.

ПРЯМАЯ ЗАВИ

Наталья ДАРЬЯЛОВА

Муж у Светланы был парень видный, работник неуемный, хозяин домовитый, отец заботливый. Плохих компаний не водил, водку принимал только дома, к ужину, после работы. Но в одиночку пить ему было скучно, и он взялся привлекать Свету. Света отказывалась, морщилась от жгучей гадости, а мужу смешно было: для всякого дела умение нужно, и он подбадривал:

— Давай, Светка, лихо до дна, а там дорога одна. Как-то вернулся домой не в духе. То ли на работе ему кто насолил, а он не забыл и домой принес, то ли у Светы вдруг характер прорвался, слово за слово — и зацепилось... Чего в семье не бывает — только по-скандальному они сердечно. За стол сели как чужие, муж выпил свой стакан на особицу, ее не пригласил, а Света, уже остыла, примирительно хлебнула вдогонку. Знала наперед: скорее надо заштопать хоть на скорую руку, но вовремя, чтоб до основания не распоролась.

И странное дело: хотя казалось, что голова у нее как упавший термос, вся расколова внутри на кусочки, настроение вверх ртутью поползло. За весь вечер она ничего толком не успела, утром проспала, вещи дочке в ясли не приготовила, на работу опоздала, всюду поругалась, еле до дому слезы донесла. И, не дождавшись мужа, попробовала из откупоренной бутылки: а вдруг опять сработает?

С тех пор они с мужем всяческо скорее мирской запивали, и Света уже не поклевывала, как воробей из лужи, а за столом мужу ровней была, и он посмеивался: не жена оказалась, а прямо боевая подруга.

А потом и мужа обогнала: он свою норму знает, выпил и на боковую. Света удивлялась — вроде из одной бутылки пили, а ее водка ненасытная — сколько ни выпьешь, она изнутри еще зовет. Чтоб муж не ругался, Света свой запас приладилась делать. Хотя с водкой какой запас? Словно с дыркой в кармане. И деньги надо было новые выгадывать, изворачиваться половчее. И хорошо бы, чтоб все шито-крыто, да с водкой как скрошься — она из глаз выглядывает...

Муж долго ничего не чуял, хоть и намекали. А когда опомнился, аукнул, да впластую. Света, прежняя, уж далеко была, не достать...

Собрались как-то в гости. Муж с работы прибежал, бреется, одевается и о Свету взглядом споткнулся:

— А где платье праздничное, что мы тебе весной спрявили?

Спросил строго и ждал ответа, но вороватый взгляд ее плутал, а неверная улыбка круглила лживые слова.

— Ну и сиди дома, коли сама себя обворовала! — взял за руку дочку, вышел, хлопнув дверью.

А Света без печали шмыгнула к припрятанной бутылке. Просидела над ней весь вечер, смеясь бесмысленно, временами плача, баюкая опустевшую бутылку, точно своего нового, стеклянного ребенка, пока не разбила о кухонный стол.

Муж вернулся поздно, отпер дверь неохотно, точно против воли входя в квартиру. Уложил дочку, распахнул форточку и вышел на улицу.

— Дочка-а! — заголосила с водичной страстью Света и кинулась к детской кроватке. Девочка вздрогнула и заплакала.

Муж готовил войну. Обегал всех знакомых, подружек бывших, родственников, и вскоре судебный исполнитель вручил ей повестку.

Света бодрилась. Как же это — мать, и без ребенка? Я докажу, пообещаю, обелюсь. Не отнимут. И она представила себе суд и себя на прицеле раскаленных глаз, стало стыдно, боязно, она почувствовала себя маленькой и брошенной. И снова открыла припасенную бутылку.

В суде муж правду рассказал, ничего не выдумал. А Света глядела в его лицо, соскальзывала взглядом по покатым плечам, которые казались ей раньше такими сильными. И вдруг в нее вонзилась догадка: «А ведь это ты меня споил, мой любимый муж!» И захотелось крикнуть, заплакать, рассказать всем, но еще больше хотелось поскорей выпить, чтобы разом забыть все.

После суда разошлись в разные стороны, только дочка пискнула отцу:

— Мы маму с собой забыли взять...

— Этой мамы у тебя больше нет! — прошептал отец каждое слово.

Света шла в неизвестном ей направлении, бывшие знакомые отражались от нее невидящими взглядаами, и улицы, скимая стены домов, казалось, выдавливали ее из себя.

— Что, некуда податься? — остановил ее рыхлый мужчина. И повел к одинокому вагончику на берегу моря.

Она пила много, без счета. Хмельной дух проник в нее, истощил каждую клеточку, понукал и помыкал ею. Но у вина на все находились отговорки, и Света понемногу отнялась сердцем от всего, что раньше было ее жизнью.

Несколько раз она украдкой приходила поглядеть на дочку. Как-то сердобольная воспитательница стала рассказывать, что малютка на редкость способная, чудесно поет и танцует. Света слушала ее с трудом, напрягая внимание, пока ей не открылось совсем простое: она больше не любит эту девочку...

Она отвернулась от воспитательницы и пошла прочь, а женщина что-то быстро говорила ей вслед...

А дальше какая покатилась жизнь? Где забор, там и двор. Дни смешались и перепутались, потому что не имели смысла, время ее заболотилось, потому что шло только в никда.

Спасли Свету врачи. Приехали, посадили в машину и увезли лечиться.

В больнице, рассуждая непривычно трезвыми, колкими, неудобными мыслями, Света отважилась себя оценить. Что было у нее позади? Мы не в силах отработать и восполнить недостачу любви. Она любила мало и плохо, и, может быть, мало и невнимательно любили ее. Но пенять за это она никому не вправе.

Просто так, без особых заслуг, ей были даны дом и ребенок.

И ей надо было нести их впереди, на своей ладони, обогревая своим дыханием. Но ладони ее стали алчными и скользкими, и по пути в винный магазин она выронила из них свою жизнь.

Что осталось ей в будущем? Муж? Для него не было места в ее душе. Дочка? Дочка...

А случилось все это в Сочи, городе особом, где отдыхающих в сезон в несколько раз больше, чем работающих. И где отдыхающие нередко воспринимали свой отпуск как возможность бесконтрольно пить...

Первые же часы, проведенные не так давно в предвечернем Сочи, удивили. Никто не подпирал деревья, не закидывал неверными ногами крюки, не горланил дурным голосом, не приставал к прохожим. За неделю я так и не увидела на сочинских улицах пьяного человека. Куда же они подевались? Пропали в вытрезвителях? Но в Хостинском медицинском вытрезвителе, куда я отправилась под вечер, не оказалось ни одного «заседателя». Может быть, в тот день мне просто повезло, но Т. Л. Маракушин, начальник вытрезвителя, сказал, что за месяц количество посетителей уменьшилось в два раза по сравнению с прошлым годом. И это — при усилившемся контроле и требовательности милиции. В санаториях продажа и распитие спиртных напитков запрещены вовсе, контроль за соблюдением правил строг, и если кому и удается пронести свою «порцию», то «приходить» ее можно разве что под одеялом.

Читатель —

«Смена» —

читатель

В нашу редакцию нередко пишут о том, сколько горя и несчастий приходит в дом вместе с пристрастием к спиртному. Но даже среди этой, увы, нерадостной почты попадаются особенно горестные исповеди, пронизывающие особой болью и отчаянием признания.

БЕДА В ДОМЕ

Уважаемая редакция!

Очень долго собирались с духом. Хотела написать, но сама себя останавливалась. Слишком все в жизни сложно и запутано, что одному человеку никогда не разобраться даже в собственной судьбе...

В 1978 году умер мой первый муж, и я осталась одна с маленьким сыном. Не буду описывать, как мне жилось в ту пору, не было дня, чтобы подушка была сухой.

Но сынишка подрастал, боль утихала, и надо было устраивать судьбу. В 1981 году я вторично вышла замуж за вдовца, у которого было двое своих детей. Рассудила так: у меня горе да у него, вот вместе и поднимем ребят.

Сначала было очень трудно из-за детей.

Когда кто-то говорит, что, воспитывая чужих детей, сливаешься с ними душой, мне в это как-то не верится. Не буду лукавить, никак не могла я слиться, хотя и очень этого желала. Не получалось. Может, из-за того, что со стороны мужа видела полнейшее безразличие к моему ребенку. Сначала ссорились из-за этого, а потом, думаю, ладно, не обижает его, и то хорошо.

Жили первое время вроде спокойно, правда, когда муж выпивал, то у него появлялась какая-то необоснованная ревность. Он гордил бог знает что и

свои вышивки оправдывал этой ревностью. Для меня все это было, конечно, оскорбительно и дико. Ведь на шее трое — забот полон рот. Вскоре муж стал поговаривать: дескать, нужен общий ребенок. Что ж, думаю, где трое, там и четвертый — не пропадем. Два года назад, в сентябре, у нас родился ребенок, четвертый мальчик в нашей семье. Хотели дочь, но не повезло. Теперь у нас пять мужчин и одна женщина — я.

Казалось бы, в такой семье должны почитать и любить мать (пусть и неродную), но все не так. Про детей ничего не скажу, а вот про мужа... Он стал пить все чаще и чаще, приходит поздно ночью и начинает выяснять отношения. Деньги перестал отдавать, а жить-то за что-то нужно. Я вышла на работу, но уже три раза была на больничном. Ребенок болеет, первые у меня на пределе, а тут такая каша заварилась — пьянецы эти... Подала на алименты, а затем, наверно, буду подавать на развод.

Горько все это писать, а еще горше сознавать, что у меня один сын остался сиротой и другой будет расти без отца. И никто не сможет помочь ни мне, ни моим сыновьям, а муж никого не хочет слушать.

Я все время думаю, что же будет с его родными детьми. Он, видимо, не задумывается над этим. Может быть, теперь будет у них еще и третья «мама»? Но ведь это дети, а не куклы.

Написала это письмо в надежде, что, может, есть способ помочь нашему горю, хотя я уже ни во что и ни в кого не верю. Для чего теперь мне жить? Для детей?..

Галина ПОЛЯКОВА,
Оренбург

А Я ЕГО ЛЮБЛЮ...

Сколько себя помню, столько мой отец и пьет. Трудно рассказать, какое это горе для детей. Но особенно несчастна наша мать. Все лежит на ее плечах. А ведь нас в семье много — десять детей! Ну и, конечно, мама не смогла бы одна с нами справиться. Семья «неблагополучная», а отец, в свою очередь, стал пить еще больше, то есть «топить в вине» свое горе: трое его сыновей отбывают наказание, а там еще подрастают сорвиголовы. Сил никаких нет.

Свою маму я ни в чем не виню. Ее нужно да и можно понять. Ведь для нас старалась, не хотела лишать нас отца. Хотя по мне лучше уж совсем

СИМОСТЬ

Да, в городе-курорте стали пить меньше. Ира Шипова, продавец винно-водочного отдела магазина №1, нарушила привычный стереотип продавца алкогольных товаров. Ира была белозубой, румяной и похожей на персиковый сок с мякотью, который теперь продавала: в воскресенье продажа спиртного не производится — впереди рабочая неделя.

Ира Шипова успела хорошо изучить свою «клиентуру». Дешевые вина, по-своему прозванные «бордютом», расхватывают закоренелые пьяницы и... молодежь.

После принятия постановления ЦК КПСС о мерах по преодолению пьянства и алкоголизма молодежь из магазина как ветром сдуло, но Ира рассказывает, что находятся добровольцы за определенную мзду купить ребятам бутылку.

— Нам, пожалуй, как никому другому, видно, сколько горя приносит бутылка, — рассказывал исполняющий обязанности начальника следственного отделения Хостинского РОВД капитан Валерий Тарасов. — Вот недавно закончено следствие по делу двух подростков. Воровали спиртное, напивались и шли воровать снова, причем брали гораздо больше, чем могли выпить. Знакомая история... Только разве их матерям от этого легче будет заново начинать подпорченную на корню жизнь? 90 процентов правонарушений среди несовершеннолетних совершается в пьяном виде. Ясно, что одними запретами в борьбе с пьянством не обойтись. Убежден, что добиться видимых результатов можно, если за дело люди возьмутся всем миром. И прежде всего надо изменить общественное мнение, нашу общественную психологию.

никакого, чем такой. А может быть, просто боялась одиночества? А может, любила?...

Но все это только предисловие, хотелось пояснить, что вино всю жизнь царило в нашей семье и я с детства возненавидела это зелье, дала себе слово никогда не притрагиваться к нему. Но так уж в жизни получается: чего больше боишься, то тебе и выпадает.

Встретила я человека. Полюбила, поверила ему. И вот сейчас не знаю, как быть. Сама решить не могу. Толик с детства рос в обнимку с бутылкой. Сначала баловался, потом пил по праздникам, потом по поводу, потом без поводов. И как-то так укоренилось в его сознании, что спиртное не враг, а друг его. Кого угодно винят в своих несчастях, только не вино. Потерял любимую работу, семью.

Когда трезвый, то все у нас хорошо. И человек он интересный, много ездил, много видел, занимался радиотехникой, фотографией, играл на гитаре, был много друзей. Но все это было. Сейчас одна забота — где достать денег на бутылку «красненько-го».

Знаю, что в глубине души он все прекрасно понимает, осознает, что надо бросать пить раз и навсегда. Но из-за какого-то презрения, что ли, не делает этого. То ли просто уже не может начать жизнь сначала.

Обидно! Куда же смотрели его родные — мать, бывшая жена? Может быть, и пьет оттого, что никто его не понимает? Может быть, ему нужны сильная поддержка, толчок?..

Если бы кто-нибудь мог мне на это ответить! Сам Толик молчун, слова из него не вытянешь.

А что делать мне? Остаться с ним? Это значит погубить свою жизнь, да еще жизнь других — будущих детей. Уйти — значит бросить, предать, пустяк, мол, гибнет. Я молодая, еще найду свою судьбу. Но он ведь тоже молодой, всего 29 лет. Неужели в этом возрасте может кончиться жизнь?..

Вот так — тысячу доводов «за» и «против». Время идет, надо что-то решать. Посоветуй, «Смена», как быть?

Марина Б.,
Свердловск

У ВСЕХ НА ВИДУ

Вот уже несколько лет я живу и работаю в небольшом поселке. От врача нет тайн. Люди нередко приходят не только с физическими недугами, но и делятся семейными проблемами, своим горем.

В горкоме ВЛКСМ Сочи я заговорила об этом с заведующим орготделом И. В. Еременко.

— Я за это не отвечаю, — сказал он. — У меня есть только данные. Сколько собраний проведено, сколько присутствовало комсомольцев, сколько внесено предложений и конкретных замечаний...

— Каких, например?

Ответа не последовало.

— А вы лично как относитесь к вопросам борьбы с пьянством?

— Я ведь сказал: я за это не отвечаю. Пойдемте ко второму секретарю.

Он проводил меня в пустой кабинет, заверил, что второй секретарь сейчас будет, и исчез навсегда.

Ждала я долго. К счастью, у Леонида Мостового, первого секретаря Сочинского горкома комсомола, оказалось больше времени. Видно было, что проблема пьянства молодежи волнует его по-настоящему.

Вопрос искоренения пьянства стоит у нас остро. Недавно говорил об этом с сочинскими старшими классниками. Пригласил сюда человека 80, в основном, как сейчас говорят, «неформальных лидеров». Старался, чтобы и разговор вышел неформальный.

Куда девать себя вечером? Очень сложный вопрос для многих подростков. Парадокс: в Сочи, где при санаториях много клубов, танцплощадок, спортивных комплексов, кинозалов, местным ребятам бывает некуда податься. Вот и получается, что ребята, которые не попали в трудовой лагерь (где опять же очень много иногородних) или не достали билеты в кино, на дискотеку, оказываются как бы не при деле. Идут в бары, а там уж как не выпить? Теперь спиртное молодым не продают, наши дружинники строго сле-

дят за этим. И все же кто-то через сердобольных взрослых ухитряется добыть бутылку. И собираются в квартирах. Потом, если еще во время пьянки ничего не произошло, выходят на улицу, все психологические тормоза залиты вином... Еще два года назад мы вместе с комиссией по делам несовершеннолетних стали проводить рейды по таким горячим точкам.

«Неужели современная медицина не может справиться с одним пьяницей? — с горечью и возмущением спрашивала Нина Васильевна. — За что только вам, докторам, деньги платят?»

Что тут ответить?..

Ее сына, Олега, я знал еще мальчишкой. Озорной, смекалистый, он был заводилой. Соберутся поселковые ребята играть с кем-то в футбол или волейбол — капитаном команды всегда Олег. Но скоро выяснилось, что свои спортивные успехи подростки «отмечали» вином. Как реагировали на это в школе, мать? Пожурили — и все.

Шестнадцатилетие Олега спровоцировало со спиртным. Нина Васильевна не только не была против застолья, но даже выступала на нем в роли тамады. Я предупреждал ее, что добром это не кончится. Она отшутилась, говорила, что Олег должен расти мужчиной, а не тряпкой. Кто ж теперь виноват?..

Не подумайте только, что во мне говорит задетая профессиональная гордость. Я не нарколог, но знаю, что медицина не всесильна, когда речь идет о давно укоренившейся вредной привычке. Никакие препараты не могут перестроить личность, волю человека. Вот почему в борьбе с пьянством главный упор надо делать на воспитание. И в первую очередь пора коренным образом повернуть общественное мнение в пользу полной трезвости. Надо оберегать, особенно детей и подростков, не от лишней, а от первой рюмки. Выпивка «в меру» — это полумера. Трезвость не может быть половинчатой. Пьянство, вспоминаю чье-то меткое выражение, живет нашими попытками его окультурить.

Как врач, я знаю: легче предупредить болезнь, чем лечить ее. Жаль, что эта истина постигается многими лишь на основе своего горького опыта или же тогда, когда пыльная зараза касается кого-то из близких. Кстати, Нина Васильевна теперь сторонница абсолютной трезвости.

Ф. ПРОТАСОВ,
врач
Саратовская область

КАК БОРЮТСЯ С ПЬЯНСТВОМ В ГОРОДЕ-КУРОРТЕ?

дят за этим. И все же кто-то через сердобольных взрослых ухитряется добыть бутылку. И собираются в квартирах. Потом, если еще во время пьянки ничего не произошло, выходят на улицу, все психологические тормоза залиты вином... Еще два года назад мы вместе с комиссией по делам несовершеннолетних стали проводить рейды по таким горячим точкам.

Уже сегодня принятые меры по борьбе с пьянством принесли ощутимые результаты. Выросла производительность труда на сочинских предприятиях. Врачи 4-й травматологической больницы города, которые всегда работали в соответствии с особым графиком — приливы пациентов приходились на дни зарплаты, — отмечают, что количество несчастных случаев сократилось чуть ли не в 9 раз. И самое отрадное, что все меньше молодых ребят, тех, кто, следуя рутинному ходу событий, еще недавно занимал очередь в винный магазин, сегодня идут по этой дороге.

Горисполком Сочи принял решение о создании в каждом районе нескольких хотя бы простейших спортивных площадок. Техники и промышленные предприятия арендуют спортивные комплексы и клубы санаториев. Причем такая аренда налагает новые обязательства: танцевальная программа большинства клубов при санаториях уже не интересует молодежь. Да и всевозможные кружки, которых в городе вполне достаточно, привлекают ребят далеко не в равной степени. Мода хозяйствует и здесь. Комсомольцы Сочи учили это и создали в городе крупную парусную секцию; при Дворце пионеров организован клуб молодого моряка; в Адлере открылся центр дельтапланеризма. Как видим, неразрешимых проблем не бывает. Бывают только люди, не умеющие их разрешить.

Если молодежь не знает, куда себя деть, — это опасный симптом. Кандидаты в пьяницы — это те молодые люди с болотными от скуки глазами, которые лишены простой радости всякого молодого существования. Именно им, чтобы растревожить иерархии души, потребны плодово-ягодные допинги и острые ощущения в виде хулиганства, драк, воровства. Вот и получается, что люди нервнодушные беспрерывно ищут, чем бы сорвать с душевной мели тех, кому якобы некуда, кроме винного магазина, деть свое бренное тело. Конечно, плохо, когда, например, в поселке Кудепста нет даже летнего небольшого кинотеатра, зато есть винный магазин — про это не забыли, но нельзя и приучать ребят к мысли, что им все обязаны. Обязаны накормить, напоить и обеспечить развлечениями. Те же ребята из обделенной Кудепсты могли бы что-то сделать для себя своими силами. Но не находится лидера, организатора. А местный комсомол на эту роль не очень претендует.

...В сочинском концертном зале «Фестивальный», где проходил ежегодный праздник «Алые паруса», чистого, искрящегося веселья хватало на всех. И на выпускников средних школ города Сочи, и на их учителей, и на гостей праздника. Всю ночь играла музыка, взлетали в небо искрящиеся стебли салюта, ребята танцевали, смотрели выступление артистов Большого театра и Киевского мюзик-холла, дружно хлопали в ответ на предложение самодеятельных артистов — учащихся ПТУ «изменить структуру винзаводов». Только одному здесь не было места — спиртному. Кстати, как рассказывал мне Леонид Мостовой, самое поразительное, что именно родителей бывает сложнее всего убедить, что выпускной вечер лучше всего провести без бутылок.

Я глядела на счастливые, красивые молодые лица и думала о тех, кто не попал на этот праздник. И прежде всего о несчастных девушках, оказавшихся во власти спиртного, — именно женщины особенно уязвимы для действия алкоголя. Им труднее излечиться от страшного пристрастия, они чаще, чем пьющие мужчины, теряют семьи, они рожают больных, обреченных на страдания детей. Я думала о тех несовершеннолетних ребятах, что отбывают сейчас в колониях срок из-за «пьяных» дел, о тех, кого водка, как пуль, успела выбить из жизни.

Несовершеннолетние... Наши младшие братья, наши дети, угроза другим нашим детям в темном переулке, наша вина, наша боль, упрек нам и напоминание...

Всякий день каждым своим поступком мы выбираем свой путь. И несем ответственность не только за выбранный нами путь, но и за отвергнутый, за те добрые дела, которых не сделали, за людей, которым не помогли.

ешка долго — всю жизнь — не знал тети Жени. Когда же она пришла навестить свою школьную подругу, Лешкину мать, и впервые улыбнулась ему, он смущился, вдруг ощущив, что сердце его растаяло, а губы расплылись в широчайшей улыбке. И весь вечер Лешка не спускал с тети Жени преданных глаз, не замечая, что отец, мать и младший братик Петенька тоже смотрят только на гостью и улыбаются блаженно, счастливо и глуповато.

Зачарованный мягким и теплым, «меховым» голосом тети Жени, Лешка не сразу понял смысл застольного разговора. И был неприятно удивлен тем, что рассказывает она вещи до обидного простые и житейские. Что во время войны была с заводом в эвакуации, а в сорок пятом вернулась в Москву. Что вскоре после этого познакомилась с одним человеком и против материнской воли вышла за него замуж; что человек этот, хоть и был орденоносцем, оказался выпивохой и бабником, и она развелась с ним. Что вот теперь она со своей дочкой (младше Лешки на год) опять живет у матери, которая помыкает ею и не выпускает даже в кино; что работает сейчас чертежницей — работа чистая и хорошие люди кругом, но с деньгами тугу... Да что деньги! Был бы человек хороший! И тут тетя Женя стала говорить, как она завидует ей, Лешкиной матери, что у нее есть муж, который ее любит — это и слепому видно! — и двое чудесных сыновей!

Мать, обняв правой рукой тетю Женю за плечи, стала утешать ее. Та молча слушала и, недоверчиво улыбаясь, покачивала головой. Отец яростно раздавил окурок в пепельнице, сксал ладонями виски, взлохматив волосы, и выдохнул:

— Ах, гадская война! Стольких стоящих мужиков в землю уложила! Чего же про остальных-то баб говорить, если даже у такой красавицы, как ты, Женя, нет порядочного мужа?

Тут мать с живостью обернулась к нему и сказала:

— Слушай-ка... А что сейчас поделяет твой Григорий? Надо бы найти его. Тетя Женя резко выпрямилась и с гневным смущением воскликнула:

— Что это ты задумала, подруга?

Мать ответила, успокоительно оглаживая ее плечо:

— Ничего, ничего... Дело хоть и тонкое, и чувствительное, а все же таки житейское. Григорий — человек хороший и не урод... Слушай! — протянула она, снова обращаясь к отцу. — А ведь еще лучше есть! Сашка-то что, Герой Союза!.. Вот уж орел так орел!

Лешка сквозь дрему слушал их непонятные слова и по тому, как вызывались в них песенные мотивы, чувствовал, что затевают его родители какое-то веселое и счастливое дело. Но так и не услышал, о чем же они договорились с тетей Женей. — заснул.

А через месяц, в течение которого он каждый день вспоминал тетю Женю и спрашивал о ней у матери, их порог переступил с большим чемоданом дядя Саша — друг отца и в прошлом морской офицер. И сразу после приветственных поцелуев и объятий стал рассказывать, что, как только получил он письмо с фотографией, сразу же начал хлопотать о командировке... И сколько ему пришлось сил убухать и нервишек постремпать, чтобы закончить скорее всю работу на заводе, — уму не постигнуть! Но теперь-то у него, слава богу, есть в запасе три свободных дня.

Лешка взглянул на мать и оторопел: она сидела на стуле растерянная и ослабевшая, и не было на ее лице обычных радости и оживления, которые появлялись, когда видела она дорогих ей людей, — будто попытала с ухарским размахом взвалить на свои плечи груз неизвестного веса и он придавил ее неожиданно своей тяжестью: и обидно, и больно, и людейстыно...

Дядя Саша, не оглядываясь по сторонам, доставал из чемодана пакеты и свертки с гостинцами и разворачивал их на столе. И Лешка забыл о матери. Завороженно уставился, не замечая слоны на губах, на ржаные лепешки, большой шар деревенского масла, тугой и объемистый холстинковый мешочек с подсолнухами, на упавший пакет, из которого сухим шуршанием стала выползать вяленая вобла, на

Владимир ГРИШУНИН

РАССКАЗ

И БУДЕМ НА

жестянки с тушеникой и сгущенным молоком, на стеклянную банку с медом, так прозрачно и весело сиявшим в ней, что сделалось на душе щекотно и захотелось накатать из него множество солнечных колобков да и запустить их высоко в небо.

Но тут дядя Саша, говоривший до этого возбужденно и громко, вдруг понизил голос до секретного шепота, и Лешка с настороженным интересом посмотрел на него:

— Что сказать, Том? И так, наверное, все ясно. Фотография, конечно, не живой человек, да... Очень она мне понравилась! И решился я сразу и бесповоротно...

— Ох, Саш, чего-то мне страшно... — перебила его мать и всхлипнула. — Тревожно что-то...

— Ааа-а! — с веселым ожесточением выкрикнул дядя Саша. — Заварила кашу, а как расхлебывать, так в кусты? Ну нет, драгоценная моя Тамарочка, не отвертишься! Бери-ка ноги в руки и зови ее скорее сюда!.. Вдруг он замер, застыл, глаза его остановились и, расширившись, будто замерли. И показалось Лешке, что стал дядя Саша высматривать какими-то другими глазами что-то у себя внутри и никак не может увидеть того, что ему позарез нужно... Через минуту он замотал головой, глубоко вздохнул и, усмехнувшись, продолжил: — А мне-то каково страшно? А? Ну, это-то понятно... что страшно, если меня с моим-то свиным рылом из калашного ряда да гальюнной шваброй!.. Тут все ясно. Да ведь и тогда страшно делается, Том, как представлю себе, что согласится она выйти за меня! Вот ведь, брат Лешка, какие дела!

Мать после признаний дяди Саши встрепенулась, заулыбалась, будто, увидев чужие страхи, забыла о своих и ощутила в себе великие силы, с которыми она легко и просто разведет руками чужую беду; поднялась со стула и, потянувшись с наслаждением, сказала:

— Ладно, Саш, ты покуда отдохай, а я позвонить сбегаю.

Когда мать ушла, Лешка собрался было забросать дядя Сашу вопросами, но, взглянув на него, растерялся и не осмелился раскрыть рта: тот сидел у стола, нахмурил брови так, что едва были видны полные тревоги глаза, и тяжело вздохнул. Лешка пристосился на краешке другого стула и начал осторожно грызть семечки и аккуратно, чтобы не заметили убыли, пощипывать ржаную лепешку.

Мать вернулась скоро и, прикрывая ладонью смеющийся рот, рассказала, что Женя сегодня прийти не сможет, завтра забежит после работы только на минуточку, а вот послезавтра просит всех к себе в гости.

После ее слов дядя Саша долго втягивал в себя воздух, набирая полную грудь, потом замер, сдерживая дыхание, отчего зрачки его стали совсем черными, наконец, выдохнул с уханьем, будто колол на дрова суковатое полено, и, с облегчением рассмеявшись мелким, немного судорожным смехом, стал суетливо подвигать к Лешкиной груди гостинцы.

Но Лешка не замечал их, задумавшись над словами и действиями взрослых... Без труда он сообразил, что мать послала дяде Саше письмо с фотографией своей подруги. И тот, естественно, влюбился в тетю Женю. Без сомнения, и она сама влюбится в дядю Сашу, как только увидит его: ведь он лучший из мужчин. А тетя Женя — лучшая из женщин. Они же два сапога — пара! Некуда им деваться: хочешь не хочешь, а пожениться придется. Это ясно как божий день! Тут Лешка, про себя, конечно, похвалил мать, но и посокрушился, что она не познакомила их раньше. Одно осталось недоступно его пониманию: с чего бы это дяде Саше и матери мучиться страхами? И без долгих раздумий объяснил это себе тем, что люди, становясь старше, делаются глупее.

Лешка уже не раз слышал слово «свататься». К ним в гости часто приходила веселая и рыхлая старуха, которую отец называл Свахой. Эта Сваха всякий раз начинала расхваливать прибыльность и почтенную необходимость своего ремесла. Никто слов ее всерьез не принимал, и тогда она начинала рассказывать всякие веселые или трогательные истории из своей практики, над которыми сама же и смеялась с удовольствием или проливала слезы. От нее-то и усвоил Лешка много разных слов и понятий, без которых немыслимы были бы сама свадьба и продолжение рода человеческого.

Он решительно отодвинул от себя дяди-Сашины подарки и отвернулся от них, чтобы не соблазняться.

— Ты чего? — удивился дядя Саша. — Я же их вам привез. Ешь!

— Нет, — решительно сказал Лешка. — Это надо все убрать и спрятать. А то на свадьбе нечего будет закусывать.

— Ишь ты, пескарь премудрый! — ошеломилась мать. — Уже и про свадьбу где-то知道了! Эдак для него скоро ничего тайного не будет — все станет явным... Брысь на улицу.

Лешка ободряюще подмигнул смущенному дяде Саше и ушел гулять, хотя на улице было уже темно и пустынно.

Весь следующий день в детском саду Лешка не находил себе места, был раздражителен и мучился опасением, что мать, занятая сватовством, забудет забрать его из сада вовремя, и тогда он не увидит первой встречи дяди Саши с тетей Женей. Этого бы Лешка не простили матери ни за какие коржки и плюшки. Но она пришла за ним даже раньше обычного, и ему пришлось, изнывая от нетерпения и скуки, стоять вместе с ней в магазинных очередях. Мать и сама, должно быть, мучилась от торопливости, была суетлива и озабочена и совсем не обращала внимания на Лешкино нытье.

В очередях Лешка устал, настроение у него испортилось. Пришла в голову фантазия, что и тетя Женя вот так же таскается по магазинам, что бы накормить дочку и мать-старушку. А после всего этого только и остается ей, что махнуть рукой на все да лечь спать.

Дома было празднично и тихо. У накрытого стола сидел красивый и торжественный дядя Саша, хмурил брови и выщелкивал ногтями на спичечном коробке «Старого барабанщика».

Мать долго сидела, отыхаясь, на стуле и бездумно смотрела в окно. А когда пришла в себя, первым делом выпроводила Лешку гулять, чтобы не путался под ногами, сунув ему хлебный ломоть. Он начал было протестовать, но получил от матери такой подзатыльник, что само собой возникло в душе желание быть от ее драчливых рук подальше. Однако от родного подъезда не стал уходить, чтобы не прошляпить прихода тети Жени. Порушил щепкой грязный, смерзшийся снег на лавочке возле стены, сел на нее и принялся жевать хлеб, который от обиды казался сухим и не лез в горло.

Спустя минут десять Лешку позвали в переулок ребята из соседнего дома играть в «царь горы». Он не устоял перед уговорами, решив, что с высокого сугроба наверняка увидит тетю Женю еще издали и предупредит дядя Сашу, заслужив этим величайшую похвалу и награды. На сей раз игра получилась особенно веселой и азартной: Лешка увлекся и забыл обо всем. Лишь вымокнув и замерзнув до того, что не мог уже оставаться на улице больше ни минуты, он вспомнил о «сватовстве» и помчался домой.

Когда Лешка открыл дверь, уцепившись за ручку пальцами обеих рук, скрюченных морозом, и увидел всех за столом, то расплакался, осознав, что никогда в жизни уже не увидит, как в первый раз посмотрели друг на друга тетя Женя и дядя Саша. Мать, едва не повалив стул и вряд ли поняв истинную причину его плача, бросилась к Лешке и принялась, сердито и зло отчитывая, стаскивать пальто и валенки, а потом повела на кухню и сунула его руки под холодную воду и держала их там насилино, пока пальцы не стали шевелиться сами собой, вызывая боль и слезы. И потому не сразу заметил Лешка, что за столом сидят смущенные и подавленные люди, которые из всех сил тужатся быть веселыми и задушевными и у которых из этого ничего не выходит. И несказанно удивился тому сердечному, даже преувеличенному вниманию, с каким встретили его за столом отец и гости. Они наперебой подкладывали Лешке еду в тарелку и дотошно высматривали о настроении, здоровье, дела в детском саду и во дворе. Он переводил с одного на другого недоуменный взгляд и не мог жевать: чего-то вы, ребята? Что случилось?

— Ладно, оставьте его... Пусть поест, — сказал вдруг отец. — И пусть всегда сыты будут наши дети. И чтобы была у них мирная и счастливая жизнь!

Все взрослые согласились и сосредоточенно занялись едой. И чем дальше слушал Лешка звяканье вилок, тем неукротнее ему становилось, будто кто-то накрыл их всех невидимой тяжеленной подушкой, из-под которой невозможно услышать других людей и самому не докричаться. И почему-то становилось Лешке все холодней и холодней, будто подушка эта была набита не душной и жаркой ватой, а мелко наколотым льдом и снегом... Захотелось с громким криком схватить истекающий тонкой струйкой пару чайник и выплеснуть из него весь кипяток вверх. Но остался он сидеть на месте, потому что тетя Женя с протяжным вздохом уронила в тарелку вилку, встала и, с тоской оглядев всех, сказала:

— Ну... мне, наверное, пора. Пока доберусь...

Родители и дядя Саша стали ее уговаривать оставаться еще. И обещали довезти

Рисунок
Мариной ПИНКИСЕВИЧ

ДЕЯТЬСЯ

до дома на такси. А мать, обняв подругу за талию, увела на кухню, шепча что-то на ухо.

— Что же ты, Александр? — возмущенно спросил отец, откинувшись на спинку стула и шлепнув пальцами по краю стола. — Так и будешь тянуть жилы? Бедная женщина к нему и так, и эдак, а он только мычит, как теленок! Что с тобой? Ты же ведь какой-то... сущая деревяшка! Ни в какие ворота не лезет! Так-то жену родную и многолетнюю отвратить можно запросто, а Женя тебя сегодня первый раз увидела. Что она о тебе подумает?

Дядя Саша сидел, согнувшись на стуле, и не поднимал от пола глаз. Отцу он не отвечал, только вытирая машинально платком пот с лица.

— Да скажи что-нибудь! — напустился на него отец. — У меня от твоего молчания аж зубы заломило.

Дядя Саша выпрямился и с мольбой посмотрел на отца.

— Подожди, Коль... Не торопи... Если б ты знал, как страшно тяжело мне сейчас... Лицо у него скривилось, будто он собрался плакать. — Верь не верь, а втюрился я в нее по уши... И теперь хоть с моста в реку!

— Так что ж ты кота за хвост тянишь?! — разозлился отец. — Скажи ей — и дело с концом! Мужик ты или не мужик?

Дядя Саша обреченно вздохнул и снова отер лицо платком.

— Сижу рядом... от счастья аж обомпел весь... а взглянуть на нее — страх замучил. Сказать вроде бы надо что-нибудь... эдакое... умное или смешное — черте знает какое, но надо!. А язык как на мертвом якоре, в горло будто мачту вкотолили. Ах, война-зараца! Что она, подлая, со мной сделала?! Ты-то молодец: еще до нее успел ожениться. А я... А мне... Мне бы самое время учиться девушек обхаживать, а я свои первые и последние слезы в Либаве отстонал... Так и не научился... А теперь уж и стыдно учиться! Да и не сумею — вышло мое время.

— Чему учиться-то?! — выкрикнул отец.

— Ну, это самое... ухаживать, слова там всякие красивые говорить... — неуверенно начал дядя Саша.

— Дурак ты, и больше ничего! — перебил его нетерпеливо отец. — Зачем же учиться правду-то говорить? Ты правду скажи! А красивые слова сами придут, когда ты пары свои немного сбросишь...

Дядя Саша долго молчал, вздыхая. Потом, откашлявшись, сказал:

— Я попробую, Коль... Да, я попробую.

Пробовал дядя Саша сказать правду или нет — Лешка так и не узнал: мать прогнала его с братом в другую комнату спать. Лешка изо всех сил прислушивался, но доносились до него только негромкие, невнятные речи, звон посуды да изредка робкий смех... Спал он или нет, только вдруг встрепенулся, услышав громкий и оживленный голос тети Жени, приглашавшей завтра всех к себе в гости, и настойчивый, твердый голос отца, заставлявшего дядя Сашу проводить дорогую гостью домой.

На следующий день Лешка проснулся как обычно, чтобы собираться в детский сад, но был удивлен глубокой сонной тишиной. Все крепко спали, только на кухне ходил из угла в угол дядя Саша, сосредоточенный и осунувшийся. Он пробовал курить папиросы отца, но сразу начинал кашлять. Сквозь этот кашель дядя Саша и сообщил Лешке, что сегодня воскресенье, и лучше ему не шуметь — пусть все спят подольше, а то поздно легли... Воскресенье Лешка обрадовался очень: подкатило оно как нельзя кстати — теперь матери деваться будет некуда, и придется ей взять его с собой в гости к тете Жене.

В комнату Лешка не вернулся: знал за собой, что самостоятельная жизнь без шума ему хуже горькой редьки, — и остался на кухне за компанию с дядей Сашей, присевшим, ссутулясь, на широкой лавке, на которую мать обычно ставила корыто, когда купала братика или стирала. Лешке о многом хотелось расспросить дядя Сашу, но духу не хватило: слишком уж был у того, утонувшего в своих невеселых думах, недоступный вид, и через чур тревожная стояла кругом тишина.

Но наконец из подвала сквозь щелястый пол пролезли звуки шагов, плеск воды и фырканье... А следом взвился пронзительный голос Дуськи-толстопяты, заоравшей частушки:

Д с Вологодского моста
Д пойду навернуся!
Д кому какое дело —
Тока шея хрупнеть!
Тренкай, дроля! Друг, пляши!

И опять только тишина ворочалась кругом. Лешка оцепенел, закрыл глаза и стал сочинять пушку, из которой можно было бы стрелять снежками из крепости: надо взять длинное и прямое полено и выдолбить середку — это будет ствол. В него засунуть ровную палку, а от ствола на конец этой палки натянуть сильную резину. Снежки надо лепить заранее... И обливать водой, чтобы на них намерзала ледяная корочка: тогда при стрельбе они не будут разваливаться... А хорошо бы придумать пулепет!.. Но это оказалось таким сложным делом, что Лешка разозлился и открыл глаза. И увидел отца. Он стоял перед ними в одних трусах, обвязанный поперек живота полотенцем, и щурil глаза от зажатой в зубах папироски.

— Это вы что, воробы, бдите? — спросил отец, улыбаясь. И Лешке стало хорошо и весело: было видно, что отец выспался, бодр и энергичен и вовсю радуется этому. Вытираясь после щедрого умывания, он спросил дядю Сашу: — Ну, что? Проводил девушку?

— Ага,—ответил тот и начал с ожесточением растирать щеки.
— Ну и...
— А ничего. Довез и до свидания сказал. И спасибо за приглашение...
— Руку-то, руку поцеловал на прощание!—простонал отец.
— Нет, пожал только...
— Ну, ты и фрукт! Солдафон! А еще моряк! Моряк с печки бряк! Что же делать-то с тобой?

— Плюнуть и растереть,—уныло ответил дядя Саша.

Отец надул щеки и с возмущением, прищепывая губами, выдул воздух. А потом сказал примирительно:

— Ладно. Еще не все потеряно. Пошли завтракать да потихоньку в гости собираяться.

Поднимаясь с лавки, дядя Саша сказал:

— Без толку все это, Коль... Только душу травить. Ей красавец нужен! Какой-нибудь Канделаки!. А не зайнешка, зайка серенький вроде меня.

— Не скучи! Не хватало только, чтобы ты в штаны наложил!.. Рассполивился... Слушать противно!

Лешке стало жалко дядю Сашу: откуда отец взял право судить и язвить его? Дядя Саша—боевой морской офицер! Удивительно: и как это у дяди Саши достало сил терпеть это издевательство? Что-то здесь сомнительное. И Лешка задумался.

Завтрак тянулся долго, неторопливо и тихо. По радио передавали сначала «Пионерскую зорьку», потом какой-то концерт: тоскливо ныли скрипки и безутешно стонала виолончель. Да еще подсохший со вчерашнего вечера сыр лег в живот тяжкой обузой, и Лешка принялся хмуро оглядывать сидящих за столом. Отец читал газету, удивленно подняв брови; мать что-то шептала с улыбкой на ухо Петью и чертила пальцем по его ладони, а тот разинул от счастья рот до ушей. Дядя Саша привалился боком к подоконнику и загляделся на улицу.

— Так и знай, Александр!—вдруг решительно сказал отец, складывая газету.—Как только мы приедем к Жене, так я сразу же объявию ей, что ты влюблен в нее беспамятно и страшно умоляешь ее стать твоей женой! Правильно, Том?

— О чём речь?—подхватила мать.—Только так и не иначе! Вратя не стану, а призналась она мне вчера шепотком, что ты мужик очень даже ничего себе и, в общем-то, симпатичный. Только страшный бука! Ну, взбодрись ты наконец! Улыбнись! Чаще улыбайся: тебе так это идет—улыбаться. Ты таким лапушкой становишься.

— Смех без причины—признак дурачины,—вздохнул дядя Саша.—Попробую, конечно... Только не надо, Коль, вот так—на форсаже... Это ж тебе не сваи вколачивать.

Наконец суета и томление сборов остались позади. И после долгого из-за морозного ветра ожидания на остановке Лешка пристосился у самого окна «Аннушкиного» трамвая и принял отогревать ладонь замерзшее стекло. В вагоне было зябко и сыро—весь он промерз до последнего винтика, и у Лешки скоро начали стыть руки и ноги. Но он не замечал этого, увлеченный разглядыванием убегающего заоконного мира. Там—люди, машины, красивые старые дома с разными загогулинами и деревьями. Множество деревьев бульварного кольца, на ветвях которых Лешка успевал заметить, кроме обыденных воробьев и ворон, еще и синицы со снегирями! И хотя путь от Краснохолмского моста до Сретенки из-за трамвайной неспешности и частых остановок занял долгое время, он показался ему таким интересным, что Лешка удивился, когда мать стащила его с сиденья и потянула за руку на выход: как? Уже все?

Онишли по обледенелым тротуарам, сворачивали в какие-то переулки, но Лешка не смотрел по сторонам—его взгляд притягивали лица взрослых, по которым быстрыми тенями пробегали озабоченность, тревога и беспокойство. И ему стало казаться, что черты этих лиц как бы позванивали от напряженности. И очень скоро он заразился их состоянием и почувствовал, что сердце его начало суматошно трепыхаться от предчувствий чего-то ужасного и вот-вот выпорхнет из груди и затрясется от озноба на ледяном ветру. Но Лешкины ноги из-за того, что не смотрел он на дорогу, скользили на частых ледяных кочках, а потом с размаху тормозили на чистом асфальте. Из-за этого он беспрестанно терял равновесие и повисал на материнской руке. Мать с раздражением вздергивала его кверху и шипела что-то сердитое сквозь зубы. Он тогда отвлекался от переживающих невесть что взрослых и начинал пристально следить за дорогой, чтобы шагать только по чистому асфальту...

...Когда все они, гости и тетя Женя, решившая проводить их, поздним вечером вышли на улицу, Лешка изнемогал от сумятицы, которая клокотала в нем,—злость, досада, раздражение и разочарование возникли, как пена на поверхности закипающего бульона. Лешка и представить себе не мог, что эти часы в гостях пройдут так бестолково, в такой суматошности и озабоченности, но пустой суете.

Неудачи навалились на него, едва он переступил порог. Дочка тети Жени, ему даже имя ее не захотелось запоминать, оказалась вовсе не красавицей—в очках и такой серьезной, что Лешка, как ни старался, так и не смог заставить улыбнуться ее хоть раз. Да ладно, и с этим можно было бы примириться, но взрослые, торопливо накормив детей обедом, отправили их с глаз своих долой в другую комнату. Мать при этом наказала Лешке следить за братиком и так играть с ним, чтоб тому даже в голову не взбрело приставать к ней. И началось!.. Едва Лешка, смирившись с тем, что не суждено ему принимать участие во взрослом веселье и «сватовстве», затевал партию в поддавки с тети-Жениной дочкой, как Петя с воплем набрасывался на него и требовал, чтобы играли с ним. И стоило Лешке, занятому серьезным спором, как же лучше—без отца или без матери, отмахнуться от брата, как тот, с ревом и нарочно топая ногами, бежал к матери жаловаться.

Мать громким голосом звала Лешку к себе и, ласково уговаривая, но пребольно долба пальцем по голове, начинала увершевать его обходитьсь с братиком по-братьски... Петя довольно прыгал на ее руках, а Лешка исподлобья и сердито смотрел на взрослых и видел их улыбающиеся, умиленные лица, но замечал, как в их глазах мерцает нетерпеливое ожидание, когда же он даст им наконец возможность заняться своими важными разговорами и делами.

И так—все время! Лишь перед самым уходом мать вдруг позвала Петя и принялась его тешить и миловать. И Лешка с удивлением увидел, что на этот раз взрослые на самом деле очень рады его брату. И совсем не хотят оставаться наедине со своим взрослым веселым и будто бы даже страшась этого. Тут вспомнилось Лешке, что сегодняшнее гостевание не простое застолье, а «сватовство», и догадался по лицу дяди Саши, намаявшемуся грустить, по сникшим плечам тети Жени, по сердито прищуренным глазам отца, что из этого «сватовства» ничего не вышло и что все мечтают теперь об одном: спрятаться по своим углам. Их нерешительность возмутила Лешку, и он засопел, придумывая выход... Но тети Жени дочка, набравшись смелости, позвала его смотреть альбом с фотографиями. Лешка отпихнул ее и сразу за этим жестом вдруг ощущил, что не осталось в нем возмущения—оно сменилось растерянностью, обессилившей его: не знает он, как помочь этим людям, которых любят,—нет у него на это сил и такого умения... И Лешке захотелось спрятаться за дверь, укрыться в черной щели между шкафом и стеной—лишь бы не видеть никого и чтобы его самого оставили в покое.

Дорога до трамвайной остановки оказалась мучительной: взрослые, угнетенные и подавленные нескладностью своих отношений, не способные изменить их, вчетвером набросились на Лешку и его брата и принялись наперебой пытать расспросами. Да кого он, Лешка, больше всех любит? Умеет ли он читать и считать? Что ему больше нравится на завтрак? А на обед? А на ужин? Любит ли он праздники? И какой больше? Верит ли он в Деда Мороза и в Снегурочку? Много ли у него друзей и подружек? А как ему приглянулась тети-Женина дочка? Может быть, ему захочется встречаться с ней почще? И прочее, и прочее...

Лешка отмалчивался изо всех сил, пытаясь от злости. Но они приставали, покудахтывая снисходительным смешком, и требовали обстоятельных ответов. Да еще и обижались, и считали его, наверное, неблагодарным, когда он отворачивался от них.

Наконец подошел трамвай, и пытка эта кончилась. Лешка влетел в почти пустой вагон, вжался в сиденье и прилип к стеклу: делайте, что хотите, а меня не трогайте!

Трамвай торопился в парк. От быстрого хода вагон шико мотало и раскачивало рокотал большой штурвал под рукой вагоновожатого. И Лешка отвернулся от окна не только потому, что за ним была глухая темень, но и из-за того, что плешина чистого стекла дергалась перед его глазами, как сумасшедшая... Метались над головой ременные поручни и сухо стучали деревянными ручками, наскакивая друг на друга. В открытой двери кабинки стояла толстая кондукторша в шинели, грызла семечки и разговаривала с вожатым. Голоса ее Лешка не слышал, только видел, как изредка она в смехе широко разевала рот (и тогда шелуха повисала на губе) и колыхалась всем телом, отчего железные щеки большой катушки с билетами на ее груди начинали угрожающе поблескивать в мутноватом свете тусклых желтых лампочек.

Неуютно и тревожно стало Лешке, и он с надеждой оглянулся на родителей, сидевших у противоположной стены. И вдруг увидел впереди матери тетю Женю и удивился: с чего бы это она не пошла домой, а поехала с ними?

И тут Лешку обдала теплая волна: неужели она еще на что-то надеется? Он с любопытством посмотрел на дядю Сашу. Тот, облокотившись на спинку переднего сиденья, на котором, ссутулившись, промстился отец, задумчиво слушал его и, не мигая, глядел поверх Лешкиной головы. И Лешке показалось, что дядя Саша в своих мыслях уже не здесь, а там, где он служит, и видит себя не таким, каким был до знакомства с красавицей тетей Женей, а другим уже. Нет, он по-прежнему хороший моряк и справедливый офицер, но стойко терпит и молча скрывает от всех муки и терзания, свалившиеся на него после разлуки с тетей Женей. Еще Лешке показалось, что дядя Саша нравится его новое положение страдальца и неудачника, что жалость к самому себе ему очень приятна. От этих предположений Лешке стало противно и беспросветно.

В этот момент он боковым зрением заметил какое-то движение и посмотрел туда—мать наклонилась к тете Жене. Лешка пригляделся и увидел, что у тети Жени, приткнувшей головой к оконному стеклу, вздрогивают плечи. Мать тем временем торопливо сняла с колен Петя, посадила его на сиденье и, не обращая внимания на него, начавшего гундосить и тянуть к ней руки, тряся ладошками, встала над тетей Женей, низко склонясь и стараясь заглянуть ей в глаза. А через мгновение стала обеими руками бесцеремонно, как показалось Лешке, поворачивать ее голову к себе. Но тетя Женя упрямо вырывалась и силилась вжаться комочком в угол между скамьей и стенкой... «Что же это творится такое, люди добрые?»—громко сказала мать и выпрямилась, с силой ткнув кулаками в бока. Отец и дядя Саша с тревогой вытянули шеи. И настороженно подошли к ней. Тут и Лешка сорвался с места. Оттолкнувшись отца, приткнулся к тете Жене и, пытаясь от волнения, спросил шепотом: «Ты чего, тетя Женя?» И услышал голос густой, набухший обильными слезами и спотыкающийся об них: «Да-а-а... Ведь завтра-то... он... уезжааа-ет!»—и разрыдалась в голос, будто сгинула навсегда в далеких краях своей службы дядя Саша, а не стоит с ней рядом. Мать, ухватившись за отвороты дяди-Сашиной шинели, подтащила его к себе и сказала грозно: «Ну!» И дядя Саша, порывисто вздохнув и опустив голову на грудь, стал вдруг медленно, будто кто-то держал его под плечи, опускаться на ребристый трамвайный пол, покрытый крепкой наледью и грязным, растоптанным снегом, на котором белели подсолнуховые белушки и использованные билеты...

Наконец, громко, как если бы пол на радостях сам сиганул к ним навстречу, стукнулся об него коленями и замер в напряженном молчании, лишь вытворяя что-то непонятное своей шеей—должно быть, хотел поднять голову и взглянуть на тетю Женю и не мог. Что-то скрежетнуло в его горле... И вдруг, приподняв над головой кулаки, испачканные нечистым, начавшим таять на них снегом, закричал: «Женя, я люблю вас! Выходите за меня замуж!» И Лешкина душа захолодела от веселой жути...

Но тут раздался ужасный грохот, и Лешка увидел сидящую на полу толстую кондукторшу с нахавшей на нос ушанкой: наверное, бросилась на крик, да поскользнулась на своих подбитых железными подковками сапогах. И так были уморительны недоумение и ошарашенность на ее щекастом лице, что Лешка засмеялся. И засмеялся еще сильней, когда увидел, что кондукторша, хлопнув себя по животу и сообразив, какой крик ее всполошил, тоже закатилась тоненьким и заливыстым смехом. Через мгновение не смогли сдержать хохота и отец с матерью...

Когда Лешка, поскучнев от долгого и напряженного смеха, посмотрел на дядя Сашу и тетю Женю, то увидел, что она, прижимая щекой к его голове, лежащей на ее коленях, чего-то шепчет. Лешка насторожил уши и еле разобрал: «Дурачок... Ах, какой ты дурачок! Что же ты молчал?..» Ответов дяди Саши услышать было совсем невозможно.

А на следующий остановке они сошли... Тетя Женя, не оглядываясь, тянула за собой дядя Сашу. Возле двери он ухватился за поручень и оглянулся. И Лешка увидел, что счастливое лицо его вдруг погрустнело, а губы сморщились виноватой улыбкой. Лешка хотел крикнуть ему что-то ободряющее, но дядя Саша, махнув рукой на прощание, выпрыгнул из вагона.

Остаток дороги отец и мать молчали. Кондукторша уже не разговаривала с вагоновожатым, машинально грызла семечки и временами оглядывалась на них. И тогда Лешка видел на ее лице странную смесь чувств, досадную для него: какие-то таинственность и загадочность, будто хотела она сказать: «А вот что я знаю про себя необыкновенно хорошее!» Но проступала вдруг сквозь эти чувства такая жалобность, что у Лешки начинало першить в горле, он хмурил брови и принимался пинать ногами сиденье, благо впереди никого не было.

Лешка свернув с Садового кольца в светлую от нее тронутых пылью и копотью снегов темень сквера и очутившись в родном переулке, освещенном немногими окнами, за которыми еще хлопотали жильцы, отец, осторожно поправив спящего у него на руках Петя, и хрюпко откашлявшись, сказал:

— Счастье-то... Оно, конечно, счастье! Но вот ушли люди... И, наверное, друзей стало меньше.

Мать долго молчала и только перед самым домом, уютно взяв отца под руку и крепко прижавшись к его плечу, подняла к нему лицо:

— Какие наши годы! Новых заведем!

Леонид ПЛЕШАКОВ.
Фото Юрия УСТИНОВА

КОМПАС В МОРЕ ИНФОРМАЦИИ

Xочу сразу оговориться: в этом очерке вступительная часть превысит основную, а рассказ о главном герое будет меньше, чем объяснение, почему этот герой стал необходим всем. Проблема, о которой пойдет речь, настолько специфична, что до конца понятна лишь узким специалистам, хотя, с другой стороны, она ежедневно, ежесекундно касается каждого из нас. Итак...

Лет двадцать пять назад в одном из журналов я прочел немало меня удивившее сообщение. Специалисты, оказывается, подсчитали, что любую разработку новой машины, оборудования, технологического процесса, любое исследование стоимостью до десяти тысяч долларов выгоднее начинать с нуля, чем искать аналоги среди исследований и разработок, уже проделанных в данной области науки и техники.

В том же сообщении давалось объяснение: развитие науки и техники набрало такие темпы, что объем информации в этой области удваивается каждые десять лет, а потому поиск нужных сведений во всевозрастающем ее потоке год от года становится все затруднительнее и дороже. Проще отдать десять тысяч на собственные разработки, чем израсходовать такую же сумму на кропотливое изучение всей информации на интересующую тему.

С тех пор прошла четверть века, и сейчас всякие откровения из области информатики нисколько не удивляют. Мы привыкли жить в мире, насыщенном разного рода сообщениями, сведениями, данными. Подавляющее их большинство проскальзывает мимо нашего внимания, ибо не затрагивает наших личных интересов ни в сфере производственной деятельности, ни в области отдыха, быта или семейных отношений.

И все-таки есть резон лишний раз взглянуться в «личность» нашего постоянного спутника — информации.

Довольно любопытный и неожиданный поворот данной проблемы увидел, как мне кажется, заведующий отделом астрофизики Института космических исследований Академии наук СССР И. С. Шкловский.

Хорошей характеристикой уровня развития технической цивилизации, считает он, может служить уровень производства энергии. Для земной цивилизации этот уровень скоро достигнет 10^{20} эрг/с. Заметим, что мощность падающего на нашу планету потока солнечного излучения порядка 10^{24} эрг/с. Таким образом, при всем стремительном росте производства и потребления электроэнергии человечество все еще не вышло на уровень сотых долей процента от солнечного фона на планете Земля.

С другой стороны, отмечает Шкловский, учитывая количество имеющихся на земном шаре телепередатчиков, их мощность и относительную длительность работы, можно утверждать, что Земля излучает на метровых волнах примерно в миллион раз большую мощность, чем если бы она излучала естественным путем, просто как тело, нагретое до 300°K .

Над этим примером стоит задуматься. За какие-то два-три десятилетия из-за деятельности развива-

ющейся земной цивилизации такое важное глобальное свойство нашей планеты, как мощность ее радиоизлучения в метровом диапазоне, выросло в столь огромной степени, что по этому параметру Земля вышла на первое место среди планет нашей системы, обогнав такие гиганты, как Сатурн и Юпитер, и уступает (пока!) только самому Солнцу.

Оставим, однако, межпланетные масштабы, ибо даже в рамках земных безудержно растущая информация дает массу поводов для размышлений, а проблемы, которые она ставит перед человечеством, требуют безотлагательного решения.

Ветеран фирмы «ИБМ», крупнейшей в США по производству компьютеров, автор многих известных книг по вычислительной технике Дж. Мартин писал:

«Сейчас мы достигли такого уровня познания, когда количество информации, поступающей в промышленность, управление и научный мир, доходит до тревожных пропорций. Печать весьма мягко и неудачно (по мнению автора) называет это «информационным взрывом», так как взрыв быстро прекращает свой бурный рост, рост же информации в перспективе не имеет конца, а только все больше увеличивается. Общая сумма человеческих знаний изменялась раньше очень медленно. К 1800 году она удваивалась каждые 50 лет, к 1950-му удваивалась каждые 10 лет, к 1970-му — каждые 5 лет...»

Велик поток информации и в наше время. На несведущий взгляд это обстоятельство кажется парадоксальным: сейчас, мол, столько всего открыто и в стольких областях человеческой деятельности, что дальнейшее продвижение вперед выглядит весьма затруднительным, что для новых открытых не остались и места. Однако так могут рассуждать лишь те, кому почастливилось оставаться в наивном неведении относительно происходящего вокруг сейчас и того, как обстояло с этим делом ранее.

В наше время последствия новых открытых далеко не всегда предсказуемы. Иной прорыв в науке и технике дает толчок такой лавине последующих изобретений и новшеств, что под их Эверестами порой трудно различить первоначальный импульс. Давно ли, кажется, были открыты лазеры? А теперь найдены тысячи способов их применения — от космоса до микрохирургии, причем в каждой области, куда они проникли, их использование растет и вширь, и вглубь.

Только вот вопрос: где набраться сил, чтобы элементарно разобраться со всеми обрушивающимися на человека знаниями? Ведь мы переживаем не только эпоху «информационного взрыва», но и, как утверждают знатоки, эпоху «информационного кризиса». Мы не успеваем перерабатывать, усваивать и использовать то, что сами же открываем, затрачивая на это колоссальные средства. Материальные расходы на хранение, передачу и переработку информации превышают аналогичные расходы на энергетику.

По данным ЮНЕСКО, в настоящее время уже более половины всего занятого населения наиболее развитых капиталистических стран прямо или косвенно принимает участие в процессе производства и распространения информации. В 1980 году работники сервиса (торговля и обслуживание) составили 21,5 процента занятого населения США. На долю фермеров, промышленных, сельскохозяйственных рабочих пришлось 34,2 процента. Остальные 44,3 процента были заняты обработкой информации: то есть очень широким кругом дел, связанных с приемом сведений, их анализом, принятием решений и передачей распоряжений и рекомендаций.

Тем не менее нельзя утверждать, что человек сильно преуспел в этом деле. Возьмем лишь одну

область — науку. По некоторым подсчетам, на сегодняшний день до 45 процентов средств, затрачиваемых в мире на исследования и разработки, расходуется непроизводительно из-за недостаточной осведомленности ученых. Параллелизм в работе, повторение того, что было опробовано другими, съедают ежегодно фантастические средства.

Нет ничего обиднее напрасного труда. А тут еще специалисты со своими анализами и многообещающими прогнозами. В последней четверти XX века, уверяют они, информация становится для промышленно развитых стран одним из наиболее важных национальных ресурсов. В конце этого столетия информационные ресурсы станут основным национальным богатством, а эффективность их промышленной эксплуатации во все большей степени будет определяться экономической мощью страны в целом. Так что не хочешь терять, учись рачительно распоряжаться тем, что имеешь, умеешь, знаешь. Проблема.

Легче всего ее сравнить с традиционным поиском иголки в стогу сена. Но даже этот классический образ сложной задачи в данном случае не подходит. Стог сена статичен. Он не растет, не видоизменяется во времени, чего не скажешь об изменчивом, подвижном, поддержанном переоценке мире информации. Об иголке заранее знаешь хотя бы, где ее искать. А тут... Единица информации в чем-то схожа с каплей дождя, которая вместе с себе подобными превращается сначала в поток, потом ручей, реку, выносится в море, океан, где отыскать ее среди других — непосильный труд.

Обо всем об этом мы говорим с Борисом Владимировичем Кристальным, кандидатом технических наук, который заведует сектором во Всесоюзном институте научной и технической информации (ВНИТИ) Государственного комитета СССР по науке и технике и Академии наук СССР. Этот институт был создан в системе академии в июле 1952 года. Борис Владимирович работает здесь, можно сказать, почти от «первого колышка» — тридцать лет. Так что он знает не только проблемы информатики, но и то, как решались они в последние десятилетия. Большая часть нашей беседы шла, так сказать, на дальних подступах к главной теме — разговору о главном герое этого очерка — о самом ВНИТИ. Потому что, не поняв хорошо, почему возникла необходимость в таком научном учреждении, трудно будет оценить то, чем оно занимается. Этим же, кстати, объясняется и обширная преамбула данного материала. Чтобы зри-мее представить такую эфемерную вещь, как информация, мы все время старались найти сравнимый, похожий образ среди знакомых материальных вещей или производственных структур. Искали мы понятный образ и для метода, с помощью которого решается проблема управления информационным потоком, его обработкой и использованием. Ведь найти этот метод, как говорилось выше, ранее казалось неразрешимой задачей.

Но нужда, как известно, — мать всех открытий. Все в принципе оказалось довольно просто. И если искать сравнение, то больше всего на эту роль подойдет водопровод или система электроснабжения: сначала от разных источников воды или электропитания все ресурсы собираются в единую систему, а потом подаются через соответствующую сеть потребителю. В области информации эта задача, разумеется, выглядит значительно сложнее. Тут необходимо не просто создать разветвленную сеть сбора и систему выдачи данных, но и суметь на пути между этими двумя полюсами должным образом переместить каждую единицу информации, чтобы она имела свой точный адрес хранения, по которому в случае необходимости ее было бы легко найти.

В настоящее время в нашей стране сформирована и успешно развивается Государственная система научно-технической информации (ГСТИ), которая аккумулирует все новейшие научно-технические сведения в виде опубликованных отечественных и зарубежных изданий, отчетов о научно-исследовательских опытно-конструкторских работах, в виде диссертаций, патентов, стандартов, промышленных каталогов и

других документов, сбор, обработку, хранение и распространение которых осуществляют информационные центры различного уровня.

На нижней ступени этой иерархии находятся 15,2 тысячи научных и технических библиотек, свыше 12 тысяч отделов и бюро научно-технической информации предприятий, институтов и конструкторских бюро. Далее: 113 межотраслевых территориальных, 14 республиканских, 90 центральных отраслевых. На вершине находятся одиннадцать всесоюзных институтов и учреждений, которые и комплектуют общенациональный фонд первичных документов и на основе их централизованной аналитико-синтетической обработки подготавливают и издают библиографическую, реферативную и обзорную информацию.

У каждого из одиннадцати «китов» — свой профиль. Выставка достижений народного хозяйства, например, специализируется на обработке материалов экспозиций, представленных здесь, а также пропаганде проводимых на ВДНХ мероприятий. Научно-производственное объединение «Поиск» Государственного комитета по делам изобретений и открытий — на патентной документации, описании отечественных и зарубежных изобретений. Всесоюзный центр переводов занимается переводами зарубежной научно-технической литературы и документации.

Область ВИНИТИ — мировая научно-техническая литература по естественным, точным и прикладным наукам — 18 отраслей знаний — все, что опубликовано по данной тематике: научные статьи, книги, доклады на конференциях, отчеты с симпозиумов, поступающие из 130 стран на 66 языках мира.

Обработкой информации здесь заняты две тысячи штатных и двадцать тысяч внештатных сотрудников — более 1200 докторов и свыше 9000 кандидатов наук. Их задача, если можно так выразиться, «скать» любого размера документ до масштабов реферата, аннотации, в которой тем не менее должна содержаться квинтэссенция научного труда или разработки. Каждый реферат получает индекс, соответствующий рубрике, которая объединяет работы на одну тему, и «личный» номер в этой рубрике. Такая «метка» — своего рода адрес, по которому впоследствии можно легко найти и реферат, и исходный документ. Чтобы представить, насколько подробно расписаны «адреса» рефераторов, сообщу: сводный рефиратор ВИНИТИ содержит сорок тысяч (!) рубрик — сорок тысяч самостоятельных тем, направлений, проблем, по которым рассредоточивается общий поток информации.

Главная продукция института — реферативный журнал, который ежегодно выходит в 28 томах, состоящих из 230 выпусков. В них освещается один миллион двести тысяч публикаций. Поиск нужных сведений по реферативным журналам (каждый выпуск — довольно увесистый том) все равно требует много времени. А представьте себе, каково искать, если таких выпусков выходит от 12 до 24 в год, да еще просмотреть их нужно за 5—10 лет. Вырастают горы информации, которые нужно просмотреть. Чтобы повысить эффективность обслуживания потребителей информации, процесс поиска автоматизирован. Между прочим, в разработке и создании Государственной автоматизированной системы научно-технической информации ВИНИТИ является головной организацией.

Компьютер стал сегодня, пожалуй, самой популярной машиной. О нем говорят, пишут, его используют. И когда Борис Владимирович Кристальный сказал, что их институт имеет собственные машиночитаемые базы данных, пополняющиеся ежегодно более чем миллионом документов, я не смог удержаться, попросил показать, как работает эта система.

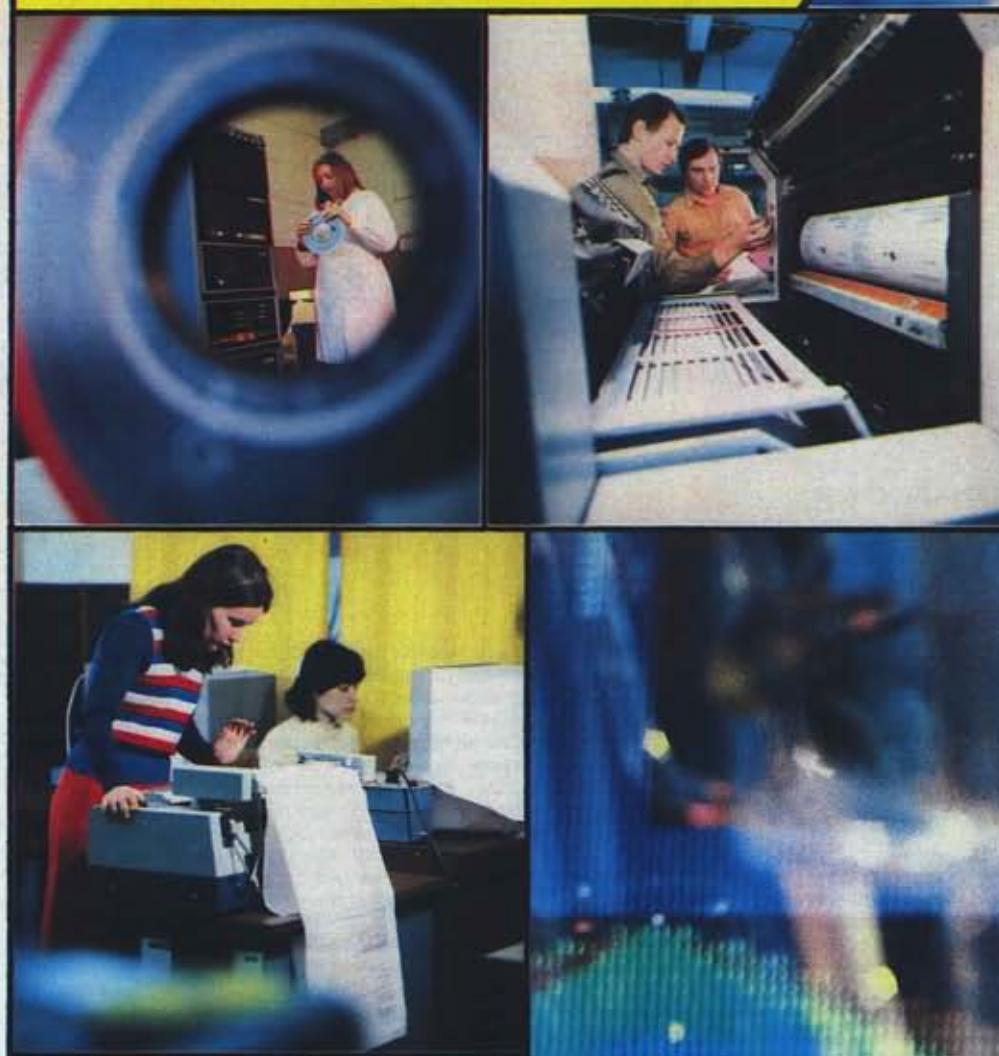
Представьте себе просторный школьный класс, где на каждом ученическом столе размещены терминал и печатающее устройство. Пока старший научный сотрудник отдела разработки технических систем для автоматической обработки информации Алиса Ивановна Жежель вводит меня в курс дела, я стараюсь проанализировать первое личное впечатление от увиденного. В принципе ничего особенного: дисплей, а проще экран телевизора и приставка с клавиатурой, напоминающая пишущую машинку. А рядом — печатающее устройство.

— Что бы вы хотели узнать? — спрашивает Алиса Ивановна.

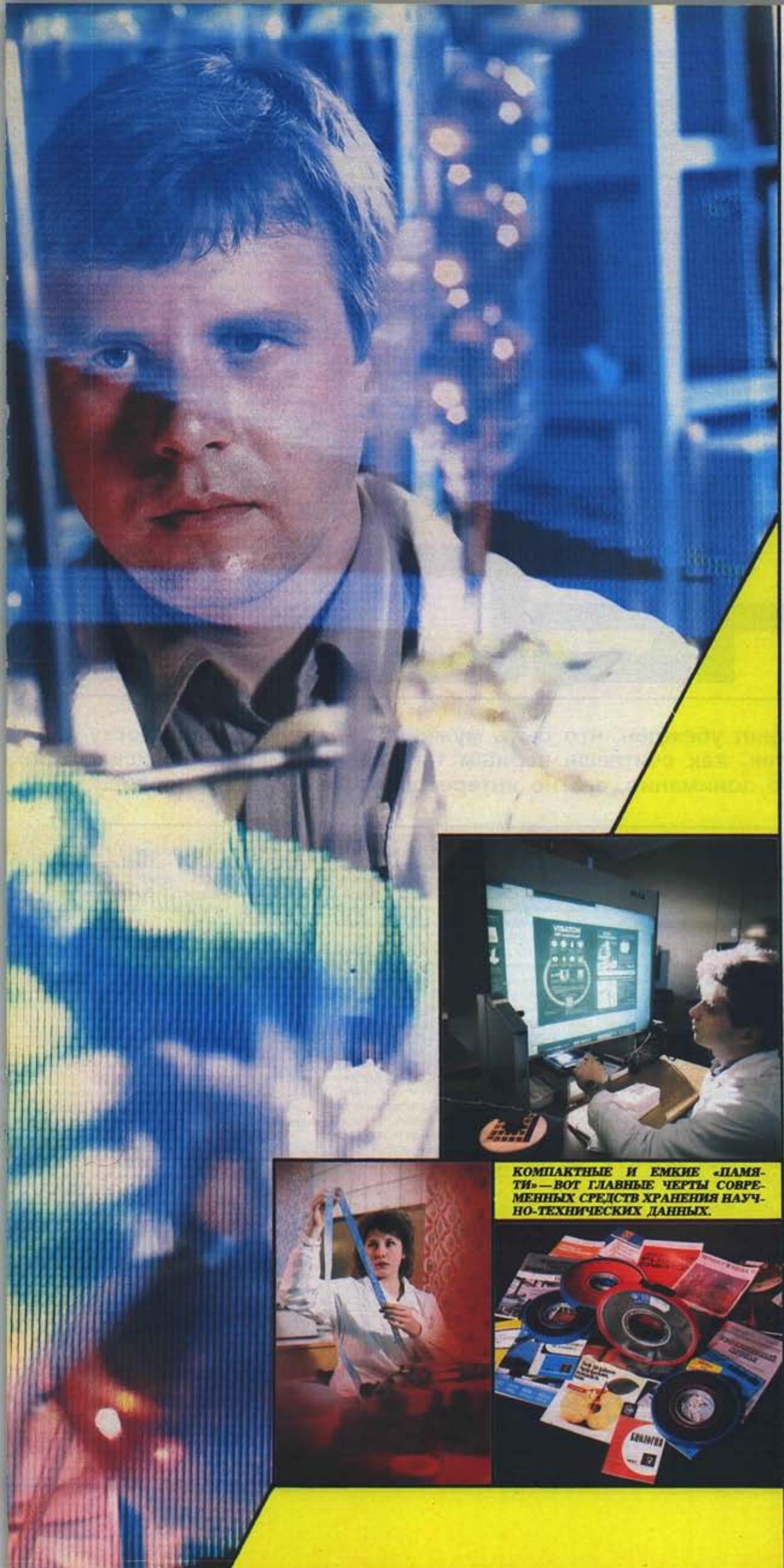
Честно говоря, один вопрос я придумал заранее: изобретал ли кто-нибудь велосипед в 1984 году? Вроде бы и поворот шутливый, а проблема серьезная: сколько можно ходить тысячи раз исхоженным путем, а если все-таки ходят, то каковы результаты? Как раз к моей теме.

— Сегодня этот вопрос задавать машине нельзя. Велосипед нужно искать в базах данных о машиностроении или транспорте. А нынче по расписанию: химия, физика, металлургия, биология, физикохимия... Так что спрашивайте что-то из этих отраслей. Может быть, возьмем металлургию? Начнем с 1983 года...

Почему-то неожиданно вспомнился давний товарищ по университетской волейбольной команде Андрей

НОВЕЙШАЯ
КОМПЬЮТЕРНАЯ
ТЕХНИКА
ПОЗВОЛЯЕТ
ПОЛУЧАТЬ
СВЕДЕНИЯ
С ВЫСОКОЙ
СКОРОСТЬЮ.

КОМПАКТНЫЕ И ЕМКИЕ «ПАМЯТИ»—ВОТ ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ ХРАНЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ДАННЫХ.

Дербас, физик по образованию, уже многие годы занимается сваркой взрывом в новосибирском Академгородке. Последний раз виделись лет десять назад. Как он там, что поделывает?

— Можно узнать,—спрашиваю Алису Ивановну,— какие работы были опубликованы в прошлом году по сварке взрывом?

— Конечно. Нужно найти соответствующую рубрику и ввести ее в машину.

— А если без рубрики?

— Можно и без: по ключевым словам.

Она набирает на клавиатуре свой личный код, известный машине, и на дисплее тут же загорается строка «Начинайте запрос». Сначала мы называем базу данных, в которой хотели бы вести поиск,—металлургия, и машина, чуть-чуть задумавшись, отвечает, что у нее на эту тему столько-то десятков тысяч документов. Она могла бы по очереди перечислить все, но прочесть их нам не под силу.

Сужаем запрос: просим «Сварку взрывом». И опять нам сообщают: более ста пятидесяти работ. Понятно, что все не перебрать.

— Может, все-таки просмотрим несколько?

Вызываем одну, вторую, третью. Сварка металлов с металлами, сварка металлов с неметаллами. Работы советских исследователей, зарубежных. Моего товарища среди них пока нет.

— А если поискать в этом же массиве данных, но не по содержанию работы, а по фамилии автора?

— Можно. Диктуйте фамилию и инициалы.

Я диктую, операция повторяется. И на дисплее высвечивается строчка: «Дербас А. А. год 1983, документов—0».

— Этого не может быть. Я уверен, что он работает по этой тематике!

— Машина знает лучше.

И тут я наконец замечаю, что допустил ошибку: вместо «и» в фамилии Андрея набрано «е». С этими безударными гласными всегда беда. Исправляем «е» на «и», и машина тут же сообщила:

«Дербас А. А. «Использование энергии взрыва для создания конструкций разнородных металлов». Материалы 8-го Всесоюзного совещания по сварке разнородных композиционных и многослойных материалов: Киев, 16—18 февраля, 1982 год. Опубликовано на русском языке».

Потом была названа еще одна его работа уже прошлого года. Последняя строчка на дисплее сообщила: «Конец списка документов—введите «возврат» или другую команду». Машина просила работу.

— Хотите получить отпечаток этой информации?—спрашивает Алиса Ивановна. И печатающая приставка тут же зафиксировала все на бумаге.

Потом мы спрашивали машину о лазерах (7789 документов в годовой базе), о газовых лазерах (871). Ввели еще одно уточняющее слово — «голография», и нам сообщили, что о применении лазеров в голографии есть восемь документов.

В годовой базе «химия» хранится более 360 тысяч различных данных. И опять было интересно наблюдать, как машина, перебрав по нашему запросу свою память, сообщала, почти не задумываясь, всякую информацию. В ней хранилось 2015 документов о белке, более ста — о пищевом белке. Только о сое было 76 научных публикаций.

Два с лишним часа перед терминалом пролетели незаметно. Ощущения? Во-первых, физическая усталость. Во-вторых, нервное напряжение. Наверное, и первое, и второе оттого, что машина с первых же мгновений показывает свой характер: шутить она не любит, ошибок не терпит, твое неумение работать с нею подчеркнет, не задумываясь, требует, чтобы ты знал, чего от нее хочешь. Но была еще и радость поиска, радость открытия. Потому что за это короткое время удалось найти столько, сколько обычным путем отыскать не успеешь.

Но, конечно, машина — это только машина. Главный же предварительный труд совершен людьми. Они переработали горы информации, чтобы ужатые до предела документы можно было легко найти, а затем использовать. Высвеченные на экране дисплея заголовки, ключевые слова, рефераты — это только адреса и краткие характеристики документов. Сами же они, отснятые на микропленку, хранятся в специальных хранилищах. Их копии или распечатку самих документов можно запросить у ВИНИТИ. Институт имеет собственный производственно-издательский комбинат, выпускающий в год 62 тысячи условно-издательских листов информационной продукции.

Я перечел свои заметки и понял, что они отличаются от всего, что приходилось делать ранее. Объясняю это необычностью темы. Трудно описывать дело, где как бы не создается что-то конкретное. Еще труднее рассказывать о процессе, где человеческий ум ужимает рассказ об изобретенном ранее до миниатюрных размеров и кодирует его согласно строгим правилам машинной логики. Смотреть со стороны — тяжелейший труд многих тысяч сотрудников ВИНИТИ. Вдумайся глубже — необходимый регулирующий аппарат в неукротимом потоке информации, важное звено научно-технического прогресса.

Игорь СЕРКОВ

риходилось ли вам задумываться о природе той откровенности, с какой мы открываемся случайным спутникам в дороге? Тем, кого, встретив невзначай, уже не встретим никогда. Ведь с этими людьми, о которых не знаем ничего и не ведаем (кто они, что за люди, что у них в прошлом?), бываем откровенны так, как и с самыми близкими людьми редко бываем распахнуты и искренни.

Есть одно объяснение. Потому и откровенны, что знаем: никогда уже встретиться не придется, никому из знакомых откровенность наша не станет известной и нам самим никак не повредит. Вроде как подойти к темному колодцу, прокричать туда наболевшее, облегчить сердце и, не ожидая никакого ответа, жить дальше с ощущением, что чуть полегчало, отлегло.

Наверное, какой-то край истины это объяснение и прихватывает. Какой-то...

Омск летом того года оглушал кавказской жарой. За окнами гостиницы тяжко катили темноватую, маслянисто поблескивающую под расплывшимся солнцем воду Иртыш, и до самых глубоких сумерек тянулся по набережной с пляжа народ в купальниках и плавках, как на Кавказе или в Крыму.

Сосед мой по номеру появился только к вечеру. Едва познакомились, выяснилось, что знакомству нашему долгим не быть: я только прибыл, он завтра утром уезжает. Я из Москвы, он из Тюмени. Звали его Алексеем Ефимовичем.

Поначалу разговор не очень-то ладил-ся. Алексей Ефимович все пробирался к распахнутому окну, курил, удивлялся, глядя на набережную: «Прямо как на курорте! Он будто приглядывался ко мне, словно прикидывал про себя что-то. Так мы и перебрасывались неважными словами, пока я не рассказал незамысловатую историю о том, как сыну пришлось расплачиваться за ошибки отца. Не бог весть какие ошибки, кстати.

Алексей Ефимович от окна повернулся, глянул в мою сторону. Усмехнулся:

— Ну, это конечно. Это у вас, молодых, быстро. С нами, стариками, разбираетесь — будь здоров. Глазом не успеешь моргнуть — уже все ясно. Только перья летят.

Сказал он это с неожиданной горечью.

— Меня сейчас сын по косточкам так разбирает да выдает мне такие приговоры, что только держись. Скорые вы судите...

— Нет, он не жаловался. Немолодой уже, но, видно по всему, не растративший силы человек. В жалости он не нуждался. Не на нее рассчитывал.

Алексей Ефимович, будто угадав мои мысли, сказал:

— Я свою судьбу сам решал. Так что если обижаться на кого, то только на самого себя. Тут ведь как? Один не решается свою жизнь перемянить, а потом локти грызет или на себя рукой махнет. Другой решается. И сам потом за это расплачивается. Что лучше? А что кому. Я по своему характеру предполагал сам за себя думать. Теперь вот рассчитываюсь... Ну, да это моему характеру ближе.

Я в двадцать девятом родился, воевать, сам понимаешь, не пришлось, а вот тыловой жизни в деревне да в послевоенной хлебнул досыта. Но только то, что до фронта я в самые горячие мальчишеские годы не добрался, подействовало на меня сильно. Долго мне все казалось: пропустил что-то в жизни, не дотянулся до самого важного. Поэтому, может, и мотался я в своей жизни потом много. После армии особенно. Может, то, в войну упущенное, все и искал?

Специальностей я тогда перебрал пропасть. Всех и не упомнишь. Только я не летун был, нет. Я честно свое, кровное дело искал, на каждой работе вламывал от души. Всегда среди первых был. Тут как? Если руки и голова два дела плотно знают, то ко всякой другой работе скоро привороятся. Поэтому я новых работ и новых мест не боялся. Да и гордый слишком был, чтобы позволить себе плохо работать. Сам себя уважал и любил, чтобы меня другие уважали. Уважали за дело. Потому в работу всегда вгрызался, как голодный в краюшки.

И еще повезло мне — вовремя свое дело нашел. Это, знаешь, тоже важно — найти свое, пока молод, голова работает, силы играют, азарт в тебе шумит.

Нашел я себя на буровой. Попал к буровикам случайно, за компанию с другом одним, только друг этот скоро укатил с буровой, а я остался. Потому что понял — мое. Вот здесь я на месте, здесь я своего добьюсь полной мерой. Было это в Башкирии. И так у меня ладно все пошло! Скоро уже в буровые мастера выбился, медали на праздничном пиджаке забрякали одна о другую...

И решил я на новое месторождение по своей инициативе перебраться. Сказал бригаде — задумались ребята. Самые опытные, с которыми я еще в Башкирии в одном вагончике жил, задумались. Чего, мол, от добра добра искать? А я уже наладился, ну и вспыхнул — не хотите, оставайтесь, а я молодых ребят наберу. Не на всех, но кое на кого подействовало. Вот так и разделилось наше ядро, только половина со мной уехала.

Зато молодые подобрались подходящие. Опыта, правда, никакого, но я этого не боялся — натаскаю...

И ведь по-моему вышло!.. Уже скоро бригада в силу вошла, стали мы на видные места выбираться в соревновании. Мне тогда все казалось по плечу и море по колено!.. Все по-моему идет. И тут вдруг осечка. По собственной невнимательности. Виктор Гаврилюк, бурильщик, упустил в ствол инструмент. А мы уже тогда на двухкилометровой глубине бурили. Ох и наорал я на него! Да еще условие поставил: или выловишь за два дня, или из бригады уходи. А сам с буровой уехал. Специально... А ведь видел, что парень сам чуть ли не больше моего переживает, видел... Но не до его

чательно, разбегутся люди... Знаю, понимаю это, а сил в себе ни на что не нахожу...

Добил меня один пустяк. Случайно услышал, как бурильщик с помбуром разговаривают и один другому говорит, что надо, мол, с мастером, со мной то есть, это дело обсудить. А второй в ответ: «Что ты с ним теперь решишь? Толку от него никакого...» Бурильщик вздохнул, но возражать не стал, согласился...

Зашел я тогда в вагончик да тут же бумагу «по собственному желанию» накатал... Нет, думаю, раз во мне закавыка, я на пути стоять не буду! Никому ничего не сказал, отвез бумагу в управление. Если кто удивлялся, я говорил, что по здоровью ухожу, постарел и все такое... Но меня особенно никто и не держал — всем все было понятно. А я объяснять не собирался.

Правда, старый один знакомый пробовал отговорить. Разговор у нас вышел памятный...

— Ты что, думаешь, кончилась твоя бригада? — спрашивал он меня.

— Думаю, со мной кончилась, а поставьте Анвара Нигматова мастером, так она еще всем вам покажет.

НЕСКО

Он был убежден, что быть мужчиной — значит всегда поступать так, как считаешь верным ты сам. Он никогда не искал чужого понимания, его не интересовало, что думают люди...

Ну, женился, пацан, наследник, у меня родился. В общем, живи и радуйся. Я и радовался. Но только когда из Сибири большой нефтью потянуло, снялся с места в момент и половину своей бригады на Самотлор заманил. А ведь тоже все были семейные.

Чем я их поманил? Да тем же, чем и себя. Я так считаю: у мужика за спиной поступки должны быть. По большому счету. Чтобы жить, зная: могу, если надо. И когда надо было — смог. Без такого чувства мужика нет. За этим мы в тюменские болота и отправились.

Жили сначала тяжело. Балки, вагончики, комнатки без обогрева — все было. Как-то снимали комнатку у старика одного, он в тех местах уже не первый десяток лет обретался. И вот все он ко мне с одним вопросом донимался: что же меня сюда, в Сибирь, занесло и держит? И никак я ему объяснить не мог. Он почему-то только про деньги и понимал разговор. А я ему все толковал, что за деньги такое терпеть, что мы переживаем, невозможно. Я бы лично за деньги на такое не пошел. Есть те, кто, кроме денег, ничего не видит, но они не живут — мучаются. А я живу. Потому что работа большая есть, потому что она таких мужиков вместе собирала, что просто пожить рядом с ними, поработать — уже удача на всю жизнь.

Ну, как мы там бурили — разговор особый. Звезды Героев так просто не дают, сам понимаешь, а для нас на них не скупились. Бригада моя всегда в лучших была, фамилия то и дело рядом с Пырхом, Шакшиным, Левиным упоминалась. И все шло к тому, что скоро мне на пиджаке самую главную награду поверх прочих прикреплять придется...

переживаний мне было. Колонну-то он выловил, да только на другой день заявление подал. Я возражать не стал... Только с того дня что-то на буровой у нас разладилось, но это позже разобрал. И пошли у нас аварии, поломки, простой, отставание...

Ну, а когда у тебя положение такое, то и отношение к тебе меняется. Раньше я к руководству ходил уверенный: поймут, помогут, поддержат. Что-то подкинут раньше, чем другим. Ведь бурильщик без материальной базы хорошей да без запаса инструмента много не добьется. А его на всех не хватает. В первую очередь передовиков обеспечивают. И стал я замечать, что придерживают меня, не на мою бригаду ставят. Поэтому мне и экспериментальное долото не досталось, и новых «кустов» для бурения неделами ждать приходилось. Стал я, значит, воевать за справедливость да доводился до того, что со всеми отношения испортил... И на буровой ко мне отношение переменилось, перестали ребята в мои возможности верить: а как верить, если во всем отказы, если помощь нам в последнюю очередь...

И главное, сам я от такого поворота растерялся. Надо было зубы сцепить да дело круить, а у меня руки опустились. На буровой часто случается, что рискнуть надо, а я вдруг к этому способность потерял — и в себя, и в мужиков своих не верю. И оттого, что положение такое мне совершенно непривычное, растерялся еще больше. И ведь чувствую, что бригада моя на многое способна, что только чуть удачи надо, встряски какой-то, и все станет на места. Или... Или развалится она окон-

чично? — Нигматова мы можем и в другую бригаду поставить, ты вот про себя подумал? Может, тебе с бригадой по душам поговорить? Выложите друг другу, что накопилось, да и выпишитесь?

— Нет, — говорю, — эти задушевные, покаянные разговоры не для меня, я на них не специалист... А мужиков мне жалко. Сделаете мастером Нигматова, поддержите его как молодого, подкините техники, материалов, они у вас все рекорды побьют.

— Все не все, а работать они могут... Ты все-таки подумай еще. У кого срывов не бывает... Дотяните этот год, а там с нового все по-новому и начнете.

— Не буду дотягивать, — уперся я. — Снимайте, пока еще в бригаде душа держится.

— Да освободим мы тебя, не волнуйся, раз ты уперся так... Только вот что я тебе скажу. Плохо тебе будет. Уйдешь, а бригада без тебя вверх пойдет, так и останется у людей в памяти: был Ефимыч, да весь к концу вышел, только работать мешал. Вон как без него дело пошло. Не обидно тебе будет? Столько лет бурению отдал, а что от твоего ухода у людей в памяти останется?

— Что у них останется, — говорю, — это их дело. Я главное знаю про себя: ухожу честно. А другие пусть что хотят, то и думают...

Я потом в ПТУ устроился, мастером производственного обучения, работа интересная... — Алексей Ефимович снова подошел к окну.

— И что же, опять по-вашему вышло? — спросил я. — В бригаде?

— Ага, опять по-моему. Как я и говорил. Встряхнулись мужики, помогли им

хорошо, и поперли они вверх как на дрожжах. Я за ними со стороны следил... Ты не думай, я радовался за них. Еще нахваливал себя: молодец, хоть и тяжело тебе тогда было, а выход ты нашел. Мужской...

Да, вот так ходил и себя похваливал, а потом понял, что хочется, чтобы и другие всю правду узнали... Раз-другой попробовал знакомым объяснить, как все было, почему я ушел, они слушают, а думают-то про себя, что не так все было — это я сейчас перед ними оправдываюсь, а тогда выставили меня, потому что работать разучился... После таких разговоров еще хуже становилось, хоть волком вой. Запрещал я себе об этом говорить, да... Потерплю, потерплю, а потом не выдержу, расскажу кому-нибудь. И ведь вот интересно: не-знакомые, посторонние люди верили, а знакомые — нет.

Тут и пришло время... Сын у меня в институт не поступил. Сидим вечером с ним, думаем, как он дальше жить будет, куда до армии работать идти, и он вдруг говорит:

— Эх, жалко, отец, что ты тогда по здоровью с бурой ушел. Был бы сейчас Героем Труда, меня бы в институт и

— Так, ясно... А что бы ты тогда на моем месте сделал?

— Да уж будь спокоен. Загонял бы всех или разогнал на все четыре стороны, но сам бы никуда не ушел. Ты же тогда в почете, в силе был, тебя бы поддержали... Что я бы сделал! Да свалил бы все на них, всем бы показал, что они виноваты, работать не умеют... Тебе же очки нужно было набирать, у тебя все на мази было. А захотел уйти, так уходил бы с почетом. Нет, ты в благородство решил играть. Кому оно нужно сейчас, благородство?

— Ну, про меня все понятно. А кому же я еще жизнь испортил?

— Кому? Да мне.

Сын смотрел с вызовом.

— Мне. Я сейчас никто. У меня за спиной ничего, никого. Отец — мастер производственного обучения... Да таких миллион. Не сделал бы ты этой ерунды, и у тебя, и у меня другая жизнь была бы. Когда за тобой уважаемый человек стоит...

— Я, выходит, неуважаемый?

— А ты сам как считаешь?

Его сын, наследник, продолжатель, смотрел на него с жалостью. В лучшем случае с жалостью...

пам родителей, которые с детских лет перенимают у них ремесло, которые гордятся не тем, что дает работа, а самой работой родителей.

Чья же тут вина?

Так вот же он, пример, перед глазами — Алексей Ефимович. Первый раз нашел время серьезно поговорить с сыном о деле своей жизни только когда тому исполнилось восемнадцать уже. Когда у него и взгляд на мир, и подход к жизни давно уже сформировались. А до этого ни времени не нашел, ни желания у него не было рассказать сыну откровенно, чем живет, ради чего, что ему особенно дорого.

...Вроде бы было все по-честному, добра людям хотел, а никто не понимает... — донесся до меня голос Алексея Ефимовича. — Не то что спасибо не скажут — или жалеют открыто, думают, не повезло мужику в жизни, или... дураком считают.

Мне сейчас вот что интересно: а может быть, так? Ты один знаешь, что прав, а все остальные этого не понимают? Но ведь не дураки же все вокруг. Не может этого быть, я же понимаю... Нет, видимо, было что-то не так, раз даже сын смотрит теперь как на убогого... Не должно быть так, что ты себя чуть ли не героями числишь, а люди плечами пожимают...

Он остро глянул на меня.

— Ты пойми, жалости мне не нужно, ссыт я ею по горло. И наград мне за мой «подвиг» тогдашний не нужен. Но понимания-то неужели я не заслужил?.. В чем мне себя упрекать, кем считать? Прошлого не переменишь, но жить-то надо. А как?.. Так и ходить непонятным? Людьми, сыном...

Я проснулся от стука захлопнувшейся двери. Соседня кровать была аккуратно застелена. В комнате я был один.

Подумалось: а ведь Алексей Ефимович сам вчера свою полную откровенность объяснил. Главное тут не то, что выкладывала наболевшее неизвестно кому. Главное — говоришь человеку, рассчитываясь на понимание. Веришь, что вот сейчас-то и поймут, и оценят все твои горести, затаенные мысли, разберут, в чем действительно были твои намерения.

И то обстоятельство, что ничего о случайному своем спутнике, собеседнике, попутчике не знаешь, не помеха здесь, а только помох: ничего не мешает думать тебе, что перед тобой человек, способный понять. Который не осудит, а рассудит по справедливости; ведь и ты для него как чистый лист, никаких у него к тебе пристрастий, счетов, никаких накопленных в прошлом отношений, которые могут помешать ему быть справедливым.

Но, может, это одно из самых больших заблуждений наших, приносящее и беды, и боли, — то, что с близкими не бывает откровенны так, как со случайными людьми? С близкими, с теми, с кем живем, с кем жить будем!

Да, поверили я вчера Алексею Ефимовичу. Во всем поверили. И силу духа его оценил, и мужеству мужскому отдал дань. Но что все мое понимание перед непониманием его товарищей по труду? Перед непониманием тех, с кем он делал и пот соленый, и славу, и незаслуженные обиды? Вещи несравнимые.

А он сам тогда ими, товарищами, быть понятым не захотел. Считал, что сам вынесет все, если только будет уверен в своей правоте. Не вынес. Не может человек жить без участия и понимания тех, кто рядом. Как бы долго ни терпел, как бы долго ни упрямился, придет срок, когда не сможет он без людского суда, когда вернется к людям с единственным желанием быть понятым и оправданным. И не слабость человеческая будет им двигать, а сила.

После развода бывшая невестка не разрешает нам встречаться с внучкой. Ни какие уговоры не помогают изменить ее решение. Что нам делать?

И. К., Т. К., Воронеж

Исходя из интересов ребенка, законодательство предусматривает защиту права дедушки и бабушки на общение с внуком или внучкой (ст. 57. Кодекса законов о браке и семье РСФСР). Если родители необоснованно препятствуют встречам, органы опеки и попечительства сами определяют их порядок и условия. Вместе с тем в отдельных случаях требования бабушки и деда могут быть и не удовлетворены. Это бывает тогда, когда у названных органов имеются серьезные основания считать, что такое общение неблагоприятно оказывается на здоровье или воспитании ребенка.

Мне не нравится моя фамилия. Когда я захотел ее смениТЬ и обратился в загс, то получил отказ. Может ли загс решать за меня вопрос о том, с какой фамилией я буду жить?

Константин С., Тула

Да, может. По закону разрешение на перенос фамилии, имени или отчества может дать только республиканский (АССР), краевой, областной или городской (городов республиканского подчинения) орган загса. Причем не во всех случаях такое разрешение может быть получено. Прежде всего для изменения фамилии требуется достаточно веская причина, а не просто желание выбрать фамилию на свой вкус. В некоторых случаях закон прямо запрещает менять фамилию, имя и отчество. В Положении о порядке рассмотрения ходатайств о переносе гражданами СССР фамилий, имен и отчеств, утвержденном Советом Министров СССР, есть примерный перечень причин, которые являются основанием для принятия такого решения. К ним, в частности, относятся: неблагозвучность или труднопronизносимость фамилии, отчества или имени, желание носить фамилию супруга или отчество отчима и др.

При приеме в загсе заявления со всеми необходимыми документами подавшему ходатайство разъясняются последствия смены фамилии, имени или отчества, например, необходимость обмена документов, удостоверяющих личность, уплата госпошлины и т. п. Законодательством установлен определенный срок для рассмотрения ходатайства — три месяца, однако в отдельных случаях он может быть продлен еще на три месяца.

Что же касается полученного отказа в изменении вашей, Константина, фамилии, то в течение месяца вы можете обжаловать принятое решение, обратившись в облисполком.

РЫЙ СУД

с моими баллами приняли. С Героем за спиной совсем другая жизнь у меня пошла бы...

...И понял Алексей Ефимович: вот час, которого так давно и неутолимо ждала его душа. Он перед какими-то посторонними жизнь свою раскрывает, у них ищет поддержки и понимания, а ведь сын его правды не знает. Когда уходил он из мастеров, был сын совсем еще пасынком, объяснять ему что-либо Алексею Ефимовичу и в голову не пришло. Так парень и не знал правды все годы. И что ему пустые глаза да притворно сочувственные улыбки чужих людей, если родной сын скажет: «Ну ты мужик, отец. На такое пошел».

— Ты что, это все серьезно?

Сын, красивый, здоровый, с гладким молодым лицом, смотрел на него с искренним изумлением.

— Ты действительно так ушел? Так, а не по здоровью?

— Вот так, сынок.

— Ну, ты даешь... Выходит, чтобы бригада не развалилась, ты сам свалил?

— Да, сам ушел. А ты что же, не одобряешь?

— Слушай, отец, да ты нормальный? Ты же из-за собственной глупости жизнь всем испортил, ты это понимаешь?

— Кому это всем?

— Да себе самому первому. Сам себя в грязи вывалил, на всю жизнь пятно посадил — мастер, который людям работать мешал! Ты этого всю жизнь добивался? Ради этого сюда нас с матерью перетащил, в бараках кантовался?.. Да над тобой все смеются сейчас... Или в упор не видят. Благодетель никому не известный...

Дарована человеку от рождения, вместе с самою жизнью, способность любить. С юных лет наполняет сердце, укрепляет душу любовь к матери, к родному дому. А если дан еще человеку природой художественный дар, то выпадает ему особое счастье—разделить свою любовь с людьми.

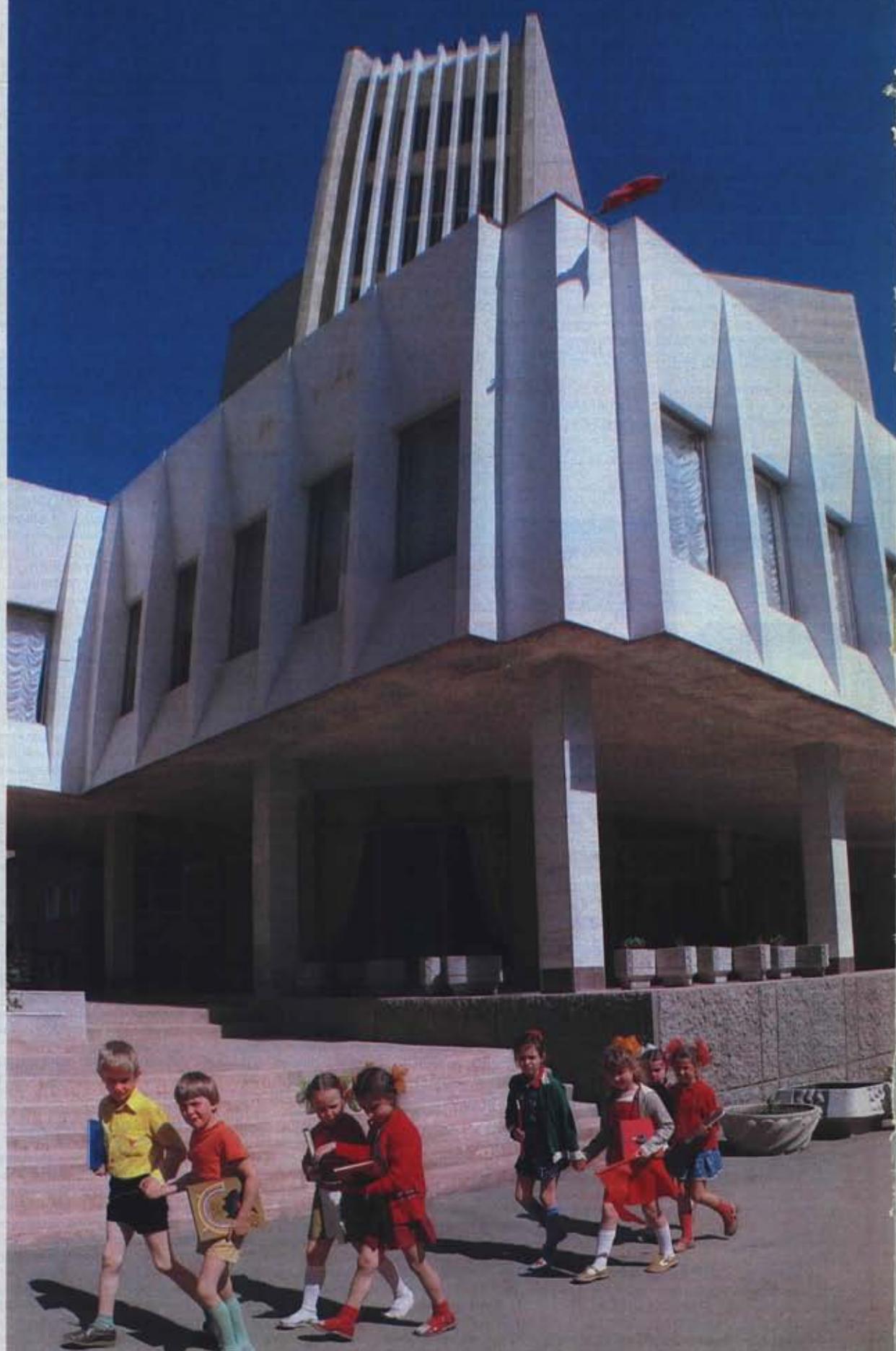
Книги писателя Саввы Дангулова—о нашем времени, о тревожном и яростном мире. Его жизненная дорога, начавшаяся в городке Армавире, что на Кубани, провела писателя по многим странам и землям. Действие в его романах, повестях и рассказах развивается едва ли не на всей нашей планете. Но чувство малой родины у писателя не притуплялось, ни годы не глушили его, ни далекие путешествия.

...А по Кубани пронеслась огненной бурей война, в руины был обращен Армавир. Писатель вспоминает, что «когда поздней осенью сорок второго приехал в город, то не мог опознать станции, как, впрочем, и мест, лежащих рядом, хотя от родительского дома и находился в пяти минутах ходьбы,—только закубанское взгорье, неясные очертания которого проступали в предвечерней мгле, дало понять, что я не ошибся».

В Армавире есть детская библиотека, которой многие поколения земляков писателя обязаны любовью к книге. Носит эта библиотека имя Зои Космодемьянской. Когда город лежал в пепле, разместили эту библиотеку в жилом доме более чем скромных размеров. Чуть ли не на той самой улице, а может быть, и на том самом месте, где когда-то находился дом семьи Дангулова. Минули со дня окончания войны годы, но так и не удавалось перевести библиотеку в новое помещение.

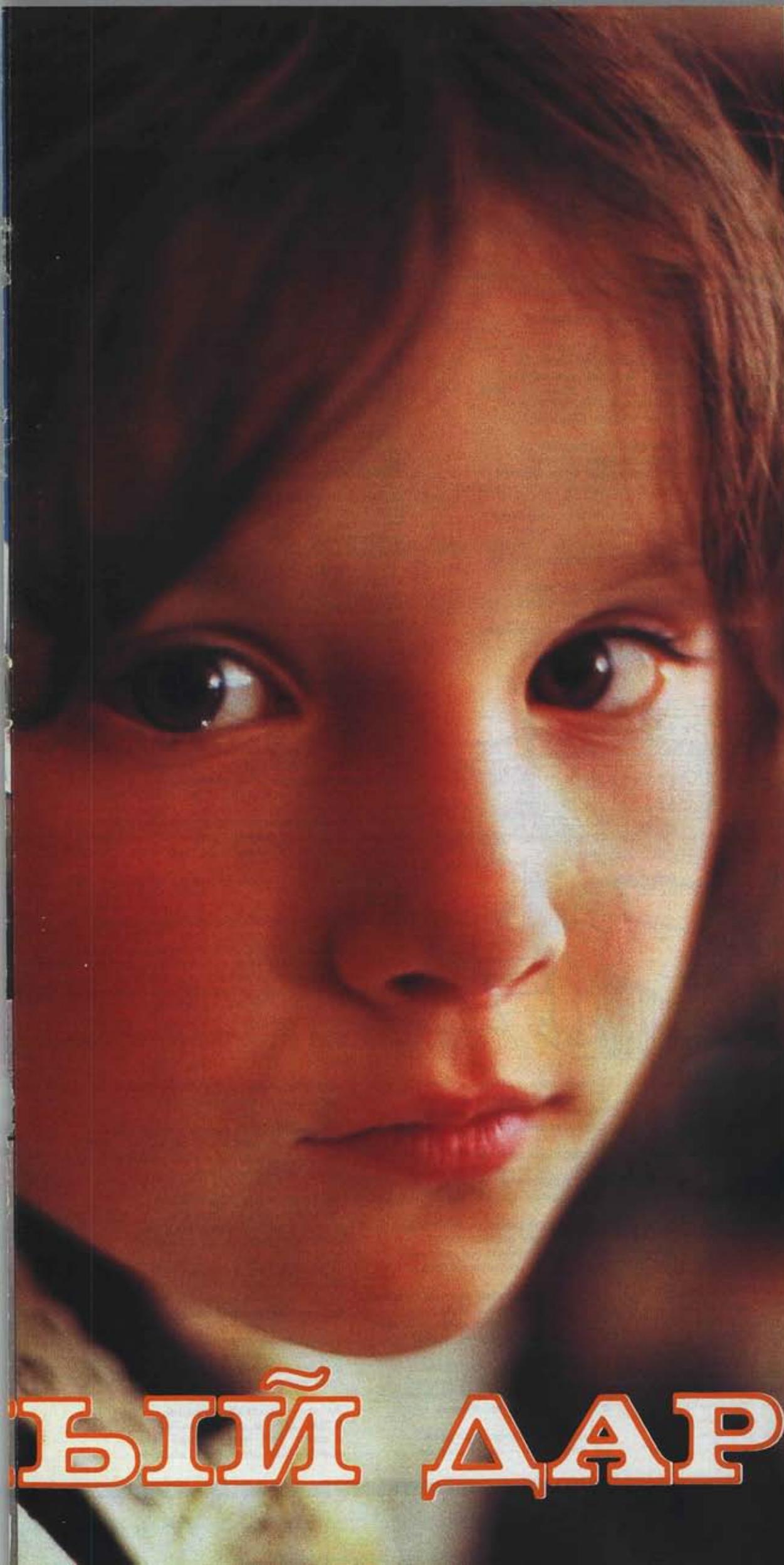
А писатель приезжал в родной город ежегодно. И примиряться с тем, что ютится библиотека в помещении неподходящем, никак не мог. «Я подал мысль о строительстве нового здания для нее»,—скромно говорит он. Подал мысль? Нет, это была не просто мысль. Это был Поступок. Дангулов передал на строительство нового здания весь гонорар за роман «Дипломаты»—20 тысяч рублей. Как, понятно, первоначальный взнос. Идею Дангулова поддержал замечательный наш поэт и общественный деятель Николай Семенович Тихонов. Советские и партийные организации города при поддержке крайисполкома, который возглавлял тогда Георгий Петрович Разумов-

БЕЛОСНЕЖНЫЙ КОРАБЛЬ В МОРЬ КНИГ

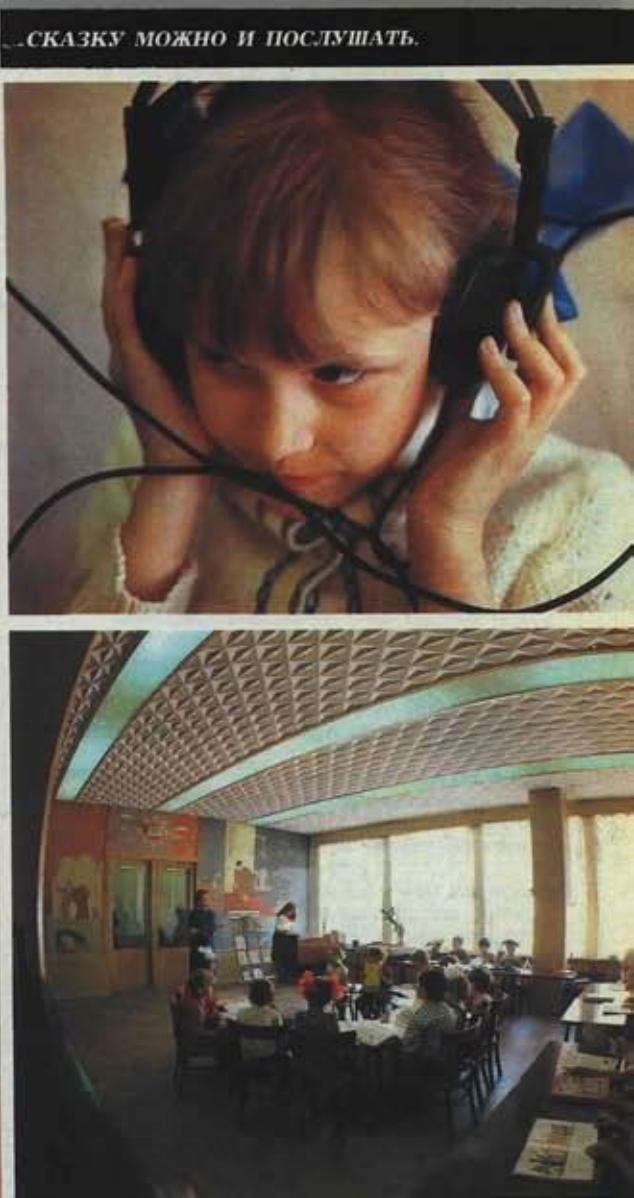

Валерий ВИНОКУРОВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

КНИЖКА

БЫЙ ДАР

ОБСУЖДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА.

ский, приняли решение построить такое здание для детской библиотеки, чтобы им мог гордиться город.

И вот оно перед вами — это прекрасное здание, подлинный Дворец книги.

Савва Артемович, однако, на том, что «подал мысль», не остановился. «У нас в стране много прекрасных детских библиотек, — говорит он, — но мне очень хотелось сообщить армавирской имени Зои нечто такое, что ее отличало бы. По совету друзей-художников я начал собирать коллекцию картин для постоянной тематической экспозиции, которая должна быть размещена в библиотеке. Экспозиция, полагаю, отвечает существу детской библиотеки, так как посвящена вечной идее материнства. Было условлено, что каждый художник напишет портрет своей матери. Позднее у коллекции появилась новая грань: не просто портрет матери, но и образ в какой-то мере собирательный — мать и дитя, мадонна. За двенадцать лет, прошедших после того, как началось собирание, коллекция достигла ее нынешних размеров: почти сто двадцать работ».

Помогали Дангулову собирать коллекцию не только художники, но и писатели, журналисты, дипломаты. К замечательным советским художникам, откликнувшимся на призыв Дангулова, — Н.Н. Жукову и Л. Гудиашвили, А. В. Кокорину и Курынникам, А. Д. Гончарову и В. Н. Горяеву, Е. А. Кибрику и О. Г. Верейскому, Б. Е. Ефимову и Ю. Ракше, многим-многим другим, среди которых и летчик-космонавт А. А. Леонов, присоединились живописцы разных стран, коллекция стала международной.

Свои картины подарили японский график М. Уэно, венесуэлец С. Ренхифо, индонезиец Убуд, чехословацкий художник О. Дубай, итальянец Р. Гуттузо, греческий поэт Я. Рицос, создавший скульптурный портрет, датчанин Х. Бидstrup, норвежец Г. Вигелянд и еще многие-многие. По-разному попадали их произведения в нашу страну: по почте и с оказией, как дар советским деятелям культуры, которые затем по согласованию с авторами передавали — всегда безвозмездно, конечно, — в дар библиотеке. Точнее, в дар советскому Фонду мира, установившему для этой коллекции вечное хранение в детской библиотеке Армавира.

СТИХИ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Ночь на 6 июня¹

Перечит дреме въедливая дрель:
то ль блещет шпиль, то ль бредит голос птицы.
Ах, это ты, всенощный белый день,
остороживший сноторвый шприц больницы.

Простертая для здравой простоты
пологость, улкоененная на ночь,
разорвана, как невские мосты,—
как я люблю их с фонарями навзничь.

Меж вздыбленных разъятых половин
сознания—что уплывает в далекость?
Какой смотритель утром повелит
с виском сложить висок и с локтем локоть?

Вдруг позабудут заново свести
в простую схему рознь примет никческих,
что под щекой и локоном сестры
уснувшей—знает назубок учебник?

Раздвоен мозг: былой и новый свет,
совпав, его расторгли полушарья.
Чтоб возлежать, у лежебоки нет
ни знания, как спать, ни прилежанья.

¹ День рождения Пушкина.

Пушкину

Какому ни предамся краю
для ловли дум, для траты дней—
всегда в одну игру играю,
и много мне веселья в ней.

Я знаю: скрыта шаловливость
в природе и в уме вещей.
Лишь недогадливый ленивец
не зван соотноситься с ней.

Люблю я всякого предмета
притворно-благонравный вид.
Как он ведет себя примерно,
как упоительно хитрит!

Так быстрый взор смолянки нежной
из-под опущенных ресниц
сверкнет—и старец многогрешный
смиренно грудь перекрестит.

Как все ребячливо на свете!
Все вещества и существа,
как в угол вдвинутые дети,
понуро жаждут озорства.

Заметят, что на них воззрилась
любовь—восторгов и щедрот
не счасть! И бытия взаимность—
сродни щенку иль сам щенок.

Совсем я сбылась с панталыку!
Рука моя иль чья-нибудь
пускай потреплет по затылку
меня, чтоб мысль ему вернуть.

Рисунки
Бориса МЕСЕРЕРА

И вдруг смеюсь: как повод прост, как мал—
не спать, пеньять струне неумолимой:
зачем поет! А это пел комар
или незнакомец в маске комариной.

Я вспомню, вспомню... вот сейчас, сейчас...
Как это было? Судно вдали ведомо
попутным ветром... в точку уменьшась,
забившись в щель, достичь родного дома...
Несчастная! Каких лекарств, мещанств
наелася я, чтоб не узнать Гвидона?

Мой князь, то белена и курсел,
подслеповатость и безумье бденья.
Пожалуй в рознь соседних королевств!
Там—общий пир, там—чай-то день рождения.

Скажи: что конь? что тот, кто на коне?
На месте ли, пока держу их в книге?
Я сплю. Но гений розы на окне
грустит о том, чей день рождения ныне.

У всех—июнь. У розы—май и жар.
И посыпает мстительность метафор
в окно мое неутолимость жал:
пусть вволю пьют из кровеноносных амфор.

Тетрадь эта, общая и
в клеточку, заполнена
мною с двух сторон. Я все-
гда жалела белую бумагу,
она казалась мне белее,
чем мое право марать ее
черными чернилами, и всес-
таки любила лишь белую
бумагу, лишь черные чер-
нила. Принесенные мне в
больницу тетрадь и шарик-
ковая ручка сами разобра-
лись меж собой и со мной.
С одной стороны тетра-
ди—неразбериха черно-
виков, с другой—опрятно
переписанные тексты. То и
другое встретилось в середине. В этом не было бы
ничего примечательного, знаменательного—просто
пишет человек, оберегающий бумагу, но еле слыши-
мый скрежет услышал человек: соединялись один за
другим мосты над Невою.

Короче и проще говоря, в мае прошлого года я была
в Ленинграде (и опять туда уезжаю). Никогда не
темнело, сирень... сирень... всякую и везд подобо-
страстно обожаю, но не есть ли это растение родное
исчадие этого огражденного сада, этого града, наса-
женного во влажную почву, поощряющую цветение
сирени?

Никогда не темнело. Но всякий раз светало, свер-
кало. Я смотрела на шпиль Адмиралтейства. Это
было так просто и загадочно. Острая вспышка шпilia
соответствовала моему представлению о счастье:
осознать и возблагодарить краткий и драгоценный
миг бытия. Потом (если смотреть из окна гостиницы
«Ленинград») я смотрела левее, на утешно-округлый,
наливающийся солнцем купол Исаакиевского собора, и
мне хотелось некоторой основательности, длительности
и пронзительности сквозняка между жизнью и тем,
что ей единственную близко и противоположно.
Слева и совсем близко, беззащитно зиял прозрачный
Летний сад, еще не вполне прикрытый листвою, уже
обнаживший зябкую мраморную плоть своих богов, и
богинь, и героев.

Я все это вижу сейчас не менее отчетливо, чем
завтра увижу воочию, все это правда, кроме одного: в
мае прошлого года я жила в другой гостинице.
Пожалуй, это было к лучшему для меня. Этот
единственный город на белом свете, перед которым
навытяжку держится и старается белеть душа, чрез-
мерен и непосилен в окне упомянутой гостиницы и
причиняет прямую боль. А во мне и так побаливало.
Сирени у меня было в избытке (я каждый день
выступала), но сил изъять ее из ванны не было:
припекала и допекала меня хвороба. Это докучное,
не отпускающее прочь ощущение совпадало с воспо-

Не образумив мой загривок,
вид из окна—вшел в окно,
и тварей утвари игривой
его вторжение развлекло.

Того оспорю неужели;
чье имя губы утаят?
От мысли станет стих тяжеле,
пусть остается глуповат.

Пусть будет вовсе глуп и волен.
Ко мне утратив интерес,
рассудок белой ночью болен.
Что делать? Обойдемся без.

Начнем:
мне том в больницу прислан.
Поскольку принято капризам
возлегших на ее кровать
подобострастно потакать,
по усмотрению доброты
ему сопутствуют цветы.

Один в палате обыватель:
сам сочинит и сам прочтет.
От сочинителя читатель
спешит узнать: разгадка в чем?

Скажу ему, во что играю.
Я том заветный открываю,
смеюсь и подношу цветок
стихотворению «Цветок».

О, сколько раз все это было:
и там, где в милый мне овраг
я за черемухой ходила
или ходила просто так,

и в робкой роще подмосковной,
и на холмах вблизи Оки—
насильный, мною не искомый,
накральвал пунктир строки.

То мой, то данный мне читальней,
то снятый с полки у друзей,
брала я том для страсти тайной,
для прочной прихоти моей.

Подснежники, и медуницы,
и все, что им вослед растет,
привыкли съединять страницы
с промзрастанием милых строк.

В материальности материй
не сведущий—один цветок

мертворожденность имmortелей
непринужденно превозмог.

Мы знаем, что в лесу иль в поле,
когда—не знаем, он возрос.
Но сколько выросших в неволе
ему я посвятила роз.

Я разоряла их багряность,
жалеючи, рукой своей.
Когда мороз—какая радость
сказать: «Возьми ее скорей».

И рада я, что в стольких книгах
останутся мои цветы,
что я повинна только в играх,
что не черны мои черты,

что, розу не отдавший вазе,
еще не сущий аноним
продлит неутолимость связи
того цветка с цветком иным.

За это—столько упоений,
и две зари в одном окне,
и весел тот, чей бодрый гений
всегда был милостив ко мне.

РАДСКОЙ ТЕТРАДИ

минанием о начале войны: опять несут в бомбоубежище, и ребенок, желая выпростаться из несправедливой безвыходной тоски, говорит: «Все гудит, и гудит, и гудит! Когда перестанет гудеть?» Зато как прекрасна, как свежа, как благоуханна была купальница-сирень, тяжеловесно и грациозно завладевшая водой! Никогда не темнело, единственный этот город не оставлял человеку промежутка, передышки, даже краткого отпуска забытья. Тот, кого я счастливо люблю, был со мною, мы шли смотреть, как разводят Дворцовый мост, когда он, пусть для трезвой и здравомысленной цели, безумно и непостижимо разединился и навзничь горели разлученные фонари, множество влюбленных приникали друг к другу, ликовали чужестранцы, стройно-музыкальный вздох или возглас сопутствовал разрыву моста. Утром мы шли в Летний сад. В пруду на его окраине огромная рыба подплывала к верхнему краю воды и таинственно озирала восторг и ужас детей. Помеха недуга казалась виной, неприятностью, не смеющей соотноситься с детьми, рыбой, деревьями и целомудренным мрамором статуй.

Выступления мои завершились. Человек, с кем ходила я смотреть, как разводят мосты, отвез меня в больницу, я не стала смотреть ему вслед, так было легче понять мост, разомкнутый на две части.

Сначала я не могла понять, почему так сияет в окне день, не умеющий иссякнуть, почему так прельстителен больничный завтрак, а это просто «перестало гудеть», боль прошла как бы сама по себе. На самом деле ласка, доброта, милость людей сгустились надо мной, и мысли об этом были основным содержанием моего трехнедельного пребывания в больнице. Организм опешил от новости своего состояния, как от новорожденности. Какое блаженство жить на белом свете!

Никогда не темнело, и в одно прекрасное утро я смотрела на алую розу на окне или она смотрела на меня с каким-то особенным, сильным выражением намека или упрека, понукая мою тупость понять, понять! И я поняла: боже мой! День рождения Пушкина! Роза помнила, а я забыла. Кстати, эта роза по таинственным причинам так и не увяла, и все врачи, сестры и больные радовались на нее, и все они были хорошие и великолушные люди. Как мне быть, ведь это не я придумала этот идилический (для меня лишь) больничный сюжет — он сам содеялся. Вскоре мне разрешили гулять, два чугунных льва обитали внизу, и я тайком гладила их загривки, принимая в ладонь нечто вроде ответного любящего пульса, оповещающего меня о том, что они сознательно и одушевленно участвуют в игре.

Никогда не темнело, и я все время писала стихи, некоторые из них предлагаю читателям журнала «Смена» — с любовью, с пожеланием здоровья и радости.

Блоку

Бессмертьем душу обольщая,
все остальное отстранив,
какая белая, большая
в окне больничном ночь стоит.

Все в сборе: муть окраин, гавань,
вздохнувшая морская близь;
и грезит о герое главном
собранье действующих лиц.

Поймем ли то, что разыграют,
покуда будет ночь свежеть?
Из умолчаний и загадок
составлен роковой сюжет.

Тревожить имени не стану,
чей первый и последний слог
непроницаемую тайну
безуказиценно облек.

Все сказано — и все скрыто.
Совсем прозрачно — и темно.
Чем больше имя знаменито,
тем неразгаданней оно.

Посвящение

Войти на сцену — выйти из тетради.
Но я сирень без памяти люблю,
тем более — в санкт-белонощном граде
и Невского проспекта на углу
с той улицей, чье утояло название:
в которой я гостинице жила —
зачем вам знать? Я говорю не с вами,
а с тем, кого я на углу ждала.

Ждать на углу? Возможно ли? О, доле
ждала бы я, но он приходит в срок —
иначе б линий, важных для ладони,
истерся смысл и срок давно истек.

Не любит он туманных посвящений,
и я уступку сделаю молве,
чтоб следопыту не ходить с ищейкой
вдоль этих строк, что приведут к Неве.

Речь — о любви. Какое же герою
мне имя дать? Вот наименьший риск:
чем нарекать, я попросту не скрою
(не от него ж скрывать), что он — Борис.

О, поводырь моей повадки робкой!
Как больно, что раздвоены мосты.
В ночи — пусть самой белой и короткой —
вот я, и вот Нева, а где же ты?

Глаз, захворав, дичится и боится
заплакать. Мост — разъединен. Прощай.
На острове Васильевском больница
сто лет стоит. Ее сосед — причал.

Скажу заране: в байковом наряде
я приживусь к больничному двору
и никуда не выйду из тетради,
которую тебе, мой друг, дарю.

Войти на сцену? Что это за вздор?
В окно смотрю я на больничный двор.

Стена

Вид из окна: кирпичная стена.
Строки или палаты посетитель
стены моей пугается сперва.
Стена и взор, проснитесь и сойдитесь! —
я говорю, хоть мало я спала,
под утро неусыпностью пресытесь.

Двух розных зорь неутолима страсть,
и ночь ее обходит стороной.
Пусть вам смешно, но такова же связь
меж мною и кирпичною стеной?
Больнично диковинкою став,
я не остерегаюсь быть смешною.

Стена моя, все трудишься, корпишь
для цели хоть полезной, но не новой.
Скажи, какою ныне окропиши
мою бумагу мыслью пустяковой?
Как я люблю твой молодой кирпич
за тайный смысл его средневековый.

Стене присущ былых времен акцент.
Пред-родствен ей высокородный замок.
Вот я сижу: вельможа и аскет,
стены моей заносчивый хозяин.
Хочу об этом поболтать — но с кем?
Входил доцент, но он суров и занят.

Еще и тем любезна мне стена,
что четко окорачивает зренье.
Иначе мысль пространна, не стройна,
как пуха тополиного паренье.
А так — в ее вперяюсь письмена
и списываю с них стихотворенье.

Но, если встать с кровати, сесть левей,
сидеть всю ночь и усидеть подоле,
я вижу, как усердье тополей
мне шлет моих же помыслов подобье,
и слышу близкий голос кораблей,
проводивший больничное подворье.

Стена ревнива: ни щедрот, ни льгот.
Мгновенье — и ощерятся бойницы.
Она мне не показывает львов,
сто лет лежащих около больницы.
Чтоб мне не видеть их курчавых лбов,
встает меж нами с выраженьем львицы.

А это, от чьего найти
туманно в сердце молодом,—
тайник, запретный для открытия,
замкнувший створки медальон.

Когда смотрел в окно вагона
на вспышки засух торфяных,
он знал, как грозно и огромно
предвестье бед, и жаждал их.

Зачем? Непостижимость тайнств,
которые он взял с собой,
пусть называет чужестранец
Россией, фатумом, судьбой.

Что видел он за мглой, за гарью?
Каким был светом упоен?
Быть может, бытия за гранью
мы в этом что-нибудь поймем.

Чего он ожидал от века,
где все — надрыв и все — навзрыд?
Не снесший пошлости ответа,
так бледен, что уже незрим.

Искавший мук, одну лишь муку:
не петь — поющий не учел.
Вослед замученному звуку
он целомудренно ушел.

Поступок этой тихой смерти
так совершенен и глубок.
Все приживается на свете,
и лишь поэт уходит в срок.

Одно такое у природы
лицо. И остается нам
смотреть, как белой ночи розы
все падают к его ногам.

Тут наш разлад. Я этих львов люблю.
Всех, кто не лев, пускай берут завидки.
Иду ко львам, верней — ко льву и льву,
и глазу их чугунные загривки.
Потом стена подобострастно лгу,
что к ним ходила только из-за рифмы.

Все то, что взять могу и не беру:
дворцы разъединивший мост Дворцовый
(и Меншиков опять не ко двору),
и Летний сад, и, с нежностью особой,
всех львов моих — я отдаю Петру.
Пусть наведет порядок образцовый.

Здесь измышленья, книги и цветы
со мной следили дни и ночи смену
(с трудом — за неимением темноты).
Стена, прощай. Поднять глаза не смею.
Преемник мой, как равнодушно ты,
как слепо будешь видеть эту стену.

разные роли “РОК-АТЕЛЬЕ”

Крис КЕЛЬМИ

«Рок-ателье» занимает особое место среди музыкальных коллективов. Эта группа — «действующее лицо» многих спектаклей Московского театра имени Ленинского комсомола, и ее участникам приходится заниматься не только вокалом, но и самым серьезным образом осваивать актерское мастерство. Быть может, здесь и кроются причины растущей популярности молодежного музыкального коллектива?.. О своих коллегах, о творческих планах рассказывает художественный руководитель группы Крис Кельми.

Нас часто спрашивают: «А почему «Рок-ателье»? Рок — понятно — музыкальное направление, в котором вы работаете, а «ателье»? По желанию заказчика... на все вкусы?..» Для нас «ателье» — творческая студия неформально собравшихся людей. Название, по-моему, найдено удачное: мы не боимся широкого диапазона работы, к тому же играть приходится в разных стилях. Например, спектакль «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» — хард рок, «Люди и птицы» — фолк рок, а в спектакле «Юнона» и «Авось» пересекаются симфоническая музыка, народные песнопения, русский романс, элементы рока — словом, необыкновенный синтетический сплав. Помимо работы в театре, мы участвуем в эстрадных концертах, написали музыку к нескольким мультфильмам, сотрудничаем с телевидением и кинематографом, записываем пластинки. Так что название группы вполне оправданно...

Впервые в Театре имени Ленинского комсомола музыкальный состав появился в 1973 году. Это была группа «Аракс», которая участвовала в создании трех спектаклей театра. Но через несколько лет «Аракс» покинул театр, ушел на эстраду. В то время я работал в «Автографе», мы как раз вернулись с Тбилисского фестиваля популярной музыки, где заняли второе место. Узнаю, что Ленком ищет ансамбль, который сумеет в короткие сроки заменить ушедших музыкантов. Я понял, что это шанс, шанс, который упускаешь нельзя. Перспектива работы в популярном, набиравшем силу театре привлекала, но... «Автограф» уходит

с эстрады не собирался. В течение трех дней собираю группу музыкантов, заинтересовавшихся моей идеей. Прихожу к режиссеру театра Марку Захарову. «Что, готовы показаться?» «Готовы...» «Можете сегодня?» «Можем, но лучше завтра», — торопливо ответил я и подумал: «Не успеем...» Но показ был назначен. Итак, завтра! Репетировали всю ночь, вместе играли впервые, но шесть песен все-таки сделали.

Утром к нам приезжают композиторы Рыбников, Гладков, сам Захаров, ведущие актеры Ленкома. Выступали мы, наверное, неважко, но источали такое желание работать в театре, такую заинтересованность, что это, по-видимому, все решило. Нас взяли. Так сложился наш музыкальный коллектив. Представлю его нынешний состав. Сергей Березкин — гитара, скрипка, виолончель. Березкин отлично разбирается в технике, может «починять» все — от утюга до магнитофона. Он человек незаменимый в нашем коллективе, ведь приходится работать с электронной аппаратурой. Вокалист Александр Садо играет на акустической гитаре. Однаково хорошо владеет своим красивым высоким голосом и на сцене, и во время споров, которые у нас, конечно же, бывают. Ударные инструменты и флейта — Анатолий Абрамов. Пoет басом. Даже когда его об этом не просят. К сожалению, очень редко улыбается. Когда-то давным-давно, в далеком теперь уже 73-м, мы вместе с ним создавали группу «Высокосное лето». Валентин Лёзов — бас-гитара, баян. Человек очень мягкий, добрый и отзывчивый, и... вегетарианец.

О себе могу сказать только то, что играю на клавишных инструментах, пою, очень люблю футбол, большой теннис и рок-музыку, которая с момента своего зарождения была музыкой молодежи, музыкой протеста против устаревших форм, традиций, понятий. Молодежь хотела сказать что-то свое, новое, оригинальное и сделать это в доступной, понятной многим форме. Для меня рок-музыка — возможность искренне и честно говорить о собственных идеалах, моем осмыслении жизни. В настоящей, хорошей рок-музыке всегда есть внутренняя тема, которая проясняет гражданскую позицию музыканта. Становится понятно, почему, зачем он заговорил. Рок-состав предполагает и полное единомыслие его участников. К сожалению, современная эстрадная музыка ча-

стенько грешит удобным «ниочемнедуманием». Путь этот в творчестве легкий, но я убежден: немучительного искусства не бывает, если речь идет о настоящем творчестве.

Конечно, наша жизнь в театре складывалась непросто. Поначалу, например, раздражало, что нельзя сыграть громко, как привыкли. Потом поняли: сила не в громкости, а в точном соотношении музыки и слова, эмоционального актерского состояния. Их синтез и определяет силу «тока», идущего со сцены в зал. Конечно же, обогащает работа в спектаклях, постоянный творческий контакт с актерами, режиссером, сценографом. Уверен, «эстрадный накат» дал бы лично мне значительно меньше для творческого совершенствования, нежели театр. Важно и то, что театральное руководство поддерживает нашу концертную деятельность, считает, что группе для нормального развития необходим постоянный тренаж.

Но, если говорить честно, в нашей концертной программе не удалось осуществить всего задуманного. Не хватило сил, опыта, может быть, вкуса, и явно недоставало режиссерского взгляда. Мы стремились к максимальной театрализации программы. Правда, кое-что было найдено. Концерт начинается прологом — песней «Распахни окно». Появляется Музыкант и подходит к большому сооруженному на сцене окну. «Распахни в мир окно, позови в мир добро...» — поет он и в конце разбивает оконное «стекло», символизируя главную идею программы.

Сейчас мы думаем о новой программе — музыкальном представлении, которое называется «Современная притча, рассказанная о современном городе одним современным человеком, который считал себя неплохим музыкантом». Когда будет готов сценарий, обязательно обратимся к Марку Захарову с просьбой о режиссуре этой программы. Сейчас пишем музыку и сценарий мультфильма по рассказам Роберта Шекли. За время многочисленных поездок: Белград, Гавана, Париж, Казань, Куйбышев, Таллин, Ленинград — были написаны песни, которые предстоит аранжировать, вложить в записи, пластинки. Наши планы связаны и с открывшейся в театре малой сценой — мы уверены, что она даст нам еще больше возможностей для экспериментов и новых открытий самих себя.

О том, как беречь здоровье с юных лет, о человеческой красоте в нашей рубрике уже рассказывал Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Махмуд Зансамбаев («Смена» № 13). Сегодня чемпион мира, Европы, Олимпийских игр Юрий Варданян размышляет о том, как расти из мальчика мужчину, из начищающего спортсмена — чемпиона.

Чье мнение о сохранении здоровья, о самовоспитании и воспитании детей сильными, красивыми, здоровыми хотели бы вы узнать, дорогие читатели? Напишите нам, и мы пригласим интересных вам собеседников на страницы журнала.

— от, — сказал Юрий Варданян, — у меня уже седина...

И замолчал. Потому что из коридора донеслось частое пошептывание, и в комнату на четверенках вступил десятимесячный Давид. Приостановился, деловито огляделся. Поймал темными, серые глазами точно такие же темные, серые глаза отца и вспыхнул улыбкой.

Юрий же постарался сохранить строгий вид: все-таки Давид склонялся от мамы. Но не выдержал, и в следующее мгновение сын уже был под потолком, подброшенный руками отца. Юрий поймал его у самого горла. Потом положил сына спинкой на коврик и, придерживая его за ножки, предложил:

— А ну, давай поднимайся!

И Давид, как делают это взрослые спортсмены, начал качать брюшной пресс. Я шутливо посоветовал матери вмешаться в эти мужские игры и воспрепятствовать столу раннему приобщению сына к спортивным занятиям. Но она вздохнула, улыбнулась и махнула рукой: мол, ничего уже не страшно. Поскольку растяг из Давида мужчину. Родился он в феврале, когда в Ленинграде не тепле, чем, скажем, в Москве. И домой из роддома его привезли закутанным-перекутанным. А бабушка, Ася Левоновна, тотчас расплелала винка и опустила в ванночку с теплой водой. И уже там стала растягивать ему руки, ножки, заворачивать ручки за спинку; наконец, взяла Давида за шейку под затылочком и довольно-таки бесцеремонно потянула.

— У него головка оторается! — ахнула мать.

— Не оторется, — улыбнулась Ася Левоновна. — Будет наш мальчик крепким и красивым.

Юрий же, специалист с высшим физкультурным образованием, составил для сына комплекс упражнений и буквально с первого дня старался эти упражнения с ним выполнять. Особо заботился об укреплении суставчиков Давида. Наверное, потому, что в закованном в мускулы теле самого Юрия именно коленный сустав правой ноги, как пятка у Ахилла, оказался единственным уязвимым местом.

Более десяти лет соревнуется он на крупнейших тяжелоатлетических турнирах и за это время был лишь дважды серьезно травмирован. По словам Эленоры, жены Юрия, вторая травма — в апреле 1982 года — и способствовала тому, что в темных кудрях мужа пробыла ранняя седина.

Он выступил с большой ногой на чемпионате мира и проиграл. А спустя месяц ему сделали операцию, после которой, как правило, больших успехов на штангистском помосте не добиваются. И Юрий крепко переживал, что может уйти из спорта побежденным. Переживал, будучи олимпийским победителем, пятикратным чемпионом мира и обладателем 37 мировых рекордов.

Казалось бы, уже можно успокоиться. Он хотел

побеждать, как прежде. И добился своего. Стал семикратным чемпионом мира, победил на турнире «Дружба-84» и к прежним мировым рекордам добавил еще шесть...

На помосте Московской Олимпиады поднялся в рыбалке и толчке 400 килограммов. Потом специалисты, сопоставив этот вес с моим собственным (81,7 килограммами), пришли к выводу, что установлен самий выдающийся рекорд за всю историю тяжелой атлетики. Этот мой результат оказался единственным из всех, что простоял нерушимо в таблице высших достижений до турнира «Дружба-84». То есть до того момента, пока я сам не увеличил его на пять килограммов, установив в один вечер мировых рекордов.

Вспоминаю я об этом не для похвальбы. А для того, чтобы проследить, как яшел к этому результату. Конечно, мне помогало множество людей. Тренеры, ученики, врачи, соперники... Но вряд ли им удалось бы преуспеть, если бы во мне не были с детства заложены соответствующие способности.

Мои физические данные, характер — откуда они у меня? Я много разговаривал с людьми, которые знают меня с самого рождения. Это папа, мама и мой дядя — заслуженный тренер СССР Сергей Андраникович Варданян.

Отец сказал: «Ты пошел в дедушку Андраника. Все от гена».

Наверное, и от них. Отец моего отца, несмотря на тяжелое ранение, полученное на войне, в свои 70-75 лет был крепок, как старый дуб. А в молодости? Односельчане дедушки рассказывали, что в центре их деревни лежал большой камень. Никто в селе его не мог поднять, а Андраник поднимал. На праздниках с ним боялись бороться, потому что однажды он так стиснул соперника, что сломал ему руку.

Мама сказала: «Ты в детстве никогда не болел. А знаешь, почему? Я до трех лет кормила тебя грудью».

Мы жили в маленькой комнате с земляным полом. Сестра Женя, которая старше меня на год, болела всеми известными болезнями. И старые женщины посоветовали маме, чтобы я не заразился, не отнимать меня от груди. И вот, как сестра ни «старалась», она даже коклюшем не сумела меня заразить.

Многие из моих школьных товарищей уже давно успели обзавестись семьями. Подруги их, как правило, женщины современные, образованные. Они уважают мою маму, советуются с ней. Как-то прибегает одна: «Ася, моя сестра снова животиком мается. Что делать?» А сама — сигарету в рот, щелкнула зажигалкой, жадно затянулась и дым кольцами пустила. Мама руками всплеснула: «Как же ты теперь

ему грудь дашь?» «А он у меня искусственник. Сейчас такие питательные смеси делаю, лучше любого материнского молока».

Я преклоняюсь перед женской матерью. Она самое прекрасное и совершенное из того, что есть на земле. Рождение ребенка — это чудо из чудес. В этом маленьком существе наше будущее, наше бессмертие. Так можем ли мы быть безразличными к тому, каким он покажется на свет, каким вырастет?

Моя мама — по профессии она санитарка — всегда помнила об этом. А умноженная выше молодая женщина, окончившая вуз, — нет. Даже будучи беременной, позволяла себе посидеть в насквозь прокуренном баре, выпить рюмку-другую спиртного. И еще возмущенно бросала мужу: «Тебе можно. А почему же мне нельзя?» Она считала, что отстаивает свое равноправие. Хотя я убежден: когда дело идет о здоровье ребенка, никакого равноправия быть не может. Женщина главное!

А если она не понимает этого, то виновны мы, педагоги. Ведь зачастую воспитываем девочек и мальчиков одинаково: без учета их физиологических различий, того, что им предстоит разная жизнь. И тем и другим это не на пользу.

Я часто бываю в школах Ленинграда. Так вот, недавно в одной из них старшеклассницы буквально затерзали меня вопросами, почему у нас не культивируют женскую... борьбу, женский бокс...

Я ответил, что искренне рад тому, что не культивируют. Они обиделись. Заявили, что нынче, когда женщина претендует на лидирующее положение в обществе, они не желают быть хоть в чем-то хуже мальчиков. «Вы лучше!» — сказал я. И обратился за поддержкой к мужской половине класса. «Мужчины» же отвагировали почему-то равнодушно. Мне даже показалось, что они охотно уступили бы девочкам свои мужские виды спорта, лишь бы их оставили в покое.

Наверное, я не совсем прав. Просто у

меня не хватило педагогического такта расшевелить ребят. Но уж то, что они сейчас, в школе, вообще шевелятся значительно меньше, чем мы в свое время, — это точно. Меньше бегают, прыгают, борются, толкаются. А ведь мальчишкам это крайне необходимо. Этого требуют их развивающиеся легкие, сердце, мышцы, характер, наконец.

Но, к сожалению, учительская профессия все более и более феминизируется. А вспомните постоянный материнский набор: «Не бегай, не упади, не ушибись...» Этот педагогический «букет» женщины сохраняют и в роли учительницы. За девочек не ручаюсь, а мальчиков так воспитывать нельзя. Поэтому и необходимо нам всем постараться, чтобы школу приходило больше учителей-мужчин.

Я закрываю глаза и вижу свое детство... Я пытаюсь разглядеть себя и своих сверстников неторопливо идущими по улице либо стоящими на месте. И не могу. С утра и до вечера мы бегали, прыгали, играли в сверхподвижные игры. Если я проигрывал, то, бывало, не спал всю ночь. Переживал. Но сиделся только на себя.

И сегодня, когда в моей спортивной жизни простой, неудачи, вину только себя. А иной раз так хочется объяснять их не зависящими от тебя обстоятельствами, бытовыми и прочими неурядицами. Но спортсмен не имеет права на подобное оправдание. Такой спортсмен предстает мне настоящим мужчиной. Причины надо искать «внутри», а не «вовне»...

Итак, папа сказал: «Гены!» Мама: «Молоко!» А дядя?

Маленький, жилистый, с горбатым хищным носом и добрыми глазами, он сидит и фыркает: «Я не старался сдаться из тебя чемпиона. Я растил из тебя мужчину».

Он удивительный человек, младший брат моего отца! В сборной по тяжелой атлетике его называют дядя Сергей. Потому, что он мой дядя, и потому, что

Фото
Петра
ВОЛКОВА

МУЖЧИНАМИ
Береги здоровье молоду

так к чему-то обращался его старший воспитанник Вартан Милитосян, который был серебряным призером Олимпийских игр в Монреале. А в нашем городе мой тренер известен как мастер Сергей. Земляки наградили его таким именем задолго до того, как он выполнил этот норматив в спорте. Наградили за то, что во всех делах, которыми занимался, он был мастером.

Прежде чем стать тренером, дядя пас овец, саложничал, работал на заводе слесарем... По примеру моего отца штангой дядя занялся на армейской службе. Выступая в самой легкой весовой категории, сумел продвинуться дальше старшего брата — вернулся домой со значком и удостоверением перворазрядника. Это было за два года до моего рождения. Но как только я начал что-то понимать, тотчас узнал, что мой дядя — перворазрядник по тяжелой атлетике. Об этом знала вся улица.

У крыльца нашего дома, сколько помню себя, всегда лежала ось с колесами от вагонетки килограммов на шестьдесят. Она была для меня так же привычна, как старый тополь под окном. В летние погожие вечера к этому спортивному снаряду собирались мужчины, парни и мальчишки со всего квартала. Могучие толстяки пыхтели над осью, как паровозы, не в силах поднять ее. А потом появлялся дядя. Оншел, выпятив колесом грудь. Так выступает павлин, так штангист на помосте приближается к рекордному весу. Раз — и колеса от вагонетки слоновыми ушами повисли по обеим сторонам его головы. Сказочная ситуация: маленький, да умелый побеждал великанов!

Недаром же, когда он стал тренером, большинство из мальчишек, наблюдавших за теми его подвигами, пришли заниматься к нему в секцию. Был среди них и живший по соседству с нами Вартан Милитосян.

Но однажды дядя опозорился. И так, что по улице поползли слухи, будто никакой он не перворазрядник, а самозванец.

Виновен в этом был мой отец. Он уговорил его выступить на первенстве райсовета «Локомотив» по тяжелой атлетике. Несклонный к опрометчивым поступкам, дядя, которому шел тогда тридцать первый год, не посмел отказать старшему брату. Восемь лет не брался он за гриф настоящей штанги, сделав же это после такого перерыва, растерялся и проиграл даже новичкам.

Что было дальше? Дядя взял отпуск на заводе и поселился в принадлежащей спортивной обществу «Локомотив» комнатке с тяжелой атлетикой помостом и штангой. Начал с генеральной уборки, поскольку секция здесь давно не работала. А затем стал тренироваться. Могу отцу, который приносил ему поесть, покляться, что не выйдет отсюда, пока не поднимет такие же тяжелые штанги, как когда-то в армии.

Прослыпал о дядиной затее главный тренер сборной города Эрванд Джейрашян и пришел взглянуть на чудака. А когда увидел, как он истязает себя и сколько «блинов» навешивает на гриф, то пригласил его в свою команду, которая тут же, в Ленинакане, должна была выступать на первенстве Армении по тяжелой атлетике.

Хотите верьте, хотите нет, но лишь восемнадцать дней понадобилось дяде Сергею, чтобы восстановить свое доброе имя. За это время его штанга потяжелела на 75 килограммов, и он на глазах всего города завоевал звание чемпиона республики.

Соревнования проводились в Ленинаканском Дворце культуры. Я, шестилетний, волнуясь, наблюдал за ними, сидя на коленях у отца. А когда все кончилось и дядя кулаком, испачканным магнезией, начал размазывать по черному от усталости лицу счастливые слезы, я подумал, что его обидели, и так разрыдался, что меня пришлось вынести из зала.

Хотя я вовсе не плакал. Простая физическая боль неспособна выдавать из меня слезы. Но в детстве их могла вызвать своя или чужая обида, а в юности — музыка, добрая книга... Впрочем, я не считаю, что мужчина так уж должен стыдиться слез и вообще скрывать свои чувства. Мне кажется, что их не надо скрывать. Надо только, чтобы эти чувства были хорошими.

А после той дядиной победы мы с ним отправились на гору Арагац, расположенную недалеко от Ленинакана. Ее высота — 4080 метров. Накануне дядя подрубил на машинке красное полотнище, прикрепил его к изготовленному им же древку и сделал флаг — он, повторяю, все умел делать. С этим флагом мы совершили восхождение. А когда под жестким метельным ветром дядя крепил его на ледяную вершину, я спросил, зачем он это делает. И дядя ответил, что хочет поделиться радостью с людьми: они увидят флаг, поймут, что у какого-то человека случилась радость, и у них станет на душе теплее.

Еще дважды выигрывал дядя чемпионат Армении — и еще дважды мы устанавливали его флаги на Арагаце.

В 1977 году, когда впервые победил на чемпионате мира и Европы, я тоже хотел водрузить свой флаг на горе и пошел за ним в магазин. Но дядя не позволил. Он сказал, что мужчина все должен уметь делать своими руками. Я убедился в его правоте. Потому что, когда делал свой первый флаг, вспомнил даже о том, о чем, казалось, давно позабыл...

Железнодорожная профессия отца требовала от него частых отлучек из дома. И он передоверил мое воспитание своему младшему брату, у которого тогда еще детей не было. Тот же со свойственной ему добросовестностью и обязательностью стал растить из меня мужчину.

Вот мне четыре года. Мы с дядей вместе отрабатываем технику рывка и толчка. Только он поднимает ось с колесами от вагонетки, а я — палку от половой щетки. Когда мне исполнилось семь лет, дядя соорудил для меня во дворе турник. Это был довольно-таки своеобразный подарок. Мальчишки постарше могли дотянуться до трубы, лежащей на двух столбах, а я нет. Я целий год сердился на дядю и прыгал, прыгал, пока наконец не схватился за «мою» трубу.

С самого раннего возраста я боролся, боксировал с дядей. Причем делали мы это, по его настоянию, довольно жестко. Подбитый глаз (мой) — чечула, расквашенный нос (мой) — мелочи жизни. А когда мне было десять лет, я нокаутировал дядю. Шел, шел вперед и удачно стукнул его по подбородку. Я огорчился, а мой взрослый соперник тряся головой, ничего не понимая, и никак не мог поверить в случившееся. «Ты — меня?! — обескуражено повторял он. — Да не может быть!» Потом огляделся, увидел, что сидит на полу, прятанул меня к себе и поцеловал.

Теперь специалистам нравится моя техника рывка и толчка. Они удивляются, как это я, прыгая без разбега, почти с места, кувыроком вперед, могу преодолеть планку на высоте 212 сантиметров. И говорят, что с моими физическими данными и бойцовскими качествами я мог бы преуспеть в любом виде спорта. Возможно, и так.

Но когда мне исполнилось четырнадцать лет, дядя предложил мне заняться тяжелой атлетикой. К тому времени он уже работал в «Локомотив», тренировал подростков на том самом «пятачке», на котором когда-то восстанавливал свое доброе имя. Я тогда увлекался волейболом, и мне не нравилась штанга. Но я не посмел отслушаться дядю.

В этом месте Юрий прервал свой рассказ. Вернувшись с работы его родители — Ася Левоновна и Норайр Андрапович живут вместе с семьей сына. Узнав, о чем у нас шла речь, они поспешили меня заверить, что Юрий рос, как сотни других армянских мальчишек. И отличался от сверстников, пожалуй, лишь тем, что прыгал больше всех. Прыгал дома. Прыгал на улице. Прыгал в детском саду, где очень удивились, когда узнали, что Юрий стал чемпионом мира по штанге, поскольку были уверены, что он будет чемпионом по прыжкам.

— Соловья баснями не кормят! — торжественно провозгласила Элеонора, появившаяся на пороге комнаты с дымящимся блюдом в руках.

Я ел мясные биточки и хвалил их. Юрий же сказал, что прежде мясо редко появлялось у них на столе. И в детстве его любимым кушаньем был плов, который готовит его мама. Делается он без мяса из зерен пшеницы и чечевицы, которые предварительно прокручиваются через мясорубку.

— Вы обязательно должны его попробовать! Вот уж поистине богатырская еда!

На следующий день, будучи снова в доме у Варданянов, я с удовольствием ел плов из пшеницы и чечевицы, приготовленный мамой чемпиона. И с грустью думал, что если бы меня в детстве кормили таким пловом, то, возможно, я бы вырос богатырем.

Записал Егор ЮРЬЕВ.

ДЕТЕКТИВНО-ПО-ТЕЛЕВИЗИОННОМУ

Петр Смирнов

В чем секрет популярности детективного жанра? Жанра, в котором известно, что преступники обязательно пойманы. В нем — преступники, которым только погони да пер斯特релки подавай, как не без основания считают одни. Или, наоборот, в обращении современного детектива к острым, актуальным проблемам повседневности, как, тоже вполне спрятано?

«Вечер с детективом — это прекрасно», — призналась как-то Анна Ахматова. И была совершенно права. Уже давно канули в Лету споры: детектив — литература ли это? Безусловно, если литература настоящая. Не нужно прибегать к помощи классиков от Эдгара По до Достоевского, чтобы доказать, что детектив уверенно занял свое место среди большой литературы. Ведь разве только вопрос «как и кто?» влечет нас к прозе П. Нилина и Ю. Германа, В. Богомолова и А. Адамова, братьев Вайнера и С. Высоцкого, Ю. Семенова и Л. Шнейдера, многих других советских мастеров детективного жанра?

Но давайте попробуем вспомнить теленовелы, посвященные советской милиции. «Рожденная революцией», «Следствие ведут знатоки», «Место встречи изменить нельзя», «Черный треугольник» и... все. Маловато. Почему? Да потому, что большинство «невспоминаемых» фильмов, отличающихся друг от друга лишь «составом преступления», часто сливаются в нашей памяти в некое общее «среднедетективное» произведение. А предыдущая заявка режиссера на показ «Будней уголовного розыска» оборачивается на телеэкране лишь очередной головоломкой, слегка окрашенной приметами милиционерской службы: сиренами спецмашин, мельканием лампочек и треском телеграфа в дежурной части, демонстрацией новинок современной криминалистики. В общем, все-того, что уже давно стало чуть ли не обязательными штампами кино- и теледетективов. И тогда мы снова вспоминаем любимых «ветеранов»...

Много вечеров мы были свидетелями того, как мужали разум и сердце Николая Кондратьева — главного героя сериала «Рожденная революцией». Перед нами развернулись не просто криминальные истории. Мы видели не стандартные фигуры детектива — свидетелей и обвиняемых, а живых людей, «живущих» на экране в конкретном времени 20-х, 30-х, 40-х годов, ощущали дух этого времени, его приметы, ритмы. Конкретная, реальная жизнь страны, а не условно-детективное, невременное место действия очередного «дела» давала ощущение документальности, подлинности происходящих событий. Перед нами была и исповедь главного героя: вся история нашего государства прошла через его сознание; умение Кондратьева искать не только преступников, но глубинный смысл событий делало эту исповедь значительной, необходимой сегодняшним зрителям, что, кстати, и показала повторная демонстрация фильма «Рожденная революцией». Напряженность непрекращающейся борьбы нового со старым, отжившим, — вот что «держало» фильм за флагом. Каждый персонаж — положительный ли, отрицательный, эпизодический или центральный — был ярок, достоверен.

Вот мы и подошли к тому, что отличает настоящий детектив от просто гонки с преследованием. Подошли к людям, олицетворяющим главную задачу и идею жанра — конечную победу Добра над Злом. Следователь и преступнику — альфе и омеге детектива.

Вспомните экранизацию романа братьев Вайнера «Эра милосердия» — фильм «Место встречи изменить нельзя». Его успех во многом зависел от того, что полнокровным и неординарным образом Шаралова (В. Конкин) и Жеглова (В. Высоцкий) противостояли живые, яркие образы по-настоящему сильных, по-своему умных бандитов Фокса и Горбунова, великолепно сыгранные А. Беляевским и А. Дигижархановым.

Кинематографисты студии имени А. Довженко обратились к творчеству тех же братьев Вайнера, экранизировав их роман «Гонки по вертикали» (режиссер-постановщик А. Муратов). Это остроожжетое произведение, рассказывающее о бескомпромиссном противоборстве сотрудника уголовного розыска Станислава Тихонова и вора-рецидивиста Алексея Дедушкина по кличке Батон, могло бы, наверное, принадлежать к лучшим образцам психологического социального детектива.

...В романе постоянное чередование «тихоновских» и «дедушкинских» глав работает на главную мысль — неизбежность поражения личности, воплощающей социальный паразитизм, стремление жить за счет других, строить свое материальное благополучие на обмане. Фильм поначалу обещал многое...

Обычно, когда речь заходит о поединке следователя и преступника, принято писать о психологической борьбе, необходимости не только «физической», но и нравственной победы представителя закона. Все это, безусловно, так. В романе Вайнера шла борьба двух идеологий. Недаром ключом к пониманию образа Батона и идейной сути романа стали слова Тихонова: «Враг. Стал бы я с ним четыре часа разводить тары-бары, если бы он был просто сволочь. Но он нам враг и требует серьезного отношения». Валентин Гафт очень точно и достоверно сыграл не только опасного и умного преступника, но и убедительно показал причину нравственной деградации этого в общем-то одаренного человека, растерявшего свою жизнь и талант в погоне за «золотым тельцом» неправедной наживы.

Все достоинства ленты относятся только к началу фильма. В ключевых частях роман уже не читается постановщиками, но пролистывается ими. И тут,

конечно, можно посетовать на «коварное» ТВ, «победившее» литературный первоисточник, но ведь авторы-то сценария — сами братья Вайнера. Они, словно разлюбив своих героев и сам роман, начинают переписывать его «набело». И вот уже окончательно и бесповоротно влюблена Тихонов, допрошены все свидетели и найдены все чемоданы, разработана чуть ли не общеизвестная операция по захвату Батона в аэропорту и, наконец, геройски — непонятно зачем, — поддерживая спиной закрытую дверь, подставляется под пули главный герой. В общем, фильм, начатый по Вайнера, в финале превращается в нечто среднетелесериалное, весьма далекое от романа. Так безрезультатно закончились интересно заявленные «телегонки» за произведением Вайнера.

А чем привлекало нас каждое новое расследование, которое всякий раз с блеском проводили «Знатоки» А. и О. Лавровых? Конечно, прежде всего оперативностью, с которой очередное «дело» откликалось на актуальные, злободневные темы, будь то антикварная «болезнь» («Подпасок с огурцом»), профилактика преступлений среди молодежи («Динозавр» и «До третьего выстрела») или борьба с негативными явлениями в сфере торговли («Из жизни фруктов»). Выгодно отличали телесериалы от общей массы детективов и образы тех, с кем вели «незримый бой» Знатоки. Отрицательные персонажи никогда не были второстепенными. Каждый из них оказывался не просто традиционным злодеем, выполняющим чисто служебную функцию преступника, а живым, реальным человеком, за сложной судьбой которого четко угадывалось желание авторов ответить на вопрос: «Почему он стал нарушителем закона?» Но главный интерес, конечно, в «Знатоках» представляли сами Знатоки. Обстоятельность и рассудительность следователя Знаменского (Г. Мартынок) контрастно оттеняли горячность и постоянную жажду деятельности инспектора уголовного розыска Томина (Л. Каневский), а женственность и обаяние эксперта-криминалиста Кибрит (Э. Леждей) вносили свое разнообразие в процесс расследования. Поначалу между ними начинали складываться не только служебные, но и какие-то теплые, человеческие отношения, которые характеризовали их не только как коллег и друзей, но и как по-настоящему интересных людей. К сожалению, в последних передачах положительные герои поблекли. И, наверное, не стоит винить в этом только актеров — они просто устали в эйный раз повторять однажды сыгранное. Ведь вряд ли можно назвать развитием образа преждевременную седину или очередное повышение по службе. Тем более, что и сама драматургия не дает им возможности хотя бы для маломальского развития, трансформации давным-давно «законсервированных» характеров.

Подчас именно эти художественные издергии приводят к некоторому идеино-воспитательному перекосу отдельных серий. Как это ни парадоксально, но в последних фильмах цикла Знатоков все труднее становится бороться и побеждать своих противников. Нет, не в сюжетном плане. Здесь как раз все обстоит благополучно — преступников вовремя обезвреживают. Но вот по части зрительских симпатий к участникам поединка дело не всегда обстоит так же однозначно. Уж очень неравнозначными с художественной точки зрения оказываются они. Зачастую живые, полнокровные образы правонарушителей заметно перевешивают анемичные фигуры Знатоков.

Особенно заметно это в последнем, восемнадцатом деле — фильме «Полуденный вор». В конце концов, наверное, можно было бы простить ему и некоторую вялость действия, и неоправданные длинноты, и наскоро, формально связанные между собой сюжетные линии. Принимая правила игры детективного жанра, мы можем попытаться поверить, хотя и с большой натяжкой, что взрослая женщина начнет гоняться за бандой угонщиков автомобилей в одиночку (она что, кино не смотрит, тех же «Знатоков», чтобы не знать, как печально кончаются для самодельных сыщиков подобные действия?). Готов соглашаться с несколькими прямолинейным морализаторским пафосом фильма, сводящимся к тому, что неразборчивость в знакомствах до добра не доводит, хотя не вполне уверен, что все грубые продавщицы винноводочных магазинов обязательно занимаются скучной кражей, а изобретатели-одиночки поступают на содержание к уголовникам.

Но вот в чем уверен на сто процентов, так это в искреннем, пусть и невольном восхищении, которое испытывают создатели фильма к... полуденному вору. Весь набор эпитетов, которые обычно достаются положительным героям приключенческих лент, переадресован в данном случае ему. Сильный, умный, мужественный, находчивый, верный в любви, обаятельный Царапов (С. Сазонцев) словно пришел на экран из душепитательных «воровских» романов. И хотя в финале авторы, спохватившись, начинают развенчивать его, пользуясь уголовной терминологией, «довешивая» ему и надрывное расписание, и ограбление многодетной семьи рабочего, но делают

это так формально, скороговоркой, что поборь симпатии к современному Робин Гуду с отмычкой они уже не в силах.

Конечно же, взрослые (может быть, за исключением женской половины, явно попавшей под неотразимость мужских достоинств вора) вряд ли поддаются обаянию этого отрицательного персонажа, но как быть с юными телезрителями, чьи критерии и оценки еще не сформировались, чья потребность в романтическом герое не обладает еще иммунитетом от ложных кумиров? Тут бы и противопоставить Царапову Знатоков, но как это сделать, если на экране, по сути дела, лишь безликые символы закона? Уверен, что создатели стремились к прямо противоположному эффекту — развенчанию умного, но опасного преступника, однако, невольно залюбовавшись «сильной личностью», сделали его чрезмерно привлекательным. А в результате поединка «полуденный вор» против «Знатоков» проигрывают, формально выигравшая, не только Знатоки, но и телезрители.

Авторы четырехсерийного телефильма «Профессия — следователь» («Экран», автор сценария И. Мендрикицкий, режиссер А. Бланк), снятого в жанре социального детектива, нашли очень точное и взвешенное соотношение между героями, стоящими по разные стороны закона. Они не просто расследуют сложное дело о крупном хищении социалистической собственности, но и раскрывают причины, его породившие, не просто изобличают группу опасных мошенников и воров, но и обличают растлевающее влияние жажды наживы на души и судьбы людей, размышают о мнимых и подлинных ценностях нашей жизни, о мнимых и подлинных ее хозяевах.

Ведь новоявленный супермен, «мозговой центр» шайки — адвокат Лыкин (Э. Виторган) страшен для нас, для всего общества не столько своей преступной деятельностью (в конце концов фильм убедительно демонстрирует неотвратимость и неизбежность возмездия), сколько способностью «заражать» окружающих своей агрессивной уверенностью в том, что все в этом мире продается и покупается. Раз — и пенсионер, бывший фронтовик Губанов (Н. Пастухов) меняет свою честно прожитую жизнь на редкую библиотеку, приобретенную им на «зарплату» курьера жуликов. Два — и почти «созрел» для более крупного дела мелкий фарцовщик и пакостник, пригретый главарем.

Но если бы фильм ограничился показом только преступников, получился бы еще один крепкий средний детектив, и не более того. Ведь куда опаснее лыкиных и крупаниных их легальные сообщники. Это и некий чиновник (великолепная актерская работа В. Шиловского), «сидящий» на книжном дефиците и ничуть не пугающийся прихода следователя, а, напротив, с вежливой издевкой предлагающий ему выгодную «дружбу», и даже не потому, что один из его друзей сам «сидит» на прокуратуре, а потому, что он глубоко убежден в уголовной ненаказуемости и всемогуществе принципа «ты — мне, я — тебе». Это и жена Крупанина — внешне интеллигентная и милая женщина, упорно «не догадывающаяся», на какие деньги муж делает ей многочисленные подарки, но с удовольствием их принимающая. Это и коллективный портрет людей, «умеющих жить», которые прямо-таки с энгельмановским размахом гуляют в загородном ресторане. Это ведь с их молчаливого одобрения, а часто и при активной поддержке создается благоприятная питательная среда для всевозможных махинаций, взяточничества, хищений. И создатели фильма зло, хлестко, насташа быт именно в эту оборотную сторону преступления, ведут с телезрителями по граждански, по-художнически честный и смелый разговор о наболевшем.

Кстати сказать, именно изображение «сладкой жизни» становилось для многих детективов своеобразным камнем преткновения. И вот почему. Уж слишком часто демонстрация отдельных изъянов социального бытия нашего общества перерастала на экране (пусть даже невольно, помимо авторского замысла) в их живописание, выдающее «подсознательное» восхищение создателей «фирменной» атрибутики, ресторанный обстановкой, великосветскими манерами этих самых «умеющих жить» героев. А что говорить тогда о зрителях, особенно молодых, чьи эстетические да и нравственные критерии еще не окончательно сформировались и в ком еще велико желание подражать героям теле- и кинофильмов?

Бесспорная удача фильма «Профессия — следователь» и большая заслуга Г. Буркова (было известным риском пригласить на эту роль артиста, за которым в кино еще долго будет тянуться шлейф недотепистых комедийных персонажей и деревенских чудаков) в создании образа Бориса Ивановича Антонова. Тоже, кстати сказать, немолодого полковника милиции. Чем же запомнился и, смею думать, пришелся по душе этот человек? Существует готовый набор эпитетов, которые в таких случаях, как этикетки, приклеиваются к герою. Да, искренность, доброта, вера в человека, желание помочь оступившемуся, умение принимать чужую боль как свою собственную, и так далее. Всеми этими качествами обладает и герой Буркова. Но хотелось бы отметить главное — внутреннюю ин-

телигентность его Антонова. Не внешнюю, которая, по мысли некоторых создателей детективов, заключается в энциклопедических знаниях или в мягкой, беззащитной улыбке и обязательном «вы», а ту глубинную душевную потребность не только иметь высокие нравственные принципы, но и умение не растерять их, общаясь с далеко не лучшими представителями рода человеческого, отстаивать их везде и всегда, в большом и малом. В этой верности идеалам — истоки моральной победы Антонова над мнимыми хозяевами жизни. Актер не изображает интеллигентность своего героя, а ненавязчиво, без малейшего пережима дает нам самим ощутить, почувствовать и поверить в интеллигентность Антонова.

Телевидению везет с литературой — в основе многих фильмов лежат отличные произведения советских писателей, плодотворно работающих в детективном жанре. К сожалению, хуже обстоит дело с обратной связью: не часто экранизации достигают уровня своих литературных первоисточников. Кинематографисты Одесской киностудии не случайно обратились к творчеству старейшего мастера детективного жанра Аркадия Адамова. Владение интригой, умение выстроить увлекательный сюжет, знание людей советской милиции и специфики их работы давали возможность создать не только увлекательное телевидение, но и серьезный кинороман.

Есть ли достоинства у трехсерийной ленты «Инспектор Лосев» (режиссер О. Гойда), снятой по одноименной дилогии писателя? Наверное, это... фон из второстепенных героев, когда нескользкими штрихами обрисованы характер и биография каждого. В фильме немало интересных и точных актерских работ. Этой же яркости, естественно, ждешь и от исполнителя главной роли. Но, увы, фильм об инспекторе Лосеве остался без... инспектора Лосева. Молодой актер Ю. Шлыков то ли растерялся среди партнеров, то ли не сумел найти «зерно» роли. Бледная, неяркая исполнительская манера привела к тому, что на экране говорит и двигается безликая, стандартная модель некого молодого героя. Наверное, поэтому в продолжении цикла об инспекторе Лосеве — фильме «Петля» авторы довольно сурово обошли с не оправдавшим надежд инспектором — вопреки роману его из главных действующих лиц разжаловали в эпизодические и практически отстранены от расследования, а во второй серии и вовсе «ликвидировали», заставив погибнуть от бандитской пули. Впрочем, в конце концов, это дело самих создателей — писателя А. Адамова и режиссера О. Гойда — решать, кого из героев «породить», говоря словами Тараса Бульбы, а кого — совсем наоборот...

Дело в другом. В том, что мы, зрители, получили в результате этих служебных перемещений героев. Ну, во-первых, по сравнению с «Инспектором» фильм «Петля» заметно «остепенился» — перестрелок и демонстраций приемов самбо и каратэ в нем несравненно меньше. Основной упор сделан на расследовании, поиске, разгадке загадочной смерти Веры Топилиной. Но на этот раз другая крайность: словно заимствованы из телевизионного «Прогноза погоды» бесконечные проходы по московским улочкам и нескончаемо долгие диалоги с директорами магазинов и ателье. При этом действие тормозится настолько, что подчас забываешь, детектив перед тобой или нечто многосерийное из жизни работников сферы обслуживания.

Встреча с Адамовым на телевидении состоялась пока лишь на уровне детективного сюжета, «прорваться» за который к глубине психологической, знанию специфического и жизненного материала, к сожалению, не удалось.

«Да, детективный роман способен не только увлечь, захватить читателя, но и многому научить, на многое открыть глаза, разбудить мысль, залечь сердце, способен помочь правильно разобраться в самых сложных жизненных ситуациях. В наших руках и в руках наших друзей в социалистических странах он превращается в острейшее идеологическое оружие, которое приобретает все большее значение в грандиозной битве идей, охватившей мир сегодня. Трудно переоценить эффективность этого оружия. И мы должны научиться мастерски владеть им». Эти слова из книги А. Адамова «Мой любимый жанр — детектив» в полной мере можно отнести и к теледетективу. И хотя пока удача в нем куда меньше, чем неудач, мы в который раз, отбросив все дела, усаживаемся у телевизоров в ожидании непредсказуемых поворотов сюжета, острых мыслей и сильных характеров. Ведь страсть к приключениям, как и вера в конечное торжество добра, в нас неистребима. Как и надежда на то, что уж новая телепремьера не обманет наших ожиданий.

Ждем, уважаемые читатели, ваших писем с предложениями и пожеланиями. Чье мнение об этом жанре вы хотели бы прочитать на страницах журнала? Редакция пригласит тех, кого вы назовете в своих письмах. Итак, разговор о детективе продолжается...

СИЛУ
ЭТЫ

Рисунок
Юрия ИВАНОВА

БУНИН

Владимир ЛАЗАРЕВ

В неуловимых переливах теплого сухого солнечного дня — первого дня августа — на юге Франции, в Грасе, Иван Алексеевич Бунин рассказывал во время прогулки своей спутнице, что первые его детские впечатления связаны с видом сухого живища в окне... Вспоминал это в бесконечном отдалении от тех мест, затерянных в глубине России, от того времени.

Сухое живище в окне, сухость летнего жара, свежесть, льющаяся в распахнутое окно, волны полевой свежести на открытом просторе... Все это обостренно воскресало как раз в период работы над «Жизнью Арсеньева», составившей целую эпоху в творчестве Бунина.

«Жизнь Арсеньева», роман со многими автобиографическими преломлениями, он писал, то преодолевая провалы настроения, остывая, мучаясь, испытывая колебания: а не остановиться ли на третьей книге, на четвертой?.. То, снова испытывая тягу, писал, чувствуется, страстью, сшибко бьющимся сердцем, вспоминающим вдали от родины первоначальную свежесть и прелест юношеской, слепящей, почти сумасшедшей любви, заново переживая ее, полностью погружаясь в творимую жизнь.

Перед Алеши Арсеньевым распахнуто движется солнечный простор полей с бесконечными копнами. Повествование ведется от первого лица: «Я безжизненно горячил и сдергивал лошадь, потом пускал ее и на всем скаку махал через копны, в кровь рассекая ей бабки острыми подковами».

Алеша спешил с отчаянно бьющимся сердцем на именинный обед, где должен был увидеть свою любимую. Обед длился до вечера. Вечер, густея, незаметно перешел в песенную ночь. Зажгли лампы...

«Поздно ночью мы, точно говорившиеся, встали из-за стола и сошли с балкона в темноту сада, она остановилась в его теплой черноте и, прислонясь спиной к дереву, протянула ко мне руки, — я не мог разглядеть, но тотчас угадал их движение... Быстро посерело после того в саду, хрипло и как-то беспомощно-блаженно стали кричать в усадьбе молодые петушки, а еще через минуту стал светел весь сад от огромного золотистого востока, раскрывшегося за ним над желтыми полями за речной низменностью... Потом мы стояли на обрыве над этой низменностью, и она, глядя на солнечно разгорающийся небосклон и уже не замечая меня, пела «Утро» Чайковского. Оборвав на высоком, недоступном ей звуке...»

Читая это место в пятой книге «Жизни Арсеньева», я невольно подумал: а ему, Бунину, как писателю, стилисту, ревнителю естества во всем, какой звук был недоступен? Какой-то, вероятно, недоступен, но не знаю какой... Все в романе живет как бы само собой, самоутверженно, освобожденно. Здесь не только привычная для Бунина образная плотность письма, но и одновременно с плотностью, точностью, насыщенностью текста напривычна для Бунина легкость, почти парение прозы. Особенно на страницах, посвященных молодой любви. Это парение не птицы, но дере-

ва, его вершины, всей сквозной, шумящей кроной... Можно сказать, ощущима легкость дыхания кроны. Но дерево парит неотрывно от земли. Чистая, поэтическая, как бы взлетающая проза «Жизни Арсеньева» выросла на почве тяжкой, вязкой, скрывающей тайную силу плодородия и вместе с тем страдающей жестокой болезнью разорения, запустения. Именно эта почва дала Бунина-художника: провинциальная малогородняя, деревенская, хуторская жизнь была с лихвой испытана им самим в конце XIX — начале XX века.

Известно, что Бунин — он не единожды сам отмечал это — прежде всего искал изначальный, камертонный звук всего произведения, тонко улавливал его, пытался его правильно взять. Только в этом случае возникала, усилившаяся от страницы к странице тяга повествования, все шло, правильно развязываясь. Эта тайна возникновения изначального звука, изначального чувства не ограничивается рождением первой фразы (хотя писатель замечал, что для него «первая фраза имеет решающее значение»), но охватывает полностью все произведение, окрашивает и озвучивает его, всегда волнует в бунинской прозе.

Какой-то счастливо найденный, а точнее, в данном случае счастливо вспомнившийся, изначальный несравненный звук пронизывает всю «Жизнь Арсеньева». И когда роман кончается, этот изначальный звук продолжает длиться, звучать в пространстве, неизъяснимо томить душу...

Один из тех близких Бунину людей, кому он давал для прочтения только что написанные главы «Жизни Арсеньева» (однажды так совпало, что человек этот перечитывал автобиографическую трилогию Л. Н. Толстого), так ощущил различия прозы, связанной с жизнью писателя: у Бунина все безумней, «картинней». Есть в этом своя правда. Вместе с тем в «Жизни Арсеньева» Бунин, кажется, более всего приближается к пушкинской стихии. Презирая всякого рода шарлатанство в писательском деле, он всю жизнь отстаивал пушкинское направление в русской литературе. Но именно в этом романе, в его художественной ткани ощущается не то что стиль Пушкина (стиль как раз иной и поэтика иная), но пушкинская раскованность, парение прозы...

И опять мысль возвращается к жизненной почве, освещенной зоркой проницательностью бунинского взгляда, изображенной им в прежних повестях и рассказах. Не будь этой почвы в бунинском наследии, и «Жизнь Арсеньева» не была бы столь значима в движении русской литературы. Значительность этой книги, ее ценность увеличиваются, она обретает большую корневую устойчивость в сияющем поле всего творчества Ивана Бунина.

Русская почва играла всеобъемлющую роль в духовной жизни Ивана Алексеевича Бунина. Ему в высшей степени свойственно было чувство родства, то есть принадлежности семье, роду, отчemu краю, родной природе, русской классической культуре, всей многострадальной родине, всему народу. И это у него соединялось с космическим чувством пространства, времени и смертности человека, с обостренным чувством своей собственной смертности, с какой-то обнаженной редкой впечатлительностью, с трезвой зоркостью,

порой нарастающей в ходе повествования. У Бунина есть стихотворение «Русская весна», написанное в начале нашего века. В этом стихотворении «скучно в лощинах березам, туманная муть на полях, конским размокшим наездом в тумане чернеется шлях». Естественное движение как будто обыкновенных слов; проза, неуловимо становящаяся поэзией. Некий переход. Проза-поэзия. И далее:

Там, среди улицы, лужи,
Зола и весенняя грязь,
В избах угар, а снаружи
Завалинки тлеют, дымятся.

Жмурясь, сидит у амбара
Овчарка на ржавой цепи.
В избах — темно от угары,
Туманно и тихо — в степи.

В словах начинает дышать, двигаться сырой, тяжкий степной воздух. А точнее, воздух не самой степи, а особый, несколько смягченный воздух бунинского подстепья, столь хорошо известный и ему и многим его героям, родной воздух. В этом-то русском подстепье образовалась первоначально и характер Бунина, и его зоркое зрение, влюбленность в веществность, подробность, свежесть бытия, и обостренный слух, схватывающий самые отдаленные, невнятные звуки окружающего мира, и его богатый пластикой и цветом, роскошно озвученный, всегда предметный, будто излучающий лесной и степной запах крепкий языки. Такое зрение, слух, чутье в обостренном соединении хороши для лесника либо охотника, выселяющего зверя или птицу. И тогда зрение, слух и чутье охотящегося человека и зверя почти уравниваются. Но в молодом Бунине эти качества встретились с тонкой, самолюбивой, исключительно впечатлительной, ранимой душой художника. Точно обнаженная сердцевина не окрепшего еще дерева душа эта была. И мать его, Людмила Александровна, говорят, молились, чтобы Бог поубавил Ванечке впечатлительности, хоть на самую малость притупил зрение его и слух: боялась за сына. Он и сам осознавал это свое обостренное восприятие огромного, обладающего свежестью и опасностью, грозящего жестокостью, неизвестного пока еще мира.

Как все вокруг сурово, снежно,
Как этот вечер сиз и хмур!
В морозной мгле
краснеют окна нежно
из деревенских нищенских конур.

Ночь северная медленно и грозно
Возносит косное величие свое.
Как сладко мне во мгле морозной
Мое звериное жилье!

Это пишет молодой Бунин в 1889 году. Но, кажется, на всю жизнь, даже обретя высокую культуру, сохранил он ощущение первозданной свежести и древности мира. Он не только на протяжении своего земного пути впитывал, осваивал мировую культуру, подобно суровому и отважному альпинисту старался покорить самые высокие, почти недосягаемые вершины в сфере прекрасного. И для этого постоянно поддерживал, неукоснительно развивал в себе чувство культуры. Одновременно с этим тоже постоянно развивал свой природный дар обостренности чутья, зрения, слуха

и к тому же необыкновенной правдивости натуры. С детства наблюдая распащающиеся дворянские гнезда, разорение мелкопоместных усадеб и вырождение обедневших их хозяев, он, Бунин, интуитивно ничего не растрчивая, не теряя из того, что дали ему природа и культура, наоборот, развивал в себе врожденное и благоприобретенное. Совершенствовал свою натуру, доводя ее до высокого артистизма владения всеми этими качествами. В этом, по-видимому, одна из характерных черт Бунина — человека и писателя.

Прежде всего зрение — оно как бы заполняло его всего. В глуши, в приходившем в упадок хуторе Бутырки, где все вокруг, по воспоминаниям брата писателя Евгения Алексеевича, «заросло бурьяном, крапивой, татарками так же, как и сад... глуши, тишина, только сычи нарушали по ночам эту дремоту, да вблизи, прямо за сарайами, была масса перепелов и коростелей. Я любил охотиться за перепелами с сетью и триколками подзыывать их. Со мной Ваня пристрастился к этой охоте, и мы с ним, половина вечернюю зарю, обыкновенно собирались уходить на утреннюю зарю дальше». Евгений укладывался в амбаре коротко поспать, прикрыть глаза в эту быстrotекущую летнюю ночь, а младший брат, Иван, не ложился, караулил зарю, беспокоился, бегал вокруг амбаров, всматривался, вслушивался, волновался, боялся зарю проворонить. А услыхав первого петуха, может быть, самый невнятный далекий крик, бросался брат будить. Худенький, востроглазый, впечатлительный мальчик. И отправлялись они вдвоем, старший и младший, «целиком по ржам, по росе. Еще темно, уж перед утром идут, выслушивают, где лучший перепел».

Вот ведь откуда тянутся корни бунинской поэзии, насквозь пропитавшие, собственно, и всю его прозу. Может быть, эти ранние впечатления, память коротких летних ночей смутно подтолкнули потом Ивана Алексеевича, уже начинаящего писателя, специально и подолгу изучать в деревне ночные жизни. Этому изучению он отдавался со всей пристальнostью и страстью своей натуры, в залитые лунным светом и безлунные ночи приглядывался и прислушивался к движению теней, к голосам птиц и деревьев, к вкрадчивому перемещению мелких грызунов, ко всему многообразному, что творилось вокруг и что мерцало, роилось, дышало мириадами звезд над головой. В этой сокровенной ночной жизни его души вызревало, возможно, его собственное слово, та изумительная прелест бунинского словесного ряда, которую не спутаешь ни с каким другим.

В его ранней и зрелой прозе иногда чувствуется это усердное зрение пристального наблюдателя с отточенной отделькой каждого периода, каждой фразы. При этом каждая фраза столь предметна и каждое слово столь отточено, будто они живут, освещенные лунным светом летней ночи. Бунинское слово, по существу, неисчерпаемо в своих оттенках. Оно как бы рождается заново и звучит в первый раз. При этом пишет Бунин всегда не поверху, а с великой кропотливостью, с подробностью и настойчивостью земледельца. Отсюда и крепость, а порою и мощь языка бунинской прозы. Она особенно прекрасна, когда повествование раскрутится, разойдется, пойдет само — и как-

то незаметно исчезнет это усердное зерно и бросающийся в глаза артистизм отделки, а возникнет живая тяга сырой неприбранный жизни со всем ее сором и свежими запахами, реальными отношениями и льющими по сердцу поступками... Жизнь, запечатленная в слове человеком, овладевшим писательским искусством до артистизма и одновременно умеющим издалека отличить, не спутать дух сырой травы с запахом росистого лопуха.

Надо заметить, что сам Бунин говорил, что никогда особенно не занимался отделкой, чеканкой фразы, а что в молодости вообще «писал почти всегда слишком торопливо, случайно». В это трудно поверить. Но так он сам видел самого себя. А быть может, в этом выразилось беспощадное отношение писателя к себе, к творчеству? В другой раз он признавался своему племяннику Н.А. Пушеникову: «...Но какая мука, какое невероятное страдание литературное искусство! Я начинаю писать, говорю самую простую фразу, но вдруг вспоминаю, что подобную этой фразе сказал не то Лермонтов, не то Тургенев. Перевертышаю фразу на другой лад, получаются пошлость, изменяю по-другому — чувствую, что опять не то. Многие слова — я их невероятно много — я никогда не употребляю... Не могу. Иногда за все утро я в силах, и то с адскими муками, написать всего несколько строк... Я всю жизнь испытываю муки Тантала. Всю жизнь я страдаю от того, что не могу выразить того, что хочется».

Не только поиск, как бы рождение заново, освежение древнего слова всю жизнь мучили Бунина, но, видимо, и рано проснувшаяся и не притупляемая с годами впечатлительность, как бы постоянное ранение души приносили ему непроходящее радость-страдание. В начале жизни он, наверное, не отдавал себе отчета во второй части этого состояния, а именно в том, что это и страдание еще. Потом он признавался: «Я изнемогаю от того, что на мир я смотрю только своими глазами и никак не могу взглянуть на него как-нибудь иначе». Такая неподатливость мировоззрения быстротекущим веяниям и влияниям внешнего мира при недожинной воздушности чувства и воображения как раз и рождали ту художественную бунинскую правду, которую отличают необыкновенная стойкость, свежесть, жизненность, какая-то неугасимость.

Иногда между умением увидеть правду и выразить ее слове находится как бы тонкое стекло: оттого и нет живой, кровной связи между увиденным и высказанным. В бунинских писаниях такое «тонкое стекло» отсутствует. Слово дышит жизнью. Страстная, впечатлительная, правдивая натура переливается в строгую, сдержанную, прекрасную форму, освещенную даже в прозе драгоценными, чисто поэтическими сравнениями и метафорами. Сам он свои стихи не отрывал от своей прозы. «И здесь, и там одна и та же ритмика», — отмечал он, — дело только в той или иной силе напряжения ее». Эта единая, цельная позиция, которой Бунин был постоянно обуреваем, поззия души, охватывающая и чувство и мысль, постоянно тревожила его, беспокоила, требовала расширения видимого мира, пространства. Но он хотел большего. Он с величайшим напряжением пытался свою позицию соединить при как можно меньших потерях с объективной поззией самой природы, в которой он улавливал почти все текучие, с тончайшими переливами краски дня и ночи, а глядясь в глубину неба, различал в отдельности каждую из семи звезд Плеяд.

Беспокойная душа в постоянной жажде совершенства не находила покоя. Во время прогулки неподалеку от Глотова он говорил своему собеседнику: «Вот,

например, как сейчас, — как сказать обо всей этой красоте, как передать эти краски, за этим желтым лесом дубы, их цвет, от которого изменяется окраска неба. Это истинное мучение! Я прихожу в отчаяние, что не могу этого запомнить, я испытываю мутность мысли, тяжесть и слабость в теле. Пишу, а от усталости текут слезы... В нашем ремесле ужасно то, что ум возвращается на старые дороги... А какая мука найти звук, мелодию рассказа — звук, который определяет все последующее! Пока я не найду этот звук, я не могу писать. А среди каких впечатлений мы живем! Среди какой мерзости и гнусности!»

Тревоги и волнения от встречи с неуловимой красотой природы заставились в нем чрезвычайно рано, вместе, наверное, с неосознанным желанием запомнить все это. Колossalная, невидимая работа памяти, которую можно было назвать памятью души, происходила в нем, еще мальчике, в глухих хуторах и малых деревнях Тульской и Орловской губерний. В Бутырках, в Озерках, в Глотове, в Огневке, в уездном Ельце, а позже в Ефремове... Именно здесь и тогда образовалась нежнейшая сердцевина бунинского творчества. Вот отроческая запись 1885 года: «Еще осенью я словно ждал чего-то, кровь бродила во мне, сердце ныло так сладко, и даже по временам я плакал, сам не зная отчего: но и сквозь слезы грусть, навеянная красотою природы или стихами, во мне закипало радостное светлое чувство молодости, как молодая травка весеннею порой». Возможно, в этих дневниковых записях, переписанных Иваном Алексеевичем с полуистлевших клочков первых своих заметок, есть какая-то поздняя правка, но сама правда чувства николько не утеряна. Он и сам, как молодая травка на ветру, трепетал во всей своей незащищенности и непрочности, впитывая не только свет красоты, но и ощущая ранение признаки одиночества, испытывая уж и на себе признаки захолустного разорения, над которым нависла тень безвыходности, переживая однообразие бедной мелкопоместной жизни, тесно переплетенной к этому времени с крестьянской жизнью. Навсегда впечатились, врезались в его память эти захолустья, «заросшие хлебами и бурьянами», суровые отношения между мужиками, безволие разоряющихся хозяев, падение нравов, голод, ожесточение, изменения мужьям, жестокое обращение мужиков с женами... Нищающая деревня... Как бы обезвливание самой земледельческой жизни в то время.

И личное, обжигающее сердце и память: нелепая, трагическая гибель младшего братишко Толи, еще младенца. Муж кормилицы, вернувшись из солдат, заявился в пьяном виде в дом Буниных, когда не было хозяев, стал прибираться к ней, с маху ударил, а она за миг до того, защищаясь, подняла ребенка к лицу, полагая, что муж опомнится, не посмеет бить, увидев мальца... Удар раздробил Толе ключицу. Кормилица смолчала с случившимся. Мальчик страшно мучился, не прекращая кричал, и никто не понимал, что с ним. А когда повезли в Елец к врачу, поздно уж было... Память сердца — тоже ведь почва, на которой восходит творчество. Вот Ваня Бунин, как молодая весенняя травка, и трепетал на ветру этой жизни, бывая на деревенских гуляньях, праздниках, похоронах, охваченный деревенскими разговорами, старинными песнями, рассказами о недавно произшедшем и старинными былями, выдуманными и невыдуманными историями. Он впитывал все это непроизвольно, подобно тому, как молодой Антоша Чехов в Таганроге, в лавке отца впитывал разговоры бывальных людей — степняков, без конца заходивших туда... Без всего этого не имели бы мы дышащую необозримым многообразием жизни «Степь»

Чехова и проникающую в глубины народного бытия «Деревню» Ивана Бунина, другие его повествования, которые можно было назвать одним словом — «Подстерье».

А молодая весенняя травка, трепещущая на ветру, могла бы не один раз исчезнуть, пропасти по случаю и просто так во глубине этой беспощадной, беспорядочной, резко переменчивой, широко забирающей, ломающей жизни.

Изумительно в Бунине живое сочетание тончайшего пейзажиста, как бы постоянно пишущего на воздухе, на свободе, под открытым небом, улавливающего почти невидимые колебания света на движущейся речной воде, на бегущей листве, на полевых травах, с этой его постоянной неодолимой тягой к родной почве, с этим глубоким, каким-то врожденным желанием все время ощущать дух земли. Пыняя от этого духа, обожая всю бесконечную предметность, вещественность неисчерпаемого мира, он, остро переживающий быстротекущесть времени, моментальность жизни, всякий раз как бы возрождался душой от этого живого духа земли. Он и работал не только за письменным столом, но и не меньше под открытым небом, стараясь закрепить в памяти пролетающее мгновение во всей его полноте. Это, по-видимому, в большинстве своем и были две нераздельные части его писательской работы, проходившие с одинаковой сосредоточенностью души и зрения. Может быть, поэтому и слово в бунинской прозе — «воздорожденное» слово, завораживающее нас своей первозданной свежестью.

Сами бунинские пейзажи, несказанно радуя и притягивая к себе, при всей своей неуловимости не отрывают нашу душу от грязной земли и не уносят куда-то в голубую дымку вслед за солнечным лучом. Этому причиной — все-проникающий, глубокий дух земли, вещественность мира, без которой Бунин немыслим. В бунинских пейзажах таится, постепенно разворачиваясь, раскрываясь, неприкрашенная реальность жизни. И жестокость ее, и ярость, но и щемящая, светящаяся порой радость бытия. Тоже, кажется, постоянная спутница его творчества. Вот, к примеру, начальные строчки некоторых пейзажных стихотворений: да, да, не только «Пустынные поля, пейзажи деревень, Синеющие вдали задумчиво — безмолвно...», «Могилы, ветряки, дороги и курганы — Все смеркли, отошли и скрылись из глаз», но и чибисы, плачущие «от света, простора, от счастья — плакать, смеяться», но и счастье молодого созерцания:

Не налюбуюсь, как сквозят
Деревья в лоне небосклона.

И дальше в этом же стихотворении — неожиданное признание:

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

И все, все пронизано «удалью печальной» русского подстерья:

Вся молодость моя — скитанья
Да радость одиноких дум!

Обеднение, переезды вместе с семьей из одного утраченного имения в другое. Краткое обучение в Ельце, в гимназии; из четвертого класса исключили: был неуспевающим и, по сути дела, сам бросил учение. В решении педагогического совета от 4 марта 1886 года отмечено, что «Бунин Иван до сих пор не явился из рождественского отпуска и не взносил установленной платы за учение». Пока учился в Ельце, жил «нахлебником» у мещанина за 15 рублей, у одной своей родственницы, у кладбищенского ваятеля... Все это соответствовало в полной

мере разорению родительского гнезда, неустойчивости, вымогательности мелкопоместной жизни того времени, какой-то ее беспорядочности, бессилия, угасания самого духа...

Ту звезду, что качалась в темной воде
Под кривою ракитой
в заглохшем саду,

Огонек,
до рассвета мерцавший в пруде,—
Я теперь в небесах никогда не найду.
В то селенье, где шли молодые годы,
В старый дом,
где я счастья и радости
в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда, никогда.

Иван Бунин как писатель и человек — трагическая фигура, ему суждено было отторжение от родного, кровного. Эта трагическая линия бунинской судьбы началась очень рано. Через много лет он запишет исповедально-страшные слова:

У птицы есть гнездо,
у зверя есть нора.
Как горько было
сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора,
у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце,
горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь,
в чужой, наемный дом
С своей уж ветхой котомкой!

Разрушалось родовое гнездо, выветривалась, скудно плодоносила почва. Ему выпало уходить, перемещаться, мучиться этим. А он, склонный к путешествиям, к обозрению мира, всей сутью своей мечтал именно о прочном родовом доме, о доме с бесконечно глубокими корнями, о доме, куда сладостно было бы возвращаться после обозрения мира. За полгода до начала XX века он писал Валерию Брюсову: «Страшно одинока и непонятна жизнь... Еду в деревню... Буду думать думы на степных могилах».

Постоянные перемещения и вместе с тем какая-то жуткая, зачарованная неподвижность ощущаются в прозе и стихах Ивана Бунина. И зов земли, так предельно точно выраженный в «Пахаре»:

...По борозде спеша за сошниками,
Я оставляю мягкие следы —
Так хорошо разутыми ногами
Ступить на бархат теплой борозды!

В лилово-синем море чернозема
Затерян я. И далеко за мной,
Где тусклый блеск
лежит на кровле дома,
Струится первый зной.

Судя по всему, он страстно желал насладиться основательной жизнью на природе, близостью к земле, может быть, даже на время испытать жизнь подлинного земледельца и носителя поэзии. Пережить душой хоть в какой-то мере то, что с такой полнотой удалось ощутить, пережить в радостные годы зрелости Льву Толстому. Но Бунину этого не было дано, и он со всей страстью и впечатлительностью своей натуры принял воссоздавать в художественном слове ускользающую почву, утраченный дом, все разветвленное, полуза�отытое в годы разорения и запустения родовое древо, которому принадлежал. Это было стоеческое единоборство художника, обладающего нетленным словом, с разорением, запустением, исчезновением жизни. Прежде всего он искал устойчивость, крепость жизни. О своих предках писал, что они

«всегда были связаны с народом и землей». Его ранние небольшие литературно-критические этюды не случайно посвящены его землякам: поэту-самоучке, елецкому мещанину Егору Ивановичу Назарову (впоследствии он стал прототипом Кузьмы Красова, героя повести «Деревня»); воронежскому поэту Ивану Савицкому Никитину, влияние которого испытал в первоначальном стихотворчестве; замечательно одаренному писателю Николаю Васильевичу Успенскому, написавшим о нем очерк «Забытый человек».

В Бунине шло незаметное, медленное накапливание материала. И герои его ранних литературно-критических опытов тоже, очевидно, в круге этого накапливания. «Все они», — писал Бунин, — люди, крепко связанные с почвой, получающие от нее свою мощь и крепость».

Подстепье с его уездными городами, деревнями, хуторами, отрезанными во время больших снегопадов от всего мира, люди подстепья, истории и песни подстепья, народный язык подстепья с живущими в нем старинными словами — все это рождалось в нем особое, похожее на невнятную тягу-тоску, ранимое чувство. И потом он на всю жизнь одержим был незатихающим чувством этих мест. От этих мест, от этой земли и этого неба и «Антоновские яблочки», и «Веселый двор», и «Чаша жизни», повесть «Суходол», и поэма «Листопад», и «Ковыль», и «Сенокос», и «Одиночество...». И обработка народной песни «Два голоса», и написанное по мотивам былин «Илья и Святогор»... И пронизанная поверьями, самим духом этих мест, плоть от плоти подстепья с его ночными мистическими страхами и бесстрашной удалию баллада «Сапсан».

Как заживилась, воспиталась удивительная чуткость к жизни, безупречный вкус в наилучшее, смутное время, в глубине захолустной России у молодого человека, пусть даже столь одаренного, как Бунин? Конечно же, в этом сыграли свою роль и природа, и одиночество, и русская классика, и семья — все вместе. Мать Людмила Александровна, познакомившая его с русской поэзией. Книги Пушкина, Лермонтова, Некрасова... Рассказы отца Алексея Николаевича, принимавшего участие в обороне Севастополя и встречавшегося там с Л.Н. Толстым. По странному стечению обстоятельств в детстве отец Бунина немного знал и Н.С. Лескова, когда-то учился с ним в Орле в одной и той же гимназии, из которой, однако, ушел с первого же класса. Человек он был умный, вспыльчивый, по словам сына, и «редкой душевной прямоты».

Не только дикий древний ветер подстепья овеял душу Бунина смутной полынной тоской-одиночеством, но и беспокойный, тревожный, свежий ветер просвещенной России срывал с места, наполняя все существо мечтами о неизвестной, свободной, светлой жизни... Тяга эта была неодолимой. Он много и пристально читал, о многом думал. Чувство, что где-то неподалеку, рядом, по сути, живет, работает, мыслит Лев Толстой, не давало ему покоя. И вот однажды страшно захотел повидать Льва Толстого и с великим откровенностью поговорить с ним. Из своего захолустья, горяча, загоняя лошадь, помчался полетел в Ясную Поляну. Но по дороге его охватил страх перед Толстым, и он повернулся назад. Домой возвращаться было поздно, и он провел ночь в Ефремове на скамейке в каком-то сквере...

Он еще познакомится со Львом Николаевичем, даже на время сам станет толстовцем, многое претерпит, испытает, передумает и через много лет напишет замечательную по чувству и не-предвзятости мысли книги «Освобождение Толстого». В ней он нарисует жизнь

Льва Толстого как безмерное расширение личности, выходящее за пределы смерти...

О чем думал тогда Иван Бунин в ночном уездном Ефремове, в пустынном сквере, на скамейке, под открытым небом, оживленным роением звезд, среди которых мерцали и его любимые Стокеры? Что прозревала в одиночестве его душа, склонная к созерцательности, почти никому не ведомая, затерянная в глубине российского захолустья?

Он делал первые литературные шаги в конце восьмидесятых годов, когда жили Лев Толстой, Салтыков-Щедрин, Лесков, Яков Полонский, Владимир Соловьев, Глеб Успенский, Короленко, Чехов... Высокие художественные критерики воспринимались не умозрительно, не в дымке прошлого.

С особой пристальностью Бунин следил за творчеством Чехова, который был ему ближе по возрасту (десятью годами старше), плодовит, неисчерпаем, безошибочночувствовал признаки и характеры движущегося времени, запечатлевая их с безукоризненной точностью и тактом. Благодаря исключительной талантливости, абсолютному слуху и памяти на разговорную речь и, наконец, благодаря редкому по верности художественному вкусу Чехов умел преобразовывать весь этот жизненный сор в подлинно большую литературу. Делая это без претенциозности, не морализируя, с каким-то особым, чеховским скромным изяществом. Все это близко было молодому Бунину, органично для него: чеховские рассказы дышали откровением.

Бунина подняла как писателя в глазах современников на некую новую высоту повесть «Деревня». Повесть сделала знаменитой, в некотором роде образцом. Писал он ее с великим нервным, духовным и художественным напряжением. Заканчивал вторую часть в период тяжкой болезни матери. Некоторое время пробыл в Ефремове, уехав за несколько дней до ее кончины в Москву.

«Деревню» он закончил, работая по 12 часов в сутки, к осени 1910 года, уже после смерти матери и за два месяца до смерти Льва Толстого.

Как бы отнесся к бунинской «Деревне» Толстой, если бы успел прочесть ее? Бунин не идеализировал крестьянину, как это делал Лев Николаевич, он безжалостно высовчивал все стороны крестьянской жизни и крестьянской души. Написав «Деревню», Бунин совершил некий важный поступок в своей литературной жизни, который навсегда вошел в историю большой русской литературы. Сам талант Бунина в «Деревне» приобрел большую глубину и масштабность, которых раньше от него многие, быть может, не ожидали. М. Горький писал: «Помимо первостепенной художественной ценности своей «Деревня» Бунина была толчком, который заставил разбитое и расшатанное русское общество серьезно задуматься уже не о мужике, не о народе, а над строгим вопросом — быть или не быть России? Мы еще не думали о России — как о целом, — это произведение указало нам на необходимость мыслить именно обо всей стране, мыслить исторически».

Так стало, что очерк этот о Бунине складывался и писался в разных краях: в ефремовском подстепье, у Черного моря, в звенигородском Подмосковье... Лицо Бунина каждый раз представлялось мне иным, оно менялось. В подстепье мне виделся нежный юношеский овал лица, мягкие волосы, тревожная серьезность в молодых глазах, томный пушок над верхней губой... В Подмосковье он виделся мне более сухощавым, подтянутым, с лицом, утратившим нежный овал юности, более определенным, с заострившимися чертами, с углы-

ми и тенями. Появились усы и бородка, некоторая выхоленность, сочетающаяся со скрытой нервностью, издерганностью. Взгляд, по-прежнему и даже больше выражавший какое-то глубоко серьезное отношение к жизни, к миру, всматривание... Все большая худоба, черты выносливости, жесткой очерченности, некоторой горечи, как будто он все время улавливает далекий запах полыни... Люди, хорошо знавшие его, не раз отмечали, что лицо Бунина описать трудно, так же, как четко определить цвет его глаз: голубой, серый, зеленоватый, но неизменно светлый. Отмечали неуловимость, «многоголосость», подвижность его облика. Другое выражение, почти всегда присутствующее в его лице, во взгляде: «я смертен». Вот что, быть может, объясняет эту постоянную неуловимую, глубокую серьезность бунинского лица, взгляда... Постоянное видение «края жизни» — смертного конца ее.

Остро чувствуя бег, течение времени, Иван Алексеевич, по свидетельству близких, не любил отмечать свои дни рождения — ставить вехи исчезающей жизни. Делал вид, что это самые обычновенные дни, очевидно, не желая терять ощущение длительности времени...

Таким вижу, ощущаю Бунина в разные моменты его жизни: и когда он сделал непревзойденный перевод поэмы Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате», столь ароматный и неувядющий, будто воссоздал подлинник в русском звучании, а вовсе не перевел с английского, и когда написал поэму «Листопад», и выпустил первую книгу стихов с одноименным названием, и когда работал над «Деревней», «Суходолом», «Веселым двором»...

Таким вижу его в каюте и на палубе парохода, и в купе поезда во время близких и дальних путешествий по странам Европы, по Сирии и Египту, по Палестине, по Цейлону, тринацать раз побывавшего в Константинополе, всматривающегося в лицо древности, в лицо ушедшего времени, в лица живых людей.

Таким вижу его на фонеочных отгней Граса во Франции, куда он попал вовсе не путешественником, где прошла глубоко драматическая линия его жизни и нелегкой судьбы русского эмигранта. Все те же пристально смотрящие, много понимающие, старающиеся запомнить каждую подробность, исполненные неуловимой серьезности и непрестанной духовной жизни глаза Бунина на меняющемся, усыхающем, волевом, строгом лице. Исчезла бородка, усы. Осветилась лепка лица, выражающая подлинную суть. Рисунок глаз вычертитяла отчетливой, с чуть нависшими верхними веками. Цвет глаз стал прозрачней, что ли. И опять соответствие лица и всей внешности с тем, что выходило из-под пера. Возникает законченная правдивость личности, оставляющей свой неповторимый отпечаток на слове изреченном и начертанном.

Отчетливое зрение Бунина, его, по выражению А. Т. Твардовского, «взыскательный реализм», вырезая тяжкие пласти, провели глубокую борозду — саму линию его жизни. Он был беспощаден к себе, к окружающим, к близкому и даже любимому миру. В повести «Суходол» можно прочесть: «Для нас Суходол был только поэтическим памятником былого. А для Натали?» И дальше: «Снова и снова рассказывала Натали повести своей погибшей жизни». А в той же «Деревне»: «Ни луча света не вспыхнуло в Дурновке, где властвуют разорение, нищета, жестокость. Заболев чуть ли ни смертельно. Кузьма немедленно обнаружил отчуждение, отдаление Молодой. В первую же ночь болезни он очнулся, захотел напиться и постучал в стену, за которой обычно спала Молодая. На его

стук никто не отозвался. «Но, боже мой, не безумие ли надеяться на жалость в Дурновке!» — с тоской думает Кузьма Красов...»

В поисках истинного слова, в верности правде Бунин, хоть и перемещался много, всю жизнь был словно бы прикован к изнуряющему и прекрасному литературному труду... И недовольство несовершенством найденного, содеянного неукоснительно являлось, прилетело откуда-то из глубины его души и мучило его, уподобляясь некоему орлу, клевало душу. Так мне казалось. Сам же Бунин говорил с горечью одному близкому человеку, «что не положил всю свою жизнь «на костер труда», а во многом отдал «жизненному соблазну». Было ли это минутным сожалением? Мог ли Бунин по сути своей стать писателем, не предаваясь «жизненному соблазну», кто знает?

Нынешнее значение Бунина в полной мере, кажется, никто не предугадал в начале века. Это при том, что очень высоко ценил его талант М. Горький, верил в его будущее Чехов... Лев Толстой не успел распознать в нем истинного, большого писателя, хотя по-человечески относился к молодому Бунину с симпатией и участием. Но и Горький, ценя его изобразительный дар, сначала, в пору подъема социально заостренной, обличительной прозы, опаленный жаждой героического, не видел определенного «лица» в бунинской прозе, а лишь некий «туман» вместо лица. И Чехов был достаточнодержан в оценке сделанного к тому времени Бунином-прозаиком, скромно оценивал его реальное место в литературе. Толстого даже раздражала описательность Ивана Алексеевича.

Бунинская же сила и значительность как раз и проявляются в этой продолжительности запечатленной текущей жизни, переливающейся из одного повествования в другие, дляящихся, как муравьиные шляхи... Все это обобщено и единственно, осозаемо и как бы слегка размыто в бесконечном сквозном пространстве, по которому, теряя силу с каждым шагом, слабея, в каком-то полузыбком движется Анисья Минава из «Веселого двора» к своему непутевому сыну — печнику Егору, наяневшему караулить помещичий лес в Ланском.

Бунинская проза 1910—1916 годов — это особое глубокое открытие той жизни, которое за него никто не смог бы сделать: ни Л. Толстой, ни Чехов, ни современные ему народные писатели (последним не хватало ни бунинской культуры, ни его таланта увидеть человека в тесной связи со всей вселенной, а не только клочком малой земли). Это был особый бунинский материк в русской литературе, в котором воплотились и «его скорбь и жажды — быть вселенной, полями, морем, небом...», и «сладостная боль соприкасания душой со всем живущим», и «порывы воссоздания» в славе всего живого, братского, исчезающего...

Должен сказать, что как читатель никогда я не чувствовал пресловутой холода и отчужденности бунинского творчества. Холода и сдержанность, строгость формы — вещи разные. Замкнутое выражение лица и крахмальные воротнички вводят в заблуждение. Открытый Бунинский «материк», на мой взгляд, некий определяющий магнит внутри всего его творчества. И сила того притяжения велика. Не будь ее, и все позднейшее, замечательное, созданное Бунином, быть может, оторвалось бы, распылилось в мировом пространстве при всей своей художественной силе, изяществе и совершенстве.

Душа Бунина, метафорически говоря, прилетает с первыми весенними птицами в родное подстепье. А точнее, обитает здесь, в местах, где когда-то завязалась, соткалась ее первая память.

МОЖЕТЕ НА МЕНЯ ПОЛОЖИТЬСЯ

НА МЕНЯ ПОЛОЖИТЬСЯ

26

Утром, раскладывая по тарелкам нашу обязательную яичницу, Феликс говорил:

— Мне бы на твоем месте просто было страшно. Этот мальчишка узнал что-то очень важное, настолько важное, что они не останавливаются ни перед чем. Он теперь вроде лакомуской бумажки — определяет, кого надо убрать. Рассказал Кригеру — Кригера убили. Рассказал Елину — убили Елина. Они и его самого могут убить, если найдут.

— Вот именно, — вставил я вяло. Спорить мне не хотелось, голова болела адово. Остаток ночи после звонка Костиной я спал очень плохо, какими-то урывками, как мне казалось, по несколько минут, и снилось мне все время одно и то же: мы с Андреем Елиным поднимаемся вверх по нашей школьной лестнице, мирно о чём-то беседуя.

— Позвони Сухову, — продолжал убеждать меня Феликс, — и все ему расскажи. Он двадцать раз прав, каждый должен заниматься своим делом.

— Позвони, — соглашался я.

— И, кстати, насчет этой Елены Сергеевны. Я тут думал вчера... На кой черт ей грабить собственного мужа? А если б даже захотела, так могла бы обойтись и без пасынка, а? Тут или все гораздо сложнее, или, скорей всего, гораздо проще. Сводная сестра — дочь мужа матери, не велика родня... А эти ребята, насколько я понял, и мать родную ограбить не постыживаются.

Я кивал головой, слушая Феликса вполуха. Вопрос о том, ограбят или нет антикварную квартиру Латынина-старшего, волновал меня сейчас меньше прочих. Я занимался в эту минуту тем, что взвешивал, подкидывал, пробовал на язык новое ощущение, возникшее во мне. Ощущение это состояло в том, что Андрей Елин, оказывается, всю жизнь был для меня довольно близким человеком. Да, я мог не видеть его и не слышать по году, а встретившись, мы бывали с ним холодны и ироничны. Но теперь, честно оглядывая историю наших отношений, вернее, отсутствия их, я приходил к выводу, что всегда он оставался для меня некоей меткой, полузаметной зарубинкой, по которой я бессознательно отмерял собственные продвижения в жизни. В сущности, я ведь постоянно все знал о нем, а Кригер охотно поддерживал во мне этот интерес, рассказывал о Елине в мельчайших подробностях. Никогда мне теперь не узнать этого точно, но я подозревал, что так же он рассказывает ему про меня. И вот я вдруг осознал, что его смерть — это не просто смерть знакомого человека, что с этой смертью потерялась еще одна частица моей жизни, еще одна после Кригера. Я позвонил Сухову и рассказал про Елина. Он тяжко вздохнул.

— Ну спасибо тебе. Обрадовал. Еще один труп подкинулся.

— Извини, если что не так, — сказал я.

— Ладно, будем искать твоего мальчишку, — заключил Сухов.

— Хорошо бы адрес этого «кабинета» выяснить. Вдруг он там и сидит?

— Попробуем, — согласился Сухов. — Это мысль. Он замолчал, я понял, что он записывает. — Перово, говоришь? Перово — оно большое. Поточнее данных нет? Улица или ориентир хотя бы: кинотеатр, ресторан, а? Нет? Ну ты выясни получше, расспроси там общих знакомых, может, кто был у него все-таки.

— А разыски я не помешаю? — не удержался я от ехидного вопроса, но тут же пожалел об этом.

— Ты это брось, — сурово сказал Сухов, и я буквально ощущал, как он наливается гневом. — Нашел, понимаешь, время...

И бросив на прощание свое коронное: «Если что узнаешь — звони», — повесил трубку.

Потом я поехал в суд. Ибо Ира Уткина ждала, что я ей чём-нибудь помогу, а Глеб Завражный ждал, что я напишу ему моральный кусок на пятницу.

Судья оказался молодым мужиком примерно моих лет. Он долго не мог вспомнить, о ком речь, извинялся, разводя руками: дела идут потоком. Но когда секретарь принесла из архива тоненькое «дело», пролистал его и хлопнул себя по лбу.

— А, по собственному желанию!

В деле, кроме справок с работы и места жительства, имелся всего один листок — заявление. «Прошу развести меня с мужем Уткиным Сергеем Владимировичем по собственному желанию», — написала моя героиня. Мы с судьей посмеялись.

— Теперь я ее, конечно, вспоминаю, — сказал он. — Тихая такая. Пришла, развестись, говорит, хочу. Не сошлись характерами, бьет он меня. А в милицию обращались, спрашивала: Молчит. По-моему, дурочка она совсем. И глаз у нее маленько косит, да?

Ирина не показалась мне такой уж дурочкой, да и глаз у нее, насколько я помнил, не косил. Но я сделал скидку на то, что судья видел ее больше года назад и у него в голове она могла смешаться с какой-нибудь другой такой же белоголовой.

— Эх, — вздохнул он, — обычай история. Вот таких эти Жюльены Сорели и ловят ради московской прописки. Потом, конечно, слезы. Горе-то у девушки настоящее, они еще в любовь верят... А тем что: сделал дело, гуляй смело... Но больше она не пришла. Может, стерпелось, слюбилось? И так бывает.

Я рассказал ему, как обстоят дела, он философски покачал головой.

— Значит, все-таки придется...

Все это прекрасно ложилось ко мне в материал. Я переписал в блокнот наивное Иринино заявление и поехал по следующему адресу — на завод, где Сергей Уткин работал электромонтажником четвертого разряда.

Сонной вахтерше я показал мельком свое новенькое удостоверение и после равнодушного кивка оказался за проходной. Начальник электромонтажного цеха, изможденный человек с высокими залысинами, сидел у себя в каптерке, но в течение первых десяти минут своего пребывания там я не только не смог перекинуться с ним парой слов, но даже поздороваться. Сам цех был светлым и тихим — электромонтажники орудовали в основном отвертками, паяльниками и другими нешумными предметами, но вокруг стола начальника бушевал, как мне показалось, перманентный скандал.

Один кричал, что пусть Армашкин не лезет со своими изоляторами, он их ставить не будет — себе дороже. Другой, весь замасленный, шумел, чтоб немедленно разгружали, а не то он уедет, у него самого план. Третий, в костюме и при галстуке, шипел, что будет жаловаться в министерство. Заметив, видимо, у двери мое растерянное лицо, начальник посыпал мне через их головы слабые оправдательные улыбки.

Я понял, что, если не включусь в этот ритм, придется уходить отсюда несолено хлебавши, пробился к столу и представился.

Начальник почему-то обрадовался, встал, сказал костюмно-галстучному: «Жалуйся, куда хочешь», — а остальным объявил:

— Ко мне товарищ из газеты. Все вопросы к Армашкину.

Через минуту кабинет опустел. Я изложил цель своего прихода.

Начальник потер ладонью пространный лоб.

— Сам Уткин сейчас в отпуске... А пойдемте, я вас в комитет комсомола отведу, там его лучше знают, по дороге и побеседуем.

По дороге я узнал, что Уткин теперь уже электромонтажник не четвертого, а пятого разряда, больше того, бригадир комсомольско-молодежной бригады.

— Хорошо работает, — рассказывал начальник. — Грамотно. Без брака. План перевыполняет, премии получает. Так и говорит: мне, говорит, деньги нужны. Ну что еще? Спокойный мужик, это мне нравится. У нас ведь видели как? Сodom и Гоморра — и так целый день. Производство! А он подойдет по-тихому: Семен Ильич, так и так, нужно то-то и то-то. Такому и отказывать грех. А насчет семейных дел — это мы не знаем, чем он там после работы занимается.

Секретарь комитета комсомола, полноватая девица, всплеснула руками.

— Ну, Уткин! Ну, мы ему покажем! Пусть только из отпуска выйдет. Мы его на комитет вытащим! Будет знать, как жену терроризировать!

Немного успокоившись, она сообщила:

— А мы его в бирю собирались вводить. Он ведь довольно активный общественник, в ДНД участвует, недавно один двух хулиганов задержал. И на собраниях всегда выступает, он хорошо умеет говорить, складно так. Надо же, лицемер!

На шум зашел в комнату улыбчивый толстяк — оказалось, председатель профкома.

— Уткин? — удивился он. — А мы ему тут квартиру выбирать собираемся. Как очереднику района.

Принесли уткинское заявление. «В связи с тем, что у меня молодая семья, которая может в любой момент увеличиться, а также большая теща и мы живем в аварийном доме, предназначенному к сносу...»

Я переписал заявление дословно. Вырисовывался постепенно мерзковатейший облик этого Уткина.

— Нехорошо, товарищи, получается, — скрученено покрутил головой председатель профкома. — Проглядели мы человека. Дождались, что пресса вмешалась. А ведь он... Сколько лет он у нас работает?

— Два с половиной, — ответил начальник цеха.

— Вот видите, — сказал профсоюзный деятель и ушел.

— Положим, работает он у вас не больше полутора, — заметил я скорее справедливо ради. — Но не в этом дело...

— А по-моему, два, — возразила секретарь. — Меня как раз выбрали, и он пришел.

— Да что гадать, — сказал досадливо начальник цеха, — зайди к Марье Тимофеевне — и все.

Дверь с табличкой «Отдел кадров» находилась напротив и была заперта.

— Обедает, — сказал начальник цеха. — Вы запишите телефон, я ее предупрежду, она вам скажет.

Когда я приехал в редакцию, до встречи с Ириной оставалась еще час. Мимо меня по коридору пролетел Завражный, на ходу ткнув карандашом в мою сторону.

— Делаешь?

— Делаю.

Я поел в столовой, а потом заглянул к Феликсу. Они с Ликой клали какой-то коллаж.

— Не нашел своего Латынина? — спросила Лика.

— Его теперь другие люди ищут. Серебряные, — ответил я и тут только первый раз за день вспомнил про поручение Сухова. Надо бы вечером позвонить Костиной, вдруг она чего-нибудь да вспомнит.

— Мы в кино хотим сходить, — сказал Феликс. — На «Амаркорд» Феллини. Позови своей директрисе.

Жизнь, похоже, опять входила в нормальную колею. Ни погоня, ни драк не предвиделось.

Сергей Уткин оказался мрачным типом выше среднего роста с синяком вокруг левого глаза. Водкой от него несло, будто он вот только минуту назад хватил полный стакан.

Вероятней всего, так оно и было. Когда я заглянул к нему в комнату, на столе стояла бутылка, довершая натюрморт из грязных тарелок, захватанных чашек и заветренных обедков.

— Из газеты, — пробурчал он. — А почему сразу не из прокуратуры?

Я присел на один из стульев, с интересом оглядываясь по сторонам. Обстановка казалась совершенно непригодной для жилья. Шкаф, потерявший за долгую жизнь одну створку и две ноги, замененные теперь протезами из кирпичей, кровать — не кровать даже, а топчан, прикрытый грязными тряпками, которые когда-то были постельным бельем. Вместе с утомленным уже столом и тремя шаткими стульями — весь интерьер.

— Чего изучаете? — грубо спросил Уткин. — Не нравится, как пролетарии живут? Ну ничего, переедем в новую квартиру — вот там заживем, там обставимся! Ирина, жена! — закричал он, ерничая, и забаранил в стенку. — Когда переезжать будем? И ничего вы со мной не сделаете, — снова повернулся он ко мне. — Я тут прописанный, ясно? И осуществляю свое право на площадь, данное мне законом. Вот так вот!

Да, говорить Уткин действительно умел. А водка, похоже, не давала ему молчать. В сочетании с тем, что я узнал о нем на заводе, портрет получился изумительный. У меня и заголовок был уже готов для материала: «Курский соловей».

Перед уходом я заглянул на половину к Ирине. Здесь было чисто, но тоже как-то голо.

— Может, не стоит вам здесь сегодня ночевать? — спросил я. — Поехайте куда-нибудь к родственникам или знакомым.

— Ничего, я привычная, — махнула она рукой.

Поздно вечером, после кино, я позвонил Марине Костиной.

— У него была девушка,—сказала она,—по-моему, Таня. Помнишь, он приходил с ней к нам на вечер встречи в прошлом году?

Я помнил. У меня сохранилось впечатление о чем-то высоком и светловолосом.

— А как ее найти?

— Ох, он был такой конспиратор! От всех все скрывал. Но у меня почему-то сидит в голове, что она работала с ним вместе, чуть ли не в одном отделе.

Ну что ж, это было уже кое-что. По крайней мере сегодня я лягу спать с надеждой.

27

Когда Феликс уехал на работу, я сел писать материал. Есть старое журналистское правило, которому меня стали учить с первых же дней работы в газете. Набрал фактуры полный блокнот? Теперь отложи его в сторону и садись за стол, больше до самого конца в него не заглядывай. Фактура должна начать жить в тебе самостоятельной жизнью, иначе хорошего материала не получится. Блокнот понадобится только для одного: проверки фактов, цифр и так далее.

Я писал всю первую половину дня, прервавшись лишь один раз, чтобы позвонить по елинскому служебному телефону.

— Можно попросить Таню?—спросил я наобум.

— Попозову?—ответил мужской голос.—Она в командировке.

— Минуточку!—крикнул я, чтобы не дать ему положить трубку, совершенно, впрочем, не представляя, что говорить.

— Да?—вежливо откликнулся он.

— Видите ли...—решился я наконец,—я друг Андрея Елина...

Голос в трубке сразу размягчился, задрожал и как-то потек.

— О, мы знаем, конечно. Такое несчастье... Татьяне уже позвонили, она должна приехать завтра вечером.

Как видно, в отделе это не было ни для кого секретом. Я облегченно перевел дух.

— Вы не подскажете ее домашний телефон?

— Да, да, разумеется,—сочувственно-понимающе отозвался голос.

Итак, снова ожидание. На этот раз хоть с определенным сроком.

Остаток дня прошел в привычной суете. Я отвез материал в редакцию, там его перепечатывали, я его вычитывал, потом отдал Завражному, с ним вместе мы еще что-то там исправляли, доводили «до ума» и, наконец, заслали в наборный цех. Когда надо, газета делается быстро: завтра «Курский соловей» будет стоять в номере, и уже послезавтра утром читатели увидят его на полосе. Завражный был доволен.

Светлане сегодня звонить не имело смысла: она с бабушкой ушла в театр. Я поехал домой, то бишь к Феликсу. Но самого Феликса там не оказалось, мне даже ужинать пришлось в полном одиночестве.

Он пришел поздно и зашуркал потихоньку на кухне, стараясь не разбудить меня. Сквозь дрему я слышал, как шипят, разбиваясь, на сковороде яйца. Легко, как бывает во сне, мысль моя перескочила с пятого на десятое, и я сказал ему, на мгновение проснувшись:

— Не горюй, Феликс, завтра я еду смотреть себе комнату. Нашел по объявлению.

— С чего это ты взял, что я горюю?—обиженно спросил он, выглядывая из кухни.

Но я уже снова засыпал. Мысль закруглилась и приобрела законченную форму: быть может, Лика и есть та самая женщина, которая объясняет наконец Феликсу, зачем людям надо жениться, и тогда ему не придется больше утром и вечером есть яичницу.

28

Комната оказалась прелестной. Небольшой, но чистенькой и светлой, с окном во двор. А главное, не слишком дорогой. Господи, что еще нужно? Я, не раздумывая, оставил хозяйке задаток.

Больше у меня никаких дел до вечера не намечалось, и я решил устроить себе выходной: поздризть по магазинам, купить всяких мелочей, необходимых человеку, который фактически начинает новую жизнь на новом месте. Вечером, часов с шести до десяти, мне, правда, предстояло дежурить по собственному материалу, но называть это занятие чересчур утомительным тоже было нельзя. Отчасти я даже чувствовал себя не в своей тарелке: никуда не нужно бежать, ни с кем не надо встречаться, никто, включая Завражного, ничего от меня не требует. Какие-то каникулы прямо.

В редакцию я приехал часам к четырем, перекусил и отправился в приемную посмотреть, нет ли гранок. Гранки были, я понес их к себе в кабинет, чтобы в спокойной обстановке заняться проверкой фактов. Как обычно, я выписал их на отдельную бумажку и, листая блокнот, постепенно вычеркивал. В конце концов без ответа остался только вопрос, сколько же времени работал Сергей Уткин на заводе. Конечно, можно было просто обойти его молчанием, принципиального значения он не имел. Но мне подумалось, что нестыковку со сроками все же необходимо выяснить. Ибо в одном случае выходило, что Ирина подавала заявление в суд о разводе через полгода после свадьбы, и это соответ-

ствовало логике, а в другом — через полтора, что не лезло ни в какие ворота.

Я взглянул на часы: как бы мне не опоздать позвонить в отдел кадров.

Но я не опоздал.

— Ага, Семен Ильич предупреждал,—трубку взяла сама неведомая мне Мария Тимофеевна.—Вот оно, «дело», у меня под рукой. Значит, так: числится он у нас действительно с декабря позапрошлого года...

«Ну, слава богу,—подумал я,—не наврала Ирина!»

С предыдущего места работы уволился всего за неделю до этого,—продолжала Мария Тимофеевна,—так что перерыва в трудовом стаже не имеется.

— Кстати, где он раньше работал?—поинтересовался я из чистого любопытства.

— Минуточку. Вот — Орловский городской комбинат бытового обслуживания, фабрика № 2. Радиомастер.

— Как орловский?—спросил я ошарашенно.—Разве не курский?

— Тут написано — орловский, я читать пока не разучилась.

— А где родился, учился?—лихорадочно начал спрашивать я.—Посмотрите в автобиографии!

Она пошепестала бумагами.

— И родился, и учился — все в Орле.

Вот тебе и на! А мне полчаса назад наш художник принес готовый рисованный заголовок к моему материалу: рука, которая держит в пальцах грубо выпелленную из глины птичку-свиристельку, и надпись вязью — «Курский соловей».

А тут еще Протасов, все это время иронично наблюдавший за моими метаниями, подлил масла:

— Подумаешь, беда! Ну, назови теперь «Орловский соловей».

— А иди ты...—сказал я. Мне было совсем не до шуток. И дело не в одном заголовке. Если Ирина так легко могла перепутать город, откуда приехал ее муж, она может ошибиться и в другом. Надо немедленно ее разыскать.

Так, куда я подъезжал, когда мы с ней встречались? К метро «Динамо». Какие там есть рядом поликлиники? Я нашел в столе справочник. Поликлиники, поликлиники...

В четвертой или пятой по счету мне сказали:

— Работает такая.

— А нельзя позвать ее к телефону?

— Да вы что, очумели, что ли? У нас тут больные, а мы вам будем сестер звать!

Ту-ту-ту...

Объясняться, что я из газеты, было бессмысленно: не поверят. Я набрал номер главврача — никто не подошел. Надо ехать туда.

На бегу я заскочил к Завражному и в двух словах обрисовал ситуацию. Он помрачнел.

— Давай быстро. И прямо оттуда звони мне — я сегодня дежурный редактор.

Но когда я добрался до поликлиники, зав. хирургическим отделением посмотрела на меня с большим удивлением.

— Уткина? Она две недели как ушла в декретный отпуск.

Я почувствовал, что скожу с ума.

Подъезжал к Крылатскому, я взглянул на часы: без двадцати семь. В таком идиотском положении я еще не бывал никогда в жизни. Материал стоит на полосе, а я теперь не уверен ни в одной его строчке. Больше того, у меня даже адреса Уткиных нет — Ирина показывала мне дорогу, а сам среди множества этих одноэтажных деревянных развалин я могу проискать до утра. Выяснив у прохожих, где отделение милиции, я помчался туда.

Пока по моей просьбе искали участкового, пока он шел до отделения, прошло минут сорок. Я сидел на жесткой скамье в дежурной части и чувствовал себя несчастнейшего расплескленного арестанта. Было уже без четверти восемь, когда я подъехал к указанному участковому дому. И сразу увидел, что дом не тот.

Несколько секунд я сидел за рулем в оцепенении, раздумывая, как быть. Потом усилием воли взял себя в руки, вылез и открыл калитку. У меня теплилась слабая мысль, что участковый перепутал одних Уткиных с другими.

Навстречу мне с ведром воды вышла пожилая женщина.

— Уткина Ирина здесь живет? — спросил я.

— Здесь, — ответила она, окидывая меня равнодушным взглядом. — Ирина, тебя!

На крыльце появилась та, которую звали. Увидев ее, я сразу понял, что совпадения отменяются: она была заметно беременна и левый глаз у нее явственно косил. Это была Ирина Уткина — настоящая, единственная и не повторимая.

Через четверть часа я знал от Сергея с Ириной, что позавчера к ним приезжал корреспондент из моей газеты — звали его, кажется, Игорь Максимов, он и удостоверение показывал. Все расспрашивал, как они живут, не скрывают ли, вспоминал про то, что Ирина год назад ходила подавать заявление на развод. Они еще потом удивлялись, откуда он узнал про нее!

— Понятно, — сказал я. Хотя понятно мне было далеко не все. — А скажите, среди ваших знакомых нет такой худенькой милой девушки...

Я, как мог, описал им свою посетительницу.

Уткины переглянулись.

— Тонька! — скривив губы, с усмешкой сказала Ира. — Вон, через две улицы жила, сейчас они уже квартиру получили. Из-за нее у нас и было... это... мордобитие.

— Значит, было все-таки? — спросил я.

— Было, — ответил Сергей, обнимая жену за плечо, — да было поросло. Теперь вот прибавления ждем.

Погоди, Тонька, подумал я, доберутся и до тебя. Или я плохо знаю Сухова. Непонятно было другое: зачем понадобился весь этот громоздкий спектакль? Не проще ли было просто пристукнуть меня, как Елину?

— Телефона тут нет поблизости?

Сергей покачал головой.

— Ближайший вот у тех высоких домов.

Надо было немедленно звонить Завражному. Ну что, скажите, меня дернуло прежде пойти взглянуть на дом самозваной Уткиной, в котором я был позавчера?

29

Я проехал до конца улицы и свернул направо, но уже через два десятка метров обнаружил, что дальше проезда нет. Глубокий овраг с крутыми обрывистыми склонами подходил здесь прямо к границе крайнего участка. Я вышел из машины, огляделся, и мне показалось, что я различаю над одним из домов на следующей улице тоненький прутья телевизионной антенны — не бог весть какой, конечно, но ориентир, по которому я собирался отыскивать тот дом. Заперев дверцу на ключ, двинулся дальше пешком.

Эта улица казалась почти полностью вымершей. Многие дома стояли заколоченные, с поваленными заборами, выбитыми окнами. Вскоре я определил, что дом с антенной, попавший мне на подозрение, скорей всего выходит фасадом не на эту, а на следующую улицу. Недолго думая, я перемахнул через шаткий заборник одного из забытых домов, пересек, путаясь ногами в молодом бурьяне, двор, потом еще один, в который проник через дыру в ограде, и снова перепрыгнул через забор, удачно приземлившись на корточки. Метрах в тридцати впереди себя я увидел машину, притулившуюся у ворот. Это была синяя «трешка» с номером 79-77.

Первая мысль была: «Гляди-ка, а офицант, оказывается, не наврал!»

Вторая — совершенно естественная и органичная: надо давать отсюда деру.

Но в меня словно вселился бес. Потом, когда я в спокойной обстановке пытался проанализировать свои поступки, разумного, логического объяснения не нашлось. Меня тянуло, как магнитом. В телепатию, по крайней мере в свое способности к телепатии, я не верю. Особой смелостью тоже не отличался. Так что, вероятней всего, я просто не смог отказать себе в удовольствии хоть одним глазком взглянуть на этого самого Марата. Представляю, что сказал бы Сухов, если бы мог увидеть меня в эту минуту! Но так или иначе, а моя алогичная, иррациональная, короче, совершенно мальчишеская выходка сыграла необыкновенно важную роль. А поддается я разуму — плохи были бы мои дела...

Пригибаясь, короткими перебежками я добрался до синей машины и спряталась за капотом. У калитки с той стороны забора стояли двое. Один из них был повыше ростом — я видел часть его головы, украшенной очками. Вероятно, это и был Марат. Второго, пониже, скрывали от меня забор и кусты. Но разговор их я слышал отлично, хоть и шел он вполголоса.

— Он почему-то отогнал машину в самый угол к оврагу, а сам куда-то делился, — жаловался низенький. — Я со своей отъехал назад, к повороту, а там оставил Семена с Филькой, они его ждут.

Это Стариков, догадался я. И говорят они про меня.

— Себя он загнал в угол, Шура, себя. Только надо было давно это сделать, я ведь сразу говорил, что ничего из этой затеи не получится.

Ого, Марат, оказывается, рассуждал так же, как я! Кому же тогда принадлежала идея? Старикову? Непохоже! Неужели все-таки Медуза Горгона, прекрасная Елена Сергеевна?

— Я так думаю, что он этот дом ищет, — заметил Стариков.

— Сюда он не сунется, — уверенно ответил Марат. — Увидит машину и не сунется. К тому же ему сейчас больше всего хочется к телефону поспеть, дать в своей газетке отбой.

Надо же, поразился я, все знают! И ведь вот что удивительно: они меня здесь, кажется, ждали!

— А если все-таки сунется? — продолжал упрямо настаивать Стариков.

— Помнишь, Шура, что в таких случаях говорил Санчо Панса? Что камнем по кувшинчику, что кувшинчиком по камню — кувшинчику все едино.

— Ты, что ли, будешь... по кувшинчику?..

— Вместе будем, Шура, вместе. Дело-то общее. Заварили — надо расхлебывать.

Я стал потихоньку ретироваться.

Оказавшись наконец в безопасности, на одном из заброшенных участков, я приткнулся к забору и попытался спокойно обдумать свое положение. Прямо скажем — дрянь положение. Конечно, на войне знать замыслы противника очень важно. Но не менее важно уметь это использовать.

Итак, к машине мне нельзя. Выбираться из поселка пешком? А если они спохватятся, что меня что-то долго нигде нет, и поедут по дороге? Попытаться угнать машину Старикова? Это был бы самый роскошный, киношный вариант, но, к сожалению, на то, чтобы открыть и завести чужие «Жигули», даже притом, что я в принципе знаю, как это сделать, без должной сноровки уйдет слишком много времени, а у меня его нет. Спрятаться, затаиться? Но прав этот черт Марат: я должен в самое ближайшее время оказаться у телефона, а лучше всего прямо в редакции.

Последний вариант: колотиться в дома, прося помощи? Ой, маловероятно, что я, чужой человек, найду здесь на ночь глядя охотников идти воевать неизвестно с кем, неизвестно за что. И тут я вспомнил про Сергея Уткина.

Через несколько минут я задом оказался у его дома. На то, чтобы объяснить ему ситуацию, потребовалось всего несколько минут. Большого энтузиазма моя просьба у него не вызвала. Но он выслушал молча и хмуро сказал:

— Пойдите тут, сейчас за ребятами схожу.

Скоро он вернулся с высоким неразговорчивым парнем, выбрал из поленницы в углу двора три крепких палки, раздал нам по одной и скомандовал:

— Пошли.

И ничего не случилось. Мы просто подошли к машине и сели в нее, стучали пальками. Вероятно, Семен с Филькой, оставленные в засаде, просто не рискнули к нам подойти.

Я быстро развернулся и подвез ребят к дому.

— Спасибо... соловей... — сказал я Сергею, крепко пожимая ему руку.

— Чего? — не понял он.

Отъезжая, я подумал, что обязательно надо завтра же на официальном бланке послать на завод письмо с извинениями. Правда, придется попотеть над формулировочками.

Машину подбрасывало на ухабах. Я торопился, совершенно не чувствуя себя в безопасности до тех пор, пока не выскочил на шоссе. Наверное, оттого я так обрадовался этому неизвестно как возникшему из сумерек милиционеру, который светящимся жезлом подавал мне знак остановиться рядом с его мотоциклом. Тормознув, я полез из машины, на ходу доставая документы, готовясь привычно оправдываться, сам еще не зная в чем, показывать удостоверение, объяснять, что жутко тороплюсь в редакцию, тем более что на сей раз это было сущей правдой. И тут меня словно колнуло, да так, что я замер в нелепой позе, держась рукой за дверцу: откуда взялся здесь, в этом богом забытом месте, да еще в столь поздний час, одинокий инспектор ГАИ?

И так я стоял, чувствуя, как вдоль позвоночника моего бежит струйка пота, сжимая липкой рукой документы, проклиная себя то ли за излишнюю подозрительность, то ли за излишнюю нерешительность, отчаянно надеясь, что все это мои смешные фантазии, результат нервного перенапряжения прошедшего дня, а инспектор шел ко мне, широко улыбаясь какой-то чересчур широкой улыбкой. Я понял, что надо бежать, сделал движение, чтобы метнуться обратно в машину, и не успел. Рука моя мгновенно слетела с двери и оказалась зажата в какие-то тиски. То же случилось со второй. Я почувствовал, как с плеч моих сдирают куртку, да так ловко, что я оказываюсь как бы сплененым ею. Потом я понял, что меня очень быстро несут по воздуху мимо потерявшего улыбку гаишника куда-то вперед, сквозь сумерки, за поворот дороги. И первое, что я увидел за поворотом, были синие «Жигули», третья модель, с номером 79-77.

Потом я увидел рядом зеленые «Жигули» Старикова. Потом (вероятно, я увидел все это одним махом, но называю в том порядке, в каком доходило до моего сознания) на фоне тускнеющего неба громада грузовика, нелепо перегородившего уличку. Десятка полтора неясных в сумерках да и со страха серых фигур. Еще несколько машин, кажется, «Волг», сгрудившихся в боковом проходе между домами. И, наконец, будучи опущен на землю, я увидел перед собой светлый лик старшего оперуполномоченного Московского уголовного розыска капитана милиции Николая Сухова.

Я и сейчас затрудняюсь описать вам две вещи: свое состояние и выражение суховского лица.

— Так, — сказал он, и я понял, что Сухов поражен, пожалуй, не меньше моего.

Из темноты выдвинулась вперед некто высокий, адресуясь к которому Сухов произнес почтительно:

— Это из газеты... Тот самый, я вам докладывал...

Я почувствовал, что меня больше не держат. Высокий подошел ближе, спросил сурохо:

— Как вы здесь оказались?

Руки у меня маленько тряслись, губы дрожали, и говорил я сбивчиво, но слушатели были понятливы. И когда грузовик, грохнувшись, стал разворачиваться и обдал нас светом фар, я заметил, что Сухов и его высокий начальник улыбаются. И я вдруг понял ясно, что это они не надо мнить. Что люди только что сделали трудное, важное да и небезопасное дело. И что я им рассказываю про то, как со мной тоже обошлось все благополучно, стою перед ними живой-здоровый, разве только напуганный, и говорю без умолку. Что на их лицах просто-напросто улыбка облегчения.

Одна за другой «Волги» начали выезжать на дорогу. Сухов вопросительно глянул на высокого, тот кивнул.

— Дуй в свою редакцию, завтра позвони, — расшифровал этот кивок Сухов, и оба растворились.

Я бегом бросился обратно к своей машине, но, когда через минуту выехал за поворот, не увидел на прежнем месте ни грузовика, ни черных «Волг», пропали и оба «Жигуленка». Сгинули, как наваждение, будто не было их никогда.

Из ближайшего автомата я позвонил Завражному и сказал, что материал надо вынимать из номера.

— Зарезал, — выдохнул он. — Ты понимаешь, что ты делаешь?

— Понимаю, — ответил я. — Очень хорошо понимаю.

— Убить тебя мало, — сказал он с чувством и, по-моему, обиделся, услышав, что я засмеялся.

Когда я поднялся к нам на этаж, в комнате дежурной бригады творилось чудо знает что. В десятом часу переверстывали вторую полосу — это ЧП, да еще какое! Зам. ответсека отказывался даже смотреть в мою сторону. Что

делается сейчас в цехе, мне даже не хотелось думать. Впрочем, теперь от меня уже ничего не зависело. Все неприятности обращаются на мою бедную голову завтра. Но одно свое подозрение я хотел проверить сегодня, немедленно.

Я зашел в пустую сейчас комнатку Феликса, сел к телефону и набрал номер.

— Алло, — произнесли на том конце провода.

— Можно попросить Максимова? — сказал я, изменив голос.

— Отсутствует, — ответили мне, и по тону я понял, что трубка сейчас будет положена.

— Минуточку! — крикнул я сиплым басом. — А не знаете, где он сейчас? Это его товарищ, он мне позарез нужен.

— Всем позарез нужен Максимов, — проворчал мой собеседник. — Болтается по городу. Не знаю я, где его искать. Часа три назад поехал куда-то в Крылатское, что ли. Скорее, поди, должен появиться, его тут тоже ждут не дождутся.

В трубке послышалось хихиканье, и я, не попрощавшись, положил ее. По крайней мере одной загадкой стало меньше. Ибо по дороге в редакцию я методом простого исключения вычислил, что только один человек мог одновременно знать и про Феликса, и про Дом журналистов, и про Крылатское, — мой сосед по кабинету.

Я толкнул дверь и остановился на пороге. Протасов сидел за своим столом.

— Ну, навел ты шороху, Игорек, — сказал он с ухмылкой. — Влепят тебе завтра.

Я молча смотрел на него, с удивлением ощущая, что злость моя куда-то уходит. Что ей на смену приходит что-то вроде гадливости. Я знал Протасова много лет, и мне было нелегко в одну минуту перестроиться в отношении к нему. Поэтому я постарался сдержаться.

— Валя, — сказал я мягко, может быть, даже через чур, — ты всегда рассказываешь всем, кто мне звонит, где меня найти и чем я занимаюсь?

— Если очень просят — рассказываю, конечно. Случилось что-нибудь?

— Случилось, — сказал я, присаживаясь на стол напротив него. — Случилось, что меня за последнее время раза три могли убить или искалечить — и все с твоей помощью.

Его красные глаза тревожно забегали.

— Игорек, — сказал он обиженно, — откуда ж я мог знать? Ты б меня предупредил, я бы, как рыба... А то звонят тебе каждый день — всем вину да положь Максимова...

Я внимательно следил за его лицом. Придириовался или действительно все так и есть? Но ведь когда-то он работал так же, как я, неужели все забыл? Неужели может человек вот так перемениться, чтобы все забыть? Он глядел на меня, по-детски надувая губы, как бы говоря: «Зачем зря обижаешь?»

Похоже, не придиривается, решил я наконец. И тогда не осталось даже гадливости. Так, одна пустота.

— Знаешь, Валя, — сказал я, пересаживаясь за стол, к телефону. — Я тут много думал... История все-таки не абстрактная наука. Как бы тебе этого ни хотелось. Выйди из комнаты, мне позвонить надо.

Он поднялся с видом оскорбленного достоинства.

— Ну, знаешь, Игорь...

— И мой тебе совет, — сказал я ему в спину, когда он уже взялся за ручку двери. — Уходи из газеты. Пока не поздно.

Мне действительно надо было позвонить. У меня появилось твердое ощущение, что сегодня вечер отвечать на вопросы и что он еще не кончился.

— Здравствуйте, Таня, — сказал я. — Меня зовут Игорь Максимов. Я... одноклассник Андрея.

Другим словом в разговоре с ней я назвать себя не рискнул.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я про вас много слышала. Хорошо, что вы позвонили. Андрей просил, если с ним что-нибудь случится, разыскать вас. Вот и случилось...

Через сорок минут мы ехали с ней по ночному шоссе Энтузиастов. Она не знала точного адреса, но сама вызвала поехать со мной, чтобы показать дом. За всю дорогу мы больше ни словом не обмолвились про Андрея Елина, хотя, конечно, оба думали о нем.

Мы остановились возле девятиэтажки на одной из Владивостокских улиц.

— Пятый этаж, квартира восемнадцать, — сказала Таня. — Вон те окна, третья и четвертая от угла. Мне пойти с вами или оставаться?

— Лучше останьтесь, — сказал я.

В окнах горел свет.

Я поднялся на пятый этаж и подошел к двери. Маловероятно, что она откроется на мой звонок. Я огледелся. Створки распределительного щитка были скреплены куском закрученной проволоки. Размотать ее оказалось делом несложным. Над каждым из жучков масляной краской было аккуратно написано, к каким квартире он относится. Я повернул рукоятку под номером восемнадцать.

Прошла минута. Вторая. Третья. И наконец замок щелкнул. Передо мной, щурясь после темноты, стоял Саша Латынин.

Потом я дозвонился до Сухова. Разговор у нас с ним вышел краткий, но содержательный.

Ровно в одиннадцать я стоял на месте и наблюдал, как кремовый автомобиль, сверкая на солнце, выруливает с Крымского моста вниз, подкатывает на стоянку и замирает.

Быстро отыскав меня глазами среди толпы, Латынин закрыл машину и пошел спортивной походкой, на ходу приглаживая седой бобрик. Я тоже двинулся ему навстречу.

Я знал наизусть все, что ему скажу, столько раз я повторял это за сегодняшнее утро. Я представлял, как произнесу свой монолог и как Латынин изломает артистическую бровь, как глянут на меня сверху вниз из-под полуоткрытых век орлиные глаза навыкате. Сначала холодно и удивленно, а потом в них появится совсем другое выражение. Вот сейчас мы встретимся...

Между нами оставалось уже не больше десятка метров, когда Латынин вдруг пропал. Только что шел, мелькая в толпе своим седым бобриком, и вдруг скрылся. Мне показалось, что он споткнулся и упал. Вокруг места его падения мгновенно возник небольшой людской водоворот, я бросился вперед, расталкивая прохожих, и увидел его. Латынин лежал на земле в нелепой позе, раскинув руки, лицом вниз, а рядом с ним стоял на коленях успевший раньше меня высокий человек в клетчатой кепке. Через секунду сквозь толпу протолкался Сухов.

— Что?! — только выкрикнул он. А клетчатый, ответив ему что-то скрещивая руками, быстро встал и начал руками раздвигать напирающих с разных сторон людей.

— Граждане, разойдитесь, человеку плохо, разойдитесь, гражданин!

Я стал ему помогать, а Сухов куда-то испарился.

— Инфаркт, наверное, — сказали за моей спиной, и я вздрогнул, потому что где-то совсем недавно уже слышал эту фразу.

Я ничего не понимал. Появление милиционеров не было для меня неожиданностью: после утреннего разговора с Суховым я не слишком надеялся, что мне удастся произнести перед Латынином свой монолог, но такой финал был совершенно неожиданным. И, кажется, не только для меня.

Завывая, прямо на тротуар вбежала «Скорая». Снова появился Сухов. Вместе с врачом они перевернули Латынина, и я увидел, что глаза его закрыты. Врач приоткрыл веко, поднял безжизненную руку...

Боже, вот так же было с Кригером!

— Умер, — обращаясь к Сухову, негромко сказал врач. Но я рассыпался.

А я стоял рядом совершенно оглушенный и размышлял над тем, почему старого, больного человека зверски убили, а крепкий, полный сил мужчина умер внезапно от разрыва сердца. Судьба? Или нечто большее?

В самом конце рабочего дня я позвонил Сухову и, как ни странно, застал его на месте.

— Приезжай, — сказал он устало.

Сухов сидел один в комнате и что-то писал. Когда я вошел, он отложил карандаш, сначала сладко потянулся, как человек, долгое время не разгибавший спины на сидячей работе, а потом встал мне навстречу и, широко улыбнувшись, крепко пожал руку.

— Здорово, герой! — сказал он. — Ну, давай подробности.

И я начал рассказывать.

Тяжелые дни наступили в жизни школьника Саши Латынина, когда он узнал об ограблении квартиры Долгополовых. Никита примирился с ним тем же вечером с выпущенными глазами, рассказывая подробности — и про жезд счастья «жуи», и про пистолет. Саша почему-то сразу догадался, что к чему и слушал приятеля ни жив ни мертв, придумал, будто ему срочно надо к преподавателю, еле выпроводил Никиту и бросился к Центральному телеграфу.

Несколько дней назад его новый друг Марат, с которым их познакомил Сергей-офицант, встретившись с ним в городе, предложил пообщаться в «Праге». Это было роскошно! Неслышимые офицанты откладывали из-за спины подавали на стол нежную осетрину, нарезанную тончайшими палевыми ломтиками, бледную по сравнению с натуральной баночную ветчину, которая очередной раз доказывала, как обманчива бывает внешность, икру, сверкавшую каждым ядрышком в хрустальной оправе. А эти грибы в железных стаканчиках с длинными ручками, на которые бог весть зачем надеваются искусно вырезанные из бумаги воланы на манер новогодних!. Из напитков были только минеральная и «Фанта». «Деловые люди днем пить не имеют права», — сказал Марат. Зато седой, импозантный офицант, пошептавшись с Маратом и тонко улыбнувшись, ушел и вскоре вернулся, положив на стол пачку настоящих американских сигарет. В этот момент Саша в полной мере чувствовал себя «деловым человеком».

В последнее время Марат полностью заменил ему Сергея, который, кстати, куда-то пропал, перестал сам звонить. Теперь уже Марат подкидывал ему то джинсы, то последние модные диски, то даже чеки для «Березки» — и все по смехотворно низкой цене, небрежно при этом объясняя, что самому ему недосуг заниматься такими мелочами, выгадывать копейки: есть дела посерезней.

И вообще с Маратом было интересно. Для Саши за ним вставал целый мир — не совсем еще ясный, но блестательный. Мир, в котором современные Робинсы Гуды надували «лохов», как называл Марат всех дураков, чаще всего приезжих дельцов, богатых и глупых, наживших состояния на

мандаринах или гвоздике. «Лохам» подсовывали «куклы» —резаную бумагу вместо денег или медную мелочь в газете вместо царских червонцев, а однажды возле комиссионного магазина на Садовом-Кудринской продали одному из них завернутую в бумагу урую как заграницанной стиральной машиной. Над последней историей Саша смеялся до слез. В этом мире были свои короли и герои: знаменитые жокеи придерживали лошадей, знаменитые «каталы» —игроки в карты и бильярдисты —проигрывали друг другу тысячи, кто-то ездил на «Мерседес», кто-то был зеркальные стекла в загородном ресторане... С восхитительной легкостью употреблял Марат жаргонные и блатные словечки и выражения, которые непременно следовало запомнить, чтобы при случае блеснуть в компании. Но больше всего восхищало Сашу в Марате то, что с той же легкостью, когда возникал повод, он говорил о Фолкнере, Вернере и Рублеве. Вот он, в сущности, герой нашего времени: интеллигентный, образованный, великолепно знакомый с жизнью в самых разных ее проявлениях, умеющий при этом жить и зарабатывать деньги. Да ведь и сам Саша тоже не без оснований может считать себя интеллигентом —хотя бы в силу происхождения. Он образован, может, не настолько, как Марат, но у него еще все впереди, недаром в этом году он хочет поступать на исторический. Он теперь тоже зарабатывает деньги, пусть пока с помощью того же Марата. Короче, жизнь открывается перед ним во всем своем многообразии.

Между закусками и горячим Марат достал из кармана какую-то цветную фотокарточку, положил ее перед собой на стол и, закурив сигарету, принялся задумчиво рассматривать. На карточке были запечатлены две бронзовые фигурки явно восточного происхождения.

—Что это? —спросил Саша, отправляя в рот последний ломтик осетрины.

— Яма и Ями.

— Кто такие?

— Индийские божества, —ответил Марат. — Вы, молодой человек, конечно, «Ригведу» не читали? Зря. Очень поэтичное произведение. Яма был «первым, кто умер», он открыл путь смерти для других, иногда его называют еще «царем мертвых» или «собирателем людей». А Ями, его сестра-близнец, оплакивала его смерть, и так как ночи еще не существовало, она, бедняжка, повторяла все время: «Он умер только сегодня...» Тогда другие боги сжаласились над ней и создали ночь, чтобы даровать ей забвение. Вот так-то. Мороженое будешь?

Саша кивнул.

— И что боги тянут? —спросил небрежно.

— Вот этого я и не знаю, —вздохнул Марат. — Надо бы найти специалиста.

— Это можно, —ответил Саша, стараясь говорить спокойно, хотя все внутри у него задрожало от возбуждения: он может, кажется, быть полезным самому Марату! — Есть тут один на примете, могу помочь.

— Кто? Я не знаю? —насторожился Марат.

Саша рассказал ему про Дмитрия Леонидовича Долгополова, дядю Диму. Марат с сомнением покивал губами:

— Не слышал. Говоришь, солидный мужик? Это еще проверить надо. Бывает, с виду-то он солидный, а на самом деле первейший жулик.

Саша пожал плечами: Дмитрий Леонидович — жулик? Смех, да и только! Но промолчал.

— Сделаем так, —сказал Марат. — Разузнай мне все про него подробно, но только чтоб никто не понял, что ты интересуешься. Сумеешь?

Саша снова пожал плечами. Дескать, чего тут не суметь?

Через несколько дней он докладывал Марату все, что узнал от отца, от Никиты и даже от самого дяди Димы, который, как известно, любил рассказывать о себе и своей коллекции вся кому, кто желал слушать. Марат даже что-то помечтал в блокнотике и задавал вопросы, на которые Саша охотно отвечал, не замечая, что разговор как-то сам собой все время соскальзывает с личности генерала Долгополова на образ жизни его домочадцев. Кто когда ходит на работу или учебу, кто остается дома.

— Спасибо тебе, помог, —сказал Марат серьезно, захлопнув блокнот. Саша был на вершине гордости.

— Ну, —сказал Марат, вынимая из кармана толстую пачку денег и отсчитывая сто рублей. — Заработал.

Саша смущался, попытавшись отказаться. Он хотел дружески, в качестве любезности. Но Марат сказал наставительно:

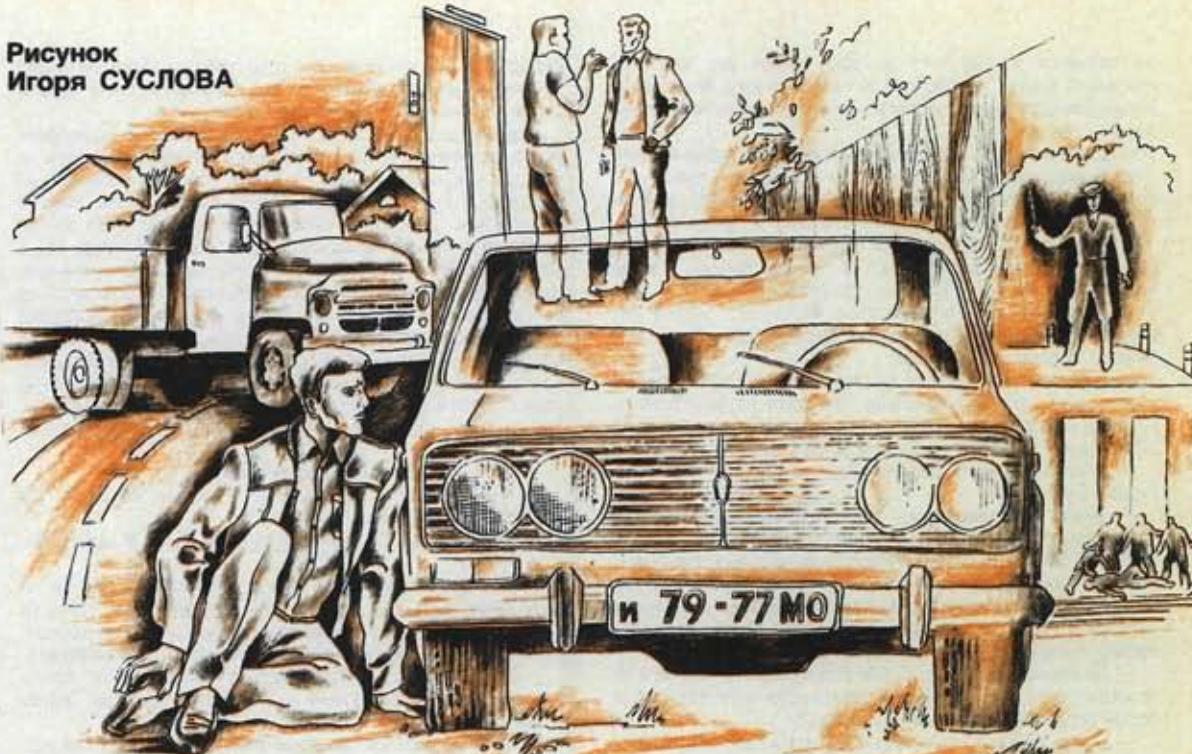
— Запомни: дружба дружбой, а денежки враз. От честно заработка отказываться не полагается. Лишнее только на суде дают...

И Саша взял. Как проклинал он потом свою глупость, мчась к Центральному телеграфу, где надеялся найти Марата. Оказывается, его так легко купить, так легко обмануть! Как... как последнего «лоха»!

В глубине души у него еще теплилась надежда, что Марат тоже мог просто проговориться кому-то, рассказать о квартире Долгополовых. Очень, очень слабая надежда. До позднего вечера проболтался Саша в тот день у телеграфа, бродил по центральным улицам, заглядывал в окна кафе и ресторанов, пытался даже прорваться в «Прагу», но надменный швейцар презрительно прогнал его прочь. Марата нигде не было.

Когда стемнело, он вернулся домой и пробрался в свою комнату, стараясь не шуметь, больше всего на свете боясь попасться на глаза отцу или мачехе: ему казалось, что они сразу все поймут по его виду. Пришла ночь, но и она не принесла Саше Латынину забвения. Он почти не спал и

Рисунок
Игоря СУСЛОВА

встретил утро осунувшимся, с синяками под глазами и с нехорошими мыслями в голове.

Марат позвонил сам днем, когда Саша вернулся из школы. Предложил встретиться: И, едва увидев его, сразу понял, что Саша обо всем догадался. Заговорил совершенно другим тоном.

— Все, не рыпайся, —сказал он резко. — Дело сделано, а ты наводчик. Говоря юридическим языком — соучастник. Статья 146-я — от шести до пятнадцати, читай УК.

— Я не наводчик, —упрямно замотал головой Саша, чувствуя, как слезы подступают у него к глазам.

— В милиции будешь оправдываться, —это усмехнулся Марат. — Но учи: даже если побежиша ступить, спекуляцию тебе все равно не простят. Знаешь, что такое спекуляция? Скупка или перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы, понял? Я ведь молчать не стану, и Серега-офицант тоже, все скажем. А пару-тройку из тех, кому ты сдавал, найди легче легкого. Спросят меня: почем отдавал? А их: почем брал? И весь ты будешь тут как на ладони! Статья 154-я, от двух до семи с конфискацией.

Земля уходила из-под ног у Саши Латынина в эти минуты. Все ожидаемое многообразие жизни оборачивалось одной серой однообразной нотой: герой нашего времени, образец для подражания, оказался примитивным грабителем. Но Саша не ощущал этой банальности, а значит, следующего за ней разочарования. В этот момент он ощущал один только ужас.

Марат между тем сменил тон на более спокойный:

— Кстати, за папочку квартиру можешь не беспокоиться. Раз ты теперь с нами, с ней ничего не случится. И еще. Вот тебе три сотни, это твоя доля, для начала. Бери, бери, —уже жестче добавил Марат, увидев, что Саша не хочет, — я же тебе говорил: от заработка не отказываются, а лишнее только на суде дают!

Саша передернуло так, будто глотнул хинки. Давешняя забавная прибаутка повернулась к нему новой жуткой и реальной стороной. И Саша взял деньги. Потом он мне объяснил, что попросту побоялся не взять. С этой минуты и до самой встречи со мной он почти все время боялся.

Да, тяжелые времена начались в его жизни. Он вдрызг разругался с преданной Диной, которая лезла к нему со своим участием. (Теперь-то он понимает, что сердился на нее за то, что не мог ей всего рассказать. А не мог потому, что боялся. И еще потому, что было стыдно.) Ходил злой, издерганный. И одинокий. Так продолжалось несколько дней, и все это время в нем зрело единственное решение: бежать. А когда оно окончательно созрело... он пришел к Кригеру.

Кригер, как видно, хорошо оценил степень опасности. Он был великим идеалистом, но прожил долгую и не всегда легкую жизнь, у него имелся за плечами опыт этой жизни, и он понял, что здесь портить горячку не следует. Кригер не стал звонить во все колокола. Он написал мне письмо с просьбой о помощи.

Вот теперь, излагая ход событий, неизвестных мне до встречи с Сашей Латыниным, я, можно сказать, подхожу к самой что ни на есть кульминационной точке. Скажем прямо, кульминация эта мало была обусловлена предыдущим развитием действий. Скорее следует отнести ее к категории незапланированных случайностей (не забывая при этом, что случайность есть категория закономерности). Но так или иначе, а она оказалась решающее влияние на все: одни события ускорила, другие вообще поставила с ног на голову. Саша нашел пистолет.

Саша нашел пистолет в своей собственной квартире. Рылся на антресолях в поисках старого рюкзака, с которым собирался уезжать из Москвы, и наткнулся на него в самом углу. Пистолет лежал, прикрытый сверху грудой тряпок. Табличка на его рукоятке не оставляла сомнений, кому он

принадлежит: «Тов. Долгополову Д. Л. За верную службу Родине».

Саша спустился со стремянки и стоял в коридоре, тупо рассматривая эту надпись, когда отворилась дверь отцовского кабинета. Виктор Васильевич повел себя неожиданным образом. Мягко забрав у Саши пистолет и положив в карман, он обнял сына за плечи и увел к себе. Здесь он посадил Сашу в кресло напротив себя, взял его руки в свои и долго молчал —то ли решаясь на что-то, то ли собираясь с мыслями...

Сухов слушал меня внимательно, машинально рисуя на листке бумаги кружки и квадратики, но я заметил, что в процессе моего рассказа между бессмыслицами каракулями появились две-три короткие записи, причем одна даже с тремя восклицательными знаками. Я ликовал.

Разумеется, все это я рассказывал Сухову в несколько более упрощенном виде, без особых прикрас и лирических отступлений: только факты. Однако некоторых театральных эффектов я все-таки не чурался и, дойдя до того места, когда Виктор Васильевич застукал Сашу в коридоре с пистолетом в руках, сделал паузу, во время которой Сухов отложил ручку, откинулся на спинку стула, вздохнул и прорыдал:

— Да, что-то в этом роде мы предполагали.

— Вот как, —сказал я сожалением. Театральный эффект пропал даром.

Сухов взглянул на меня и усмехнулся.

— Ты, может быть, не заметил, —проговорил он иронически, — но мы тоже старались не терять времени даром.

Это был явный намек на нашу вчерашнюю встречу, которой увенчался мой бесславный вояж в Крылатское.

— Ну ладно, —махнул рукой Сухов, переводя разговор, и я высоко оценил его благородство. — Рассказывай дальше.

Дальше у меня было припасено самое главное. Так, во всяком случае, мне представлялось. Дальше следовала история Виктора Васильевича Латынина. Как я ее понимал.

Вероятно, все началось несколько лет назад, когда Латынин-старший вдруг понял, что антикварный бизнес идет на спад. Как это сказала Елена Сергеевна? «Сейчас с этим стало так трудно!» Все меньше, даже в провинции, оставалось простофилю, готовых за гроши отдать уникальные вещи. А тут еще и конкуренция за последние годы возросла. Латынин же привык жить, ни в чем себе не отказывая. Конечно, он мог бы потихоньку продавать свою коллекцию. Но в том-то и дело, что расставаться он ни с чем не хотел. Всю жизнь он что-то приобретал, собственно, из этого и состояла его жизнь, в этом был ее главный смысл. И начать отдавать —значило изменить себе. А изменять себе Виктор Васильевич Латынин не привык. Вот тогда, по всей видимости, они и нашли друг друга с Маратом. «Клиенты» были из среды знакомых Латынина, исполнение Старикова и Галая.

А рядом жил сын. И нельзя отказать Виктору Васильевичу: сына он действительно любил. И по-настоящему страдал от отсутствия с ним общего языка. Наверное, он совершенно искренне жаловался мне тогда, что не умеет добиваться авторитета совместными турпоходами или домашними спектаклями. Но сам принцип ему был, видимо, ясен. Потому что он тоже решил привлечь сына к совместному делу. Момент был выбран подходящий, а может, намеренно создан: парень решил зарабатывать деньги самостоятельно.

Частенько бывает, что у родителей-преступников вырастают подобные им дети. Но случается и иначе. А Латынин-папа хотел таких случайностей избежать. И он решил сделать сына не просто наследником. Он захотел сделать его сообщником.

Программа, вероятно, была рассчитана на долгий срок, но зато какой в конце сулила она триумфальный результат: полный контакт с любимым сыном! Вот тут и произошла первая осечка — Саша нашел пистолет. (Думаю, у Латынина

он хранился потому, что во всей шайке его квартира считалась самой безопасной.) И теперь Виктор Васильевич вынужден был сидеть напротив сына и лихорадочно придумывать, что сказать.

В продолжение этого рассказа Сухов молча глядел куда-то поверх моей головы, вертя в руках карандаш. Пометок он больше не делал, и я совершенно не мог понять, как он относится к моей версии, такой стройной и продуманной.

— Так,—сказал он наконец и стукнул карандашом по столу.—Это все замечательно, но это все лирика. А меня интересует, что было дальше. Что сказал папаша?

Я решил на него не обижаться. Факты его, видите ли, интересуют. А вопрос, как, почему человек докатился,—это, значит, лирика... И я сказал:

— Папаша повел себя не лучшим образом. Совсем растерялся, понес какую-то околосцену. Про друга, который попал в историю и совсем запутался, про то, что ему надо помочь, но нельзя рубить сплеча... Что-то в этом роде.

— И тут мальчишка брякнулся ему про Марата,—уверенно сказал Сухов.

— Точно,—подтвердил я.—Именно брякнулся. Папочка сначала разыграл удивление, а потом понемногу стал признаваться. Стал говорить, какой Марат замечательный человек, намекал на какие-то туманные обстоятельства, дескать, все не так просто, как кажется. Ну и так далее. Короче, пытался запудрить парню мозги, наверное, чтобы просто выиграть время. А парень-то уже все понял, понимаешь?

— Понимаю,—протянул Сухов задумчиво.—А вот чего не понимаю: если папочка забрал у мальчишки пистолет, как он потом оказался в квартире у старика?

— Сейчас объясню,—сказал я.—Папа играл психологически точно; он сам взял да и отдал пистолет Саше.

— То есть как?—ошарашенно спросил Сухов.

— Натурально,—ответил я, довольный, что мне наконец удалось вывести его из состояния покоя.—Сказал: пусть пока хранится у тебя, ты будешь за него ответственным. Показывал, что дело, дескать, чистое, а к тому же, наверное, рассчитывал на пристрастие всех мальчишек к оружию.

— Понятно,—кинулся Сухов.—Через день-другой он придал бы его обратно.

— Естественно,—согласился я.—Но в тот момент это был для него дополнительный шанс протянуть время...

Я вспомнил, какие мысли приходили мне в голову, когда я слушал прошедшую ночь Сашин рассказ об этом пистолете. Нам кажется, что мы знаем собственных детей, только потому, что их жизни проходит будто бы на наших глазах. Но забываем, что вокруг есть другие люди, другие обстоятельства, и они тоже вляпываются в эти, наших детей. У Саши не было общего языка с собственным отцом, зато был со старым учителем, ибо природа, как известно, пустоты не терпит, особенно природа ребенка. К тому же вопреки расхожему мнению от переподанных джинсов до воровства и грабежа далеко не один шаг.

— Все ясно,—сказал Сухов.—Парень побежал с пистолетом к Кригеру.

— В тот же вечер. Он прибежал советоваться, и Кригер, надо отдать ему должное, снова оценил положение очень верно. Пистолет у мальчишки он, конечно, отобрал. Оставлять его, когда парень в таком состоянии, было невозможно. Еще хуже—допустить, чтоб до пистолета снова добрался папа.

— Эх!—воскликнул с досадой Сухов.—Ну что за люди! Вот тут бы твоему Кригеру набрать «02»...

Я посмотрел на него с некоторым сожалением.

— А Саша?—спросил я.—Кригер первым делом подумал про него. Во всей этой каше, которая заварилась бы, позвони он в милицию, мальчишка мог, пожалуй, свариться, а? Ведь правда, тут и спекуляция, и соучастие в разбойном нападении, разве нет? Иди доказывай потом...

Сухов пожал плечами.

— Вот видишь,—сказал я.—Даже ты сомневаясь. А Кригер сомневался втойне. Он на следующее утро спазированку позвонил мне и Елину, попросил приехать немедленно. Парню он посоветовал как можно скорее скрыться из дома и ждать, пока он с моей помощью наведет ясность в этом деле. Елин ему был нужен, чтобы в случае чего помочь мальчику уехать куда-нибудь подальше и там устроиться на работу. Может, он допускал, что навести ясность все-таки не удастся. А скорее всего, просто понимал, что Саша теперь становится опасен этой шайке как свидетель, и боялся за его жизнь.

— Лучше бы он за свою боялся,—проворчал Сухов.

Теперь настал мой черед пожать плечами. Что сделаешь, в этом был весь Кригер: меньше всего он думал о себе.

— Так ты считаешь, они искали парня, чтобы прикончить?—спросил Сухов.

— Я думал об этом. Мне кажется, у них на этот счет не было единого мнения: Латынин действительно очень любит сына. Он, видимо, еще надеялся его обработать, а Марат со Стариковым собирались действовать по обстоятельствам. Наверное, со мной у них потом была похожая ситуация: Марат настаивал на том, чтобы со мной кончать как можно скорее, а Латынин считал, вероятно, что можно попытаться обойтись без крови. Во всяком случае, я только этим могу объяснить, почему мне сначала меняли болты на колесах, а потом предлагали деньги и устраивали затею с псевдо-Уткиными.

— Как говорится, когда в товарищах соглашься нет...—затянул Сухов. И потребовал:—Ладно, не отвлекайся. Расскажи дальше.

В то роковое утро Саша занес в школу газету, к которой рисовал заголовок, и вернулся домой за вещами. Перенеся

телефон к себе в комнату и плотно прикрыв дверь, он решил последний раз позвонить Кригеру. А когда положил трубку, дверь распахнулась и в комнату вошел отец.

Конечно, он подслушивал,—это было совершенно резонно в его положении: после вчерашних откровений следить за каждым движением сына. Но даже для него услышанный разговор был слишком большой неожиданностью. Виктор Васильевич бросился на Сашу вне себя, от всей его сонной аристократичности не осталось в тот момент и следа. Ну, а мальчику в его состоянии хватило бы, наверное, и меньшего напора: через минуту отец знал про Кригера. Он схватил сына за ворот рубашки и с размаху шмякнул об стену. Он бы ударил его еще и еще, потому что был, кажется, в состоянии полного аффекта, но Саша вывернулся, бросился к двери и выскошел из квартиры. А Виктор Васильевич Латынин остался один на один с собой и с ясным пониманием, что сейчас, в эти минуты, под угрозой краха находится не просто его план, а вся жизнь...

— Дальше,—коротко бросил Сухов.

— Что дальше?—удивился я.—Неужели не ясно? Он пошел и убил Кригера.

— Пошел и убил,—повторил за мной Сухов в задумчивости.—А как?

Он поднял на меня глаза. Мне не нравились ни его тон, ни выражение лица. Как будто он еле сдерживается, чтобы не фыркнуть. Что-то у него было на уме, о чем он мне не говорил. Но я принципиально решила пока сам ни о чем не спрашивать.

— Как?—снова спросил Сухов, и я вспомнил это юркое словечко, разбудившее меня на утро после убийства. Теперь я мог ответить на этот вопрос.

Нет, не мгновенное озарение посетило меня на сей раз.

Тяжело, снатуго вытащив я цель событий из мутной тины этой истории. Мне понадобилось связать между собой легкую тень, мелькнувшую по стеклу двери, ведущей к мусоропроводу, и женщину, вошедшую ко мне в лифт на четвертом этаже, со всем, что я узнал от Саши. Теперь все кажется таким ясным: лифт, идущий вниз, останавливается на каждом этаже, где находятся кнопка вызова! А с площадки от мусоропровода можно засечь, когда человек вышел из квартиры и направился к лифту.

Думаю, убийца позвонил Кригеру по телефону и предложил спуститься вниз, обсудить кое-что нанейтральной почве, а сам затаился возле мусоропровода, как паук, поджидающий добычу. По стеклу скользнула тень, и он бросился по лестнице вниз, на пятнадцатый этаж—нажимать кнопку.

Двери открылись. Кригер стоял перед ним, все еще улыбаясь. Убийца ударил его в сердце—что это было: нож, заточка?—и нажал на первый этаж, точь-в-точь как до него это сделал младший Кругляк. Двери закрылись. Ни я, ни стоявшие рядом со мной женщины так и не заметили этой секундной задержки цифры «15» на световом табло. Лифт спускался вниз.

И все-таки убийца просчитался: смерть Кригера не решила всех проблем. Парень скрылся неизвестно куда, а Эрнст Теодорович успел в последний момент рассказать все Елину, чей телефон дал заранее Саше, и вызвать меня.

Тут, правда, шайка получила временную передышку. Они, вероятно, исходили из того, что Саша не пойдет сам доносить в милицию на отца, пусть даже на такого. Я еще пока толком ничего не знал: эти гады одно время возлагали на меня определенные надежды. А Елин... Саша дозвонился до Елина только в пятницу, и уже в субботу или в воскресенье Елин упал им как снег на голову.

Ах, здесь им повезло! Как жестоко, как непоправимо им повезло! Елин, благородный и самолюбивый Елин, упрямый и так бездарно самоуверенный Елин бросился на всю шайку один—и погиб. Я не знаю пока—но обязательно узнаю!—как это случилось. Уверен я в одном: он погиб как солдат, в бою.

Наконец, дошла очередь и до меня. Латынин предложил мне деньги—я отказался. Виктор Васильевич опасался, конечно, совсем не того, что его фамилия попадет в газету. Он смертельно боялся, как бы я не нашел Сашу. Я отказался—и он придумал этот спектакль с псевдо-Уткиными. Вероятно, навело на мысль похищенное у меня удостоверение. В принципе расчет был верным: если бы затем удались, мне на какое-то время стало бы не до других дел. Впрочем, и здесь вышла ошибка: не учили, что я могу связать убийство Елина с Сашей и таким образом все-таки найти его. Но так или иначе, а план в Крылатском провалился—и Марат решил со мной покончить. Но я выскошил, и тут им всем окончательно не повезло.

— Замечательно!—воскликнул Сухов, как мне показалось, на этот раз искренне.—Особенно насчет черной лестницы—тут ты просто молодец. И в общем-то всю их психологию ты довольно точно воспроизвел.

Мне снова не понравился его тон. На этот раз он был преувеличенно восторженный, что ли. И я сказал:

— Не морочь мне голову. Я чувствую, ты еще что-то знаешь.

— Я много-го чего знаю,—уже откровенно насмешливо протянул Сухов и вдруг спросил серьезно:—А вот ты мог бы убить человека?

— В каком смысле?—растерялся я.

— В прямом,—ответил он жестко.—Но не на фронте, не в бою, а вот в такой ситуации, как у Латынина.

Я покалывал плечами. Сухов заговорил, снова глядя куда-то поверх моей головы.

— В главном ты прав: Латынина-папу сгубила страсть ко всем этим цацкам. Вещички его сгубили, которые он всю жизнь собирал и копил. А вот в остальном ты ошибся.

Картинка у тебя вышла, конечно, душераздирающая: папа-преступник разворачивает собственного сына! Любите вы, пишущая братия, такие картинки... А на деле все было проще. Но и страшнее. Началось с того, что Латынин купил у Марата несколько вещей, которые перепродал весьма солидным людям, а вещички те оказались крадеными. Дальше—больше, отступать некуда, замочек-то и защелкнулся. Артист был нужен Марату—как наводчик и для сбыта одновременно, и он взял его мертвой хваткой, уж это-то он умел...

Здесь Сухов неожиданно зло выругался.

— Про Марата разговор особый. Это зверь редкостный, каких мало. И будет теперь еще меньше,—жестко добавил он.—А что до Латынина... Ты прав: сына он любил очень. Вот поэтому он и боялся больше всего на свете, как бы парень не узнал. Понимаешь ты? Тут драма была почерненней той, что ты тут мне нарисовал. Ему перед сыном было страшнее оказаться преступником, чем даже перед законом. И Марат это понял. Он понял это, зверюга, и взялся за парня—так же, как раньше за папу. Мертвое. И если бы не твой Кригер...

Вот так,—подытожил он после паузы.—И Латынин не разыгрывал изумления, услыхав от мальчишки про Марата: он действительно был изумлен и растерян. Думаю, он в эти дни столько всякого пережил, сколько за всю жизнь ему не доставалось...

«Ай да Сухов!»—восхитился я, мысленно принося ему свои извинения. А вслух спросил:

— Постой, а ты откуда это знаешь? Латынин умер, неужели Марат так быстро стал рассказывать?

Сухов отрицательно покачал головой.

— Как ты думаешь, зачем Латынин назначил тебе встречу у Парка культуры?

— Почем я знаю? Может, деньги опять хотел предложить, может, попытаться что-нибудь выведать про Сашу.

Сухов снова качнул головой.

— Век будешь гадать—не угадаешь. Он нес тебе письмо.

— Письмо?—поразился я.—Мне?

— Для Саши. Он ведь знал, что в конце концов ты его найдешь. Он все понял, когда до него дошло, что Марат и вся гоп-компания задержаны. Там, в этом письме, такое... Неудивительно, что у него не выдержало сердце. Он только казался сильным, этот артист, а на самом деле слабый был человек.

— Покажи!—чуть не крикнул я и, кажется, даже протянул руку. Еще бы: вот это журналистский материал! Но Сухов улыбнулся ласково, а ответил жестко:

— Нельзя. Это теперь документ, он у следователя в сейфе. И вот еще что: Латынин Кригера не убивал. Соучастником был, конечно, мог позвонить Кригеру по телефону, но убийцей—нет.

— А кто же?—совсем растерялся я.

Сухов все так же ласково улыбался. Теперь, кажется, настал его черед баловаться театральными эффектами.

— Помнишь, ты у старушки выяснял, не было ли перед подъездом елинской машины? Мы тут тоже провели свое... исследование. В то время, как ты вытащив Кригера из лифта, за два квартала от дома стоял пустой автомобиль марки «Жигули», третья модель, номер 79—77. Тебе случайно это ни о чем не говорит? Все...—замахал он рукой, увидев, что у меня на лице тысяча вопросов,—больше ничего тебе сказать не могу, об остальном догадывайся сам. Ты ведь у нас человек с воображением, а?

Конечно, можно было бы и обидеться на последний выпад, но почему-то совершенно не хотелось. Подписывая мне пропуск, Сухов спросил:

— Где сейчас мальчишка?

— Пока у меня. Я тут комнату снял.

— Что он намерен делать?

— Во всяком случае, домой, к мачехе, возвращаться не собирается. А там посмотрим.

32

Нина вытащила в коридор два тюка с моими вещами. Я в последний раз прошелся по квартире, собирая всякие принадлежащие мне мелочи. В ванной я заметил на полке мужские бритвенные принадлежности. Сухов выполнил-таки свое обещание, разузнал, кто владелец той новенькой «пятерки», и теперь я знал, что Нинин Марат—дамский закрывщик, причем очень модный.

— Хорошая комната?—спрашивала Нина с деланным участием.

— Отличная!—отвечал я.

— По-моему, ты счастлив?—удивлялась она.

— Конечно!—воскликнул я.—У меня теперь даже есть ребенок!

— Какой ребенок?—неприятно поражалась она.

— Уже довольно большой,—отвечал я со смехом.

— Вот видишь, как хорошо, что мы разошлись,—говорила она убежденно, хотя убеждаться меня не было необходимости. Сегодня днем мне на работу позвонила одна моя знакомая и сказала всего два слова:

— Бабушка уехала!

Так что я действительно был счастлив.

Жаль, конечно, что Завражный опять на этой неделе останется без судебного очерка. Начинается следствие, и по закону посторонним вход запрещен. Но я знал, что, когда придет время, материал появится. И будет он не только о преступниках. Он будет о Кригерсе, о Елине да, пожалуй, обо всех нас. По крайней мере заголовок для него я уже придумал:

«МОЖЕТЕ НА МЕНЯ ПОЛОЖИТЬСЯ».

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

ШАХМАТЫ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

РАБОТА НАД ТЕМОЙ

Гроссмейстер Валентин Руденко, о котором мы уже рассказывали,—автор интересной книги по шахматной композиции «Преследование темы». На примерах из собственного творчества он показывает особенности работы над определенными темами в различных задачных жанрах, что и нашло отражение в названии его книги.

Вот пример «преследования» автором одной геометрической темы.

1961 г.

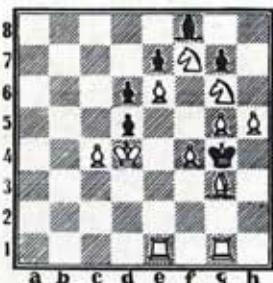
Мат в 2 хода

1. Феб с угрозой 2. Фд5x, 1... Фf7 2. Cf6x, 1... Cf7 2. Cf4x, 1... Кb4 2. Cd4x, 1... Ссб 2. Cd6x. Матющие ходы белого слона на 4

соседних поля образуют четкий геометрический рисунок — «звездочка» слова.

А вот как эта тема представлена Руденко в жанре трехходовки.

1982 г.

Мат в 3 хода

1. f5! — цугцванг. 1... Kpf5 2. Ch2!, 1... Kph5 2. Cf2!, 1... Kph3 2. Cf4!. 1... Kpf3 2. Ch4!. Здесь тема «звездочки» удвоена: белый слон на втором ходу копирует движение черного короля.

Следующая позиция предназначена для самостоятельного реше-

Мат в 4 хода

ния. Ответ будет дан в следующем номере журнала.

Решение задачи В. Руденко, опубликованной в прошлом номере: 1. Kf5? d5!, 1. Ke4!

ШАШКИ

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

КОМБИНАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ШАШКАХ

Участники шашечной олимпиады присыпают в редакцию свои композиции. Лучшие из них публикуются. Но очень многие имеют ряд изъянов.

Критерии оценки следующие: 1) единственность решения; 2) экономичность средств; 3) оригинальность.

Из всех жанров шашечной композиции самый популярный у читателей — комбинационные концовки. В зависимости от числа шашек они классифицируются следующим образом:

миниатюры (число шашек у каждой из сторон не более 7); средние проблемы (число шашек у каждой из сторон от 8 до 12 включительно);

проблемы (число шашек у каждой из сторон более 12).

ТРЕБОВАНИЯ К КОМБИНАЦИОННЫМ КОНЦОВКАМ

1. В начальном положении не допускается наличие дамок и перевес в силах черных более одной шашки.

2. Исходная позиция должна соответствовать правилам игры (возможность последнего хода черных и белых).

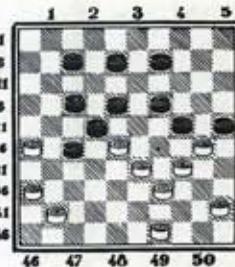
3. Не допускается перестановка первого хода решения.

4. Основной вариант комбинации должен иметь единственное решение.

5. Финал комбинации должен быть экономичным (без лишних шашек у белых для окончательного выполнения задания).

6. Не должно быть шашек-стартов (которые без ущерба для замысла автора могут быть сняты с доски).

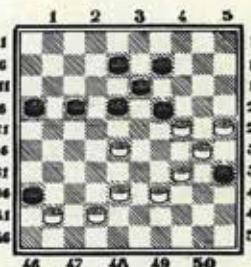
Предлагаем два учебных примера.

международного конкурса 1952 года.

Черные имеют решетчатое положение шашек. Белые подряд несколькими ударами на большинство распечатывают ворота черных.

1. 36—31! 27:47 2. 26—21 (среди шашистов установился термин «присоска», пока черным надо быть большинство, белые как бы присасываются к шашке 21) 2... 47:40 3. 21:1. Черные могут быть две шашки в двух различных направлениях 1) 3... 25:43 4. 45:34 22:33 5. 49:20x. 2) 3... 22:44 4. 45:34 24:35 5. 49:40 35:44 и в заключение простое 6. 34—30 25:34 7. 1:49x.

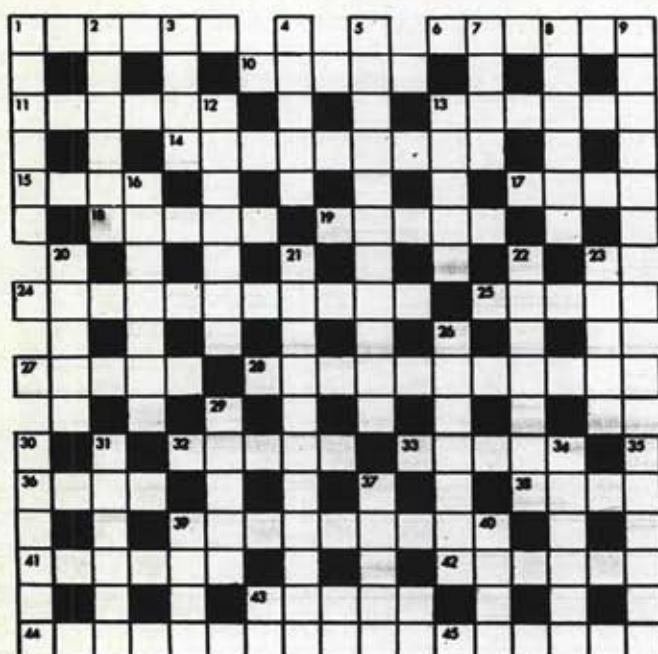
Позиция известного шашечного композитора Ж. Авида.

Сначала белые создают цепь из черных шашек для попадания в дамки.

1. 34—29 36:47 2. 28—23 19:28 3. 38—33 47:38 4. 33:11 16:7. Цепь готова, теперь сам удар — 5. 29—23 18:20 6. 25:1 35:24. Последним ходом черная шашка стала ограничителем для своей же дамки, и не составляет труда поймать ее. 7. 39—33 38:29 8. 1:45. Черные шашки отрезаны по верхнему двойнику, они обречены.

КРОССВОРД

Составила В. ФРОЛОВА,
Москва

По горизонтали:

1. Отсвет дальнего костра, пожара. 6. Стихотворный жанр, который в России первым применил В. Тредиаковский. 10. Нанос скользящихся с горы мелких пород. 11. «Светить — и никаких гвоздей! Вот ... мой — солнца!» (В. Маяковский). 13. Конфета. 14. Астрономическая «столица мира» во времена Улугбека. 15. Работа, деятельность. 17. Персонаж оперы Д. Пуччини «Турандот». 18. Народ, первым начавший охотиться на китов. 19. Советский певец-бас. 24. Твердая убежденность. 25. Размер, второй по частоте употребления в русской поэзии. 27. Переязочный материал. 28. Подвластность, несамостоятельность. 32. Давление, нажим. 33. Овощ, богатый калием. 36. В. Гершель 13 марта 1781 года открыл... 38. Буква греческого алфавита. 39. Первая любовь Н. А. Добролюбова. 41. Зверь, владеющий в зимнюю спячку. 42. Мера веса и объема в странах Латинской Америки. 43. Способность, склонность. 44. Металл, важнейшие минералы которого — монацит и бастнезит. 45. Рама для вышивания.

По вертикали:

1. Металл, которого в океане содержится больше чем по килограмму на человека. 2. Средневековое русское название мобилизации в пешие ратники сельского и посадского люда. 3. Город на востоке Франции. 4. Река в Швеции. 5. «Кеннеди был олицетворением ...» (Ж. Верн. «Пять недель на воздушном шаре»). 7. Титул Пилрига в романе Р. Стивенсона «Катриона». 8. Имя автора произведения «Госпожа Бовари», «Саламбо». 9. Переносное жилище у народов Севера. 12. Провинция, родина д'Артаньяна. 13. Река бассейна Белой на Урале. 16. Популярный английский зоолог и писатель. 20. Место действия одной из «страшных» повестей А. П. Чехова. 21. Раздел гидрологии, изучающий реки. 22. Одна из самых распространенных в мире птиц. 23. «Жуковскому при надлежит ... введение романтизма в русскую поэзию» (В. Г. Белинский). 26. Советский педагог, одна из создателей дошкольной педагогики в России. 29. Писатель-фантаст, чей брат — врач — придумал для него слово «робот». 30. Игра в мяч диаметром 12 дюймов. 31. Пряность. 34. Часть электролампочки. 35. Основное население автономной республики. 37. Город на северо-западе Танзании. 39. На то и ... в реке, чтобы карась не дремал. 40. Любимый музыкальный жанр Б. Шоу.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 20**

По горизонтали:

5. Фибра. 6. Ласты. 11. Банджо. 12. «Водник». 14. Рыбак. 15. Харза. 16. Центурион. 18. Стеварин. 19. Наварра. 20. Стагалант. 24. Пас-кат. 25. Юность. 26. Обтиратор. 27. Экстаз. 30. Мачете. 33. Искусство. 38. Ягуисро. 39. Ермолка. 40. Альтруист. 41. Запев. 43. Жирафт. 44. Пуансо. 45. Кровля. 46. Алмаз. 47. Бомба.

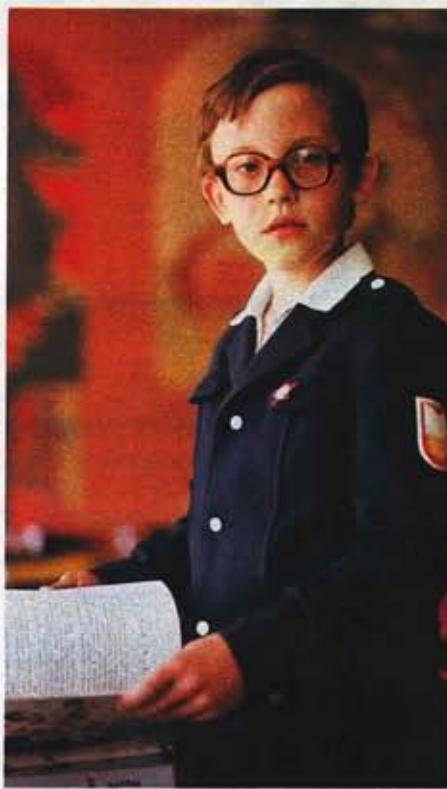
По вертикали:

1. Дирак. 2. Градиент. 3. Мандзоны. 4. Штрих. 7. Ыгыатта. 8. Портал. 9. Творог. 10. Лазарет. 11. Баланс. 13. Какапо. 16. Цистозира. 17. Наторморт. 21. Артек. 22. Абрис. 23. Мотет. 28. Кицмань. 29. Тустеп. 31. Чонкин. 32. Токата. 34. Солониак. 35. Уотсон. 36. Стукко. 37. Вестовой. 42. Вуаль. 43. Жлоба.

КНИЖНЫЙ ДАР

Продолжение.
Начало на стр. 16.

«ДУМАЯ О БУДУЩЕМ». Б. ЖАЗИОТ. АРГЕНТИНА.

ТАК ВЫГЛЯДИТ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

ЗДЕСЬ —
ИНТЕРЕСНО!

«ПРОДОЛЖЕНИЕ». Ю. РАКША. СССР.

«ПРОБУЖДЕНИЕ». Х. КОФИНО. КУБА.

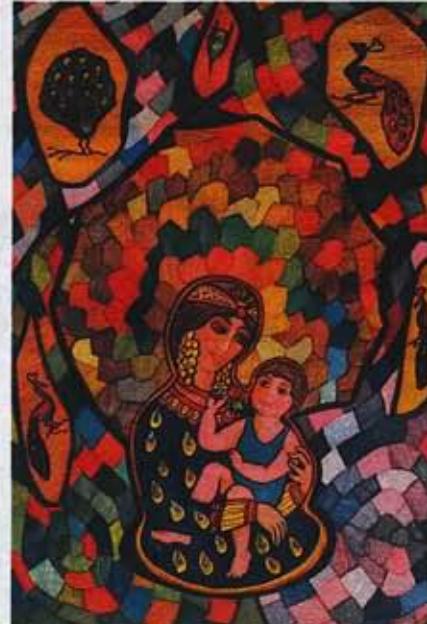
«И ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ». М. ДАНЦИГ. СССР.

В январе прошлого года состоялось ее торжественное открытие, летом нынешнего года картины привезли на выставку в Москву, затем вернулись домой, в Армавир.

...Дворец книги — можно ли иначе называть такое здание? — внутри оформлен выпускниками-строгановцами, расписавшими комнату сказок, занавес зрительного зала, подарившими множество своих дипломных работ из керамики, стекла, фаянса. Но главное в библиотеке, бесспорно, книги. И к открытию она пополнилась тысячами томов, подаренных Всероссийской детской и Всероссийской юношеской библиотеками.

Хотя штат у Дворца книги совсем еще мал (крайисполком обещает в этом вопросе помочь), уже создаются здесь литобъединения, задумывается «Театр книги», концертные программы.

А писатель Дангулов расширяет коллекцию, собирая монографии и альбомы о художниках, чьи картины украшают стены библиотеки, и передавая их в дар детям...

«МАДОННА ПАВА». Н. ГОРСКАЯ. СССР.

Подаркам всегда так радуются дети, но, вырастая, понимают, что дарить подарки, может быть, не меньшая, а во много раз большая радость, чем получать их.